

Г. Елисаветский

**Мы
вместе
сражались**

Мы вместе сражались

Г. Елисаветский

Г. Елисаветский **Мы**
вместе
сражались

Московский рабочий
1980

63.3(2)722
Е 51

© Издательство «Московский рабочий», 1980 г.

С автором этой книги мне довелось познакомиться еще году в двадцать девятом. Правда, тогда это знакомство было непродолжительным: на военных маневрах. В то время я командовал полком, он — ротой. Несколько лет спустя мы вновь встречались. Но более основательно я узнал Григория Давидовича Елисаветского уже в годы Великой Отечественной войны, в бытность мою командующим войсками Северо-Западного фронта. В состав фронта входила и 3-я Московская коммунистическая стрелковая дивизия, в которой он воевал. Эта дивизия прибыла к нам из Подмосковья, где она отличилась в боях по разгрому немецко-фашистских полчищ.

Войска нашего фронта оказывали неоценимую помощь героическим защитникам Ленинграда, оттягивали на себя значительные силы противника, сковывали и постоянно терзали неприятельскую 16-ю армию, не допускали переброски ее сил на другие, более важные для гитлеровцев направления.

3-я Московская (тогда уже 130-я) дивизия, о которой пишет автор, вела успешные бои по ликвидации

демянской группировки фашистских войск. В этих боях закалялся личный состав соединения, родилось и крепло боевое содружество его воинов, которое помогало побеждать противника.

Славный ратный путь дивизии пролегал от врат Москвы, через Северо-Западный, Прибалтийские фронты и закончился у берегов Балтики. Как одну из лучших, ее нередко перебрасывали на наиболее ответственные участки сражений. Она была преобразована в гвардейскую, награждена орденом Красного Знамени и получила наименование «Тартуская».

Следует сказать, что 3-я Московская была создана в тяжелые октябрьские дни 1941 года и предназначалась для непосредственной обороны столицы, в отличие, скажем, от ополченческих соединений, которые формировались в июле того же года и которым довелось участвовать в сражениях и на дальних подступах Москвы. 3-я была единственной из добровольческих дивизий сорок первого, которая получила наименование коммунистической.

Одним из достоинств настоящей книги, на мой взгляд, является то, что автор, рассказывая о фронтовом пути соединения, останавливается главным образом на боях отделений, взводов, рот, батальонов и описывает это не просто как осведомленный человек, а как очевидец, как участник этих боев. Ведь в первые годы войны Елисаветский был командиром батальона, командиром полка. А тот, кто воевал, знает, что такое комбат в те годы. Ему приходилось почти всегда быть впереди, вести в атаку подразделение, вдохновлять личным примером бойцов, а зачастую и стрелять из пулемета.

Это как нельзя лучше отображено в корреспонденции «О тех, кто завоевал орден», которая была напечатана в номере газеты «Вперед на Запад» от 25 июня

1943 года, посвященном награждению дивизии орденом Красного Знамени. В ней, в частности, было написано: «О том же помнил Григорий Елисаветский, когда, отражая контратаку, бил из «максима» по вражеским цепям. 50 фашистских трупов остались лежать на поле перед его пулеметом. Идя в атаку, Елисаветский заменил в ходе боя командира, пулеметчика и стрелка. Дважды раненный, он продолжал бой».

Впоследствии Елисаветский в составе 60-й армии командовал полком, который принимал участие в освобождении крупнейшего фашистского концентрационного лагеря — Освенцима. По приказу командования армии он был назначен начальником местного гарнизона. Проводил большую работу по спасению жизней бывших узников лагеря, по ликвидации последствий бесчинств гитлеровских захватчиков. Эти события и легли в основу воспоминаний, вошедших в издание в качестве отдельной части.

В целом книга «Мы вместе сражались» — это яркое свидетельство непосредственного участника событий, описанных в ней. Мне думается, что ее с интересом прочтут не только бывшие фронтовики, но и люди более молодых поколений, выросших уже после войны.

*Герой Советского Союза генерал армии
П. А. КУРОЧКИН*

*Пройдут года, орудий смолкнет гром,
Мы соберемся вместе, как бывало,
И с болью вдруг заметим: за столом
Так много мест, а нас так мало.*

В. Мозурюнас

ОТ АВТОРА

Как-то мне встретилась фраза: «Памяти спешить некуда». И я подумал: а так ли это? Память, за редким исключением, едва ли в состоянии сохранять долгие годы детали пережитого, и возлагать на нее особые надежды и полностью доверять ей — опрометчиво. Память, даже не стареющая, может подвести, ох, как подвести!

Нет, давай поспешим, моя память, пока события у тебя еще не унесло временем. Извлечем наиболее важное из того, что ты хранишь о людях, являвших пример безупречного служения Родине, об их доблести и отваге, о чем они сами уже не могут рассказать.

В грозном сорок первом я был одним из тысяч людей, которые взяли винтовку в руки и пошли отстаивать родную землю, уже будучи достаточно опытными в военном деле да и в житейском понимании этого слова. Три с половиной десятка лет было прожито, из них многие отданы армейской службе. Не могу сказать, что я получил боевую закалку в предыдущих войнах, скажем в гражданской или во время вооруженного

конфликта с Финляндией. То, что выпало на мою долю и долю комсомольцев моего поколения в годы гражданской войны, можно считать лишь символическим участием в боевых делах.

До сих пор помню, как в 1920 году нас, группу новоиспеченных комсомольцев, зачислили в первый запасной батальон 14-й армии, выдали винтовки-трехлинейки, погрузили в эшелон и отправили на «фронт», не то в Проскуров, не то в Фастов. Но если сборы на войну были недолги, то участие в ней оказалось еще менее долгим. До «фронта» мы тогда так и не дошли. Кто-то из военного начальства, увидев нас, приказал немедленно вернуться домой.

Случай этот стал, видимо, одним из тех важных моментов в моей начинающейся самостоятельной жизни, которые в совокупности привели меня на путь кадрового военного. В таком качестве мне и довелось впервые участвовать в настоящих боевых действиях задолго до Великой Отечественной войны — в ликвидации банды, орудовавшей на юге нашей страны.

Конечно, то боевое крещение никак не шло в сравнение с тем, что довелось вынести в лихую годину войны с фашизмом. Потом уже, будучи на фронте под Москвой в сорок первом, на Северо-Западном фронте и других участках сражений с гитлеровцами, я часто мысленно возвращался к первым боям, и мне все казалось, что я из всей моей довоенной жизни чего-то не добрал, что-то упустил и что именно этого мне сейчас и не хватает. Видимо, давало знать о себе колоссальное напряжение, которое мы нередко испытывали, особенно в первые месяцы войны, в дни великой Московской битвы, где я сражался в рядах столичных добровольцев-коммунистов.

Война... Уже одно упоминание о ней не позволяет оставаться равнодушным. На каждом, кого она опах-

нула своим раскаленным дыханием, на всю жизнь остались ее страшные отметины. Об этом я могу судить не только по себе, но и по моим боевым товарищам, вместе с которыми воевал на фронтах Великой Отечественной против ненавистного врага. Теперь уже немногие из нас остались в живых. И, памятуя о наших годах и ранах, мы часто встречаемся, поддерживаем постоянную связь друг с другом, делимся воспоминаниями о минувшем. Нередко доводилось выступать с рассказами о войне перед молодыми людьми, перед теми, кто, как говорится, не нюхал порошу и о войне знает только по книгам и фильмам. И во время этих встреч неизменно думалось: пока еще есть силы, пока мы, живая память о войне, ходим по земле, надо рассказать новым поколениям все, что мы знаем о Великой Отечественной. Рассказать для того, чтобы молодые люди знали и помнили о своих отцах и дедах, не вернувшихся с фронта, и взяли себе в пример их светлые жизни.

Так еще много лет назад возникла у меня мысль написать книгу о пережитом, о боевых друзьях-товарищах. И эта мысль уже не давала покоя до тех пор, пока не родились первые строчки, первые страницы.

В заключение хочу сказать, что книга эта создавалась на основе материалов, взятых из разных источников: архивных данных, моих записей и воспоминаний, опубликованных в разное время в периодической печати, фактов, документированных покойным Аркадием Полетаевым, бывшим редактором дивизионной газеты, и т. д. Приношу благодарность моим однополчанам, которые помогли многое восстановить в памяти.

*Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой.
Гете*

МОСКОВСКАЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ

Утро 22 июня 1941 года было тихое и ясное. Лучи солнца пробивались сквозь высокие деревья в окна загородного дома. В воздухе стояла густая смесь живительных запахов хвои и полевых цветов. Было еще достаточно прохладно, но по всему чувствовалось, что день предстоит жаркий. Хотелось полежать в постели, понежиться. Но укоренившаяся во мне за время многолетней военной службы привычка рано вставать, даже тогда, когда нет особых дел и некуда спешить, заставила все же подняться. К обеду в нашей семье ждали гостей. Вместе с сыновьями мы сделали зарядку, несколько упражнений на турнике и отправились поплавать на озеро, находившееся недалеко от дома.

Только вышли на берег, как подошел сосед Иван Петрович Кириллов, человек пожилой, участник первой мировой войны. Он нередко рассказывал увлекательные, а подчас забавные истории из своей жизни. Вместе с тем Иван Петрович не был лишен определенных причуд, например верил во всякие приметы. Вот и

сейчас, едва поздоровавшись, он начал разговор с того, что ему приснилось такое, от чего он проснулся в холодном поту. Сон был очень страшный, и, судя по нему, нам предстояли какие-то тяжкие испытания, причем они должны коснуться всех без исключения. Мы начали посмеиваться над его суеверием, но он говорил с такой убежденностью, что у нас даже немного испортилось настроение. Тем не менее прекрасная погода и купание быстро восстановили душевное равновесие и безмятежность. Вскоре все забылось, и мы разошлись по домам. Стол уже был накрыт к завтраку. После зарядки и купания мы не ждали приглашений, и у хозяйки не было повода обижаться на отсутствие у нас аппетита.

После завтрака мы стали придумывать, чем заняться. Кто-то из ребят напомнил, что давно собирались отремонтировать ворота, да все откладывали. Предложение было принято, и мы приступили к делу. Сняли одну створку ворот, перебрали раму, набили на нее тес.

Спустя некоторое время решили сделать перекур, полежать на траве. Не успели расположиться, как раздался голос старшего сына:

— Идите все сюда, сейчас будут передавать экстренное правительственное сообщение.

Прибежали к репродуктору, висевшему на столбе, сидим ждем, гадаем: что бы это значило? Воскресенье — и вдруг какое-то важное правительственное сообщение. Чем вызвана такая срочность? Ждали и предполагали все что угодно, только не то, что услышали.

Как гром среди ясного июньского дня, согретого лучами солнца, прозвучали слова главы правительства о вероломном нападении гитлеровских полчищ на нашу страну. Мы были словно оглушены. Никто поначалу не

мог произнести ни слова. В общем-то, о войне тогда говорили немало, все знали, что в Европе она уже идет, что надо быть готовыми дать отпор в случае нападения врага и т. д. и т. п. Но все-таки о войне думалось как о чем-то абстрактном, не имеющем, по крайней мере сейчас, к тебе самому и твоим близким прямого и непосредственного отношения.

Ни у кого из нас тогда не укладывалось в голове, что Гитлер может решиться на такую авантюру, как война против Советского Союза. А что это авантюра, понимали уже в то время и некоторые общественные и военные деятели в самой Германии, отнюдь не относившиеся к людям прогрессивного направления. В частности, можно вспомнить высказывание философа Освальда Шпенглера, которому, безусловно, следует отвести место правофлангового в немецкой буржуазной идеологии, автора широко нашумевшей в двадцатые годы книги «Закат Европы», а перед приходом Гитлера к власти написавшего брошюру с трагическим названием «Европа перед крахом». Этот кабинетный ученый, никогда не видевший поля сражения, писал, что для Германии военные действия против России были бы безумием, ибо фронт Ленинград — Москва — Средняя Волга только начало войны с ней. Шпенглер предупреждал своих сограждан: «...на этом протяженном фронте затеряется не только германская армия, но и любая комбинация европейских (да и не только европейских) армий».

Гитлеру не было дано постичь эту мудрость. Он как маньяк бросился в безумную авантюру, и его политическому заблуждению эпоха вынесла безжалостный приговор.

Мы сидели перед умолкнувшим репродуктором, не зная, что делать, с чего начинать, куда идти. Постепенно стали осознать, что нашу страну постигла

беда, большая беда. Сразу представилось, что, пока мы здесь переживаем и обдумываем сообщение правительства, там, на границе и во многих советских городах, подвергшихся бомбардировке воздушных пиратов, льется кровь мирных людей — наших соотечественников.

Как только мы пришли в себя, сразу же решили ехать в Москву. Мне предстояло связаться с моим начальством и выяснить, куда прибыть и что делать.

На дачной железнодорожной платформе было многолюдно, но стояла какая-то настораживающая тишина. Люди молчали или разговаривали тихо. Куда девались обычное оживление, шум, громкие голоса! И в переполненной электричке было гнетущее безмолвие. Люди пригнулись под тяжестью обрушившейся на них беды, на лицах озабоченность, никаких разговоров и споров. Да и о чем говорить, когда все думы только о постигшем страну бедствии, о том, что уже имеются жертвы. А сколько их еще будет?

Конечно, далеко не все понимали, какие предстоят тяжкие испытания. Ведь тогда мало кто думал, что врага в случае войны допустят даже до границы, считали: враг будет бит на его собственной территории. Так воспитали наше поколение, и много мы и представить себе не могли.

Вечером добрались до дома. Стали маскировать окна. С балкона седьмого этажа виден был затемненный, суровый и притихший город. Спустя некоторое время решили пойти за хлебом, пока еще не были закрыты магазины. Подошли к булочной на улице Кирова, но ее обволокла необычная темнота, даже входной двери не было видно. Поражало, как сильно изменились улицы Москвы. Еще вчера они были залиты огнями, теперь же погрузились во мрак и притихли.

Прохожие двигались как тени, говорили так же, как

на загородной железнодорожной платформе, вполголоса, словно опасаясь, что их может подслушать враг. Иногда, видимо, от непривычки к темноте, а может, от задумчивости, прохожие наталкивались друг на друга. Очнувшись, извинялись и продолжали путь. Трамваи, автобусы двигались с потухшими фарами. Иногда в этой темноте вдруг появлялся автомобиль с включенными вполнакала фарами. Это вызывало негодование. Каждый готов был броситься, остановить, строго высказать с нарушителя.

Репродукторы не выключались. Сегодня надо слушать все. Правительство объявило состояние войны. Передавали указ о мобилизации в армию ряда возрастов, сообщение МПВО о мерах светомаскировки, о правилах поведения в общественных местах и различных обязанностях граждан. А в перерывах между официальными сообщениями вдруг прорывалась музыка. В эти минуты казалось, что ничего катастрофического не случилось, что мирная жизнь продолжается так же, как вчера, позавчера.

Но нет, жизнь предъявляла свои новые права и возлагала другие обязанности. В сущности, произошло то, к чему мы должны были быть готовы. А внезапность происшедшего обязывала еще больше напрячь силы и сокрушительнее ударить по врагу.

Вскоре все начало становиться на свои места. Механизм нового, военного времени заработал. Поступали приказы и распоряжения о мобилизации людей, транспорта, о противовоздушных мероприятиях.

Война стала печальной действительностью. Она вошла в каждый дом, на каждое предприятие, в каждое учреждение. Надо было всем определить себя в новом положении. На всю жизнь врезались в память

первые сообщения с фронтов. До боли сжималось сердце, когда слышали сводки об отходе наших войск.

Примерно за год до начала войны меня послали на строительство дома Наркомата обороны, где судьба свела меня с Федором Васильевичем Бахиревым. Случилось так, что, как только я приступил к работе, мне надо было поговорить с секретарем партийной организации стройки. Им-то и оказался Бахирев. Шел я к нему не без волнения: а каков этот секретарь? Поймет ли мое душевное состояние или проявит равнодушие?

С первых слов я почувствовал, что все мои страхи напрасны. Передо мной сидел простой, сердечный человек, его глаза излучали теплоту. Он выслушал меня и спокойно, как будто не заметив моего раздражения, мягко и тактично сказал:

— Работайте, и все будет в порядке.

Вышел я от Бахирева со смешанным чувством. Было приятно, что секретарь парторганизации оказался душевным человеком, настоящим коммунистом ленинского стиля. Вместе с тем не давал покоя червячок сомнения: уж больно он хорош показался, Бахирев, а не скрываются ли за его внешним расположением некие пороки?

Жена, научившаяся по одному моему виду определять настроение, вечером с тревогой спросила:

— Что случилось?

Мой ответ был неожиданным и, пожалуй, неуместным:

— Скажи, ты веришь в любовь с первой встречи?

Надо было видеть в этот момент выражение лица жены. Она, конечно, все поняла по-своему, по-женски, по всей вероятности, подумала, что я скоропалительно влюбился. Поняв неуместность вопроса, я поспешил рассеять ее сомнения, рассказав о встрече с замечательным человеком.

— Смотри, только бы из-за своей доверчивости ты опять не ошибся,— сказала она.— Не раз ты за нее уже расплачивался.

Но тут я не ошибся. В этом случае симпатия с первого знакомства оказалась крепким чувством и выдержала испытание временем. Завязалась прочная дружба между совершенно разными по характеру людьми, можно даже сказать, между антиподами: мною, вспыльчивым, экспансивным, нетерпимым, очень ранимым, и спокойным, уравновешенным, мягким, подчас кажущимся чуть-чуть флегматичным Федором Васильевичем. Главное же в Бахиреве состояло в том, что он был человек принципиальный, никогда не навязывал своей воли, всегда и во всем помогал тактичным и дельным советом, будь то в боевой обстановке или в мирное время.

На фронте мне довелось командовать многими подразделениями и частями. Судьба сводила меня не с одним комиссаром или заместителем командира по политической части. Это были люди с разными характерами, с разным стилем работы. Многих и сейчас вспоминаю добрым словом. Но всегда я непроизвольно сравнивал их с моим первым комиссаром — Бахиревым. И мне казалось, что Федор Васильевич обязательно в чем-то лучше каждого из них.

Вторая встреча с Бахиревым произошла на следующий день после того, как началась война. Я решил немедленно отправиться в действующую армию и подал рапорт. Комиссар части встретил мой порыв довольно холодно:

— Без вас решат, кому где находиться.

Ответ показался обидным. И я обратился к Бахиреву в надежде, что он, секретарь парторганизации, поддержит меня. Но не тут-то было. Федор Васильевич, хотя и в более мягкой форме, сказал примерно то же.

— Вам, Григорий Давидович,— пояснил он,— поручено организовать военно-учебный пункт и готовить из числа рабочих и служащих призывного возраста пополнение для армии, создавать команды МПВО на объектах, обучить людей тушению пожаров и уничтожению «зажигалок».

— Неужели для опытного командира-пулеметчика не найдется места на фронте? — возмутился я.

— Вот как раз вам, опытному кадровому военному, и поручают ответственное дело. И чтобы покончить с дебатами, сообщаю: вы будете командиром, а я, с вашего разрешения, политруком, хотя тоже предпочел бы передовую. Если не возражаете, то по рукам.

С этого времени мы с Федором Васильевичем Бахиревым взялись за выполнение приказа, и наша совместная работа, в которой пришлось преодолеть немало трудностей, еще больше сблизила нас. Товарищеские отношения переросли в большую дружбу, пронесенную через все невзгоды тяжелых военных лет и продолжающуюся поныне.

В начале июля в сознании людей произошла заметная перемена. Партия призвала народ к организованности, разъяснила положение, наметила программу действий, чтобы каждый человек смог определить свое место в новых условиях. И хотя с фронтов шли неутешительные вести, люди переменились. К ним вернулась уверенность. Все поняли, что, как бы ни были тяжки испытания, каким бы ни было серьезным и опасным положение, в конце концов нас ждет победа. А в то время уверенность была решающим фактором.

Потекли дни напряженной работы. Созданный нами военно-учебный пункт начал функционировать. Надо было добыть учебные пособия, материальную

часть, то есть оружие. Мы готовили пулеметчиков, а станковых пулеметов не имели. Длительные поиски и хлопоты наконец увенчались успехом. Достали учебный станковый пулемет, несколько винтовок и кое-какие пособия и наставления. В общем, самое необходимое для того, чтобы можно было приступить к изучению оружия, теперь у нас имелось. Организовав занятия, мы не прекратили попыток получить пригодное для стрельбы оружие. Вскоре разыскали уже не учебный, а боевой станковый пулемет. И наша радость была неопишуемой, когда мы сделали первые выстрелы из него.

Преодолев одну трудность, мы столкнулись с другой. Дело в том, что не все привлеченные к обучению военному делу правильно поняли настоятельную необходимость его и серьезность данного положения. Многие еще не могли свыкнуться с мыслью, что страна перешла на военное положение, что каждый гражданин должен быть готов в любой момент стать в ряды защитников отчизны, что для этого прежде всего надо хотя бы научиться владеть оружием. Кое-кто под различными предлогами старался увильнуть от занятий. Были и такие, которые не поняли характера и особенностей этой войны и считали, что успеют пройти соответствующую подготовку, когда их призовут в армию. Некоторые недружелюбно встретили распоряжение о переходе учебного пункта на казарменное положение, и надо было убеждать их в том, что они теперь уже военнослужащие.

Серьезным и трудным делом оказался подбор командно-инструкторского состава. Среди привлеченных к учебе были и младшие и средние командиры запаса. Но во-первых, сами они порядком позабыли то, чему их обучили в свое время в армии, во-вторых, они без особого рвения брались за обучение бойцов. Да и не

всегда у них это получалось. Лица, назначенные на должности командиров, чтобы обучить людей, которым они одновременно подчинялись по гражданской службе, чувствовали себя несколько стесненно и не всегда могли настоять на требовании выполнить приказ, соблюдать дисциплину.

Чтобы заинтересовать людей самой учебой, мы старались построить занятия в увлекательной форме. Форсировали начало учебно-боевых стрельб. Бойцам это пришлось, как говорится, по вкусу. Они прониклись уважением к старому «максиму».

В конце концов люди поняли всю серьезность положения и взялись за дело с душой. По вечерам, в свободные от занятий часы, бойцы разбирали и собирали пулемет, устраивали проверки знаний материальной части оружия и теории стрельбы. И результаты этого вскоре не замедлили сказаться на качестве самих стрельб. Нам было приятно сознавать, что люди основательно готовят себя к вступлению в ряды армии.

Однако полного удовлетворения все же не было. Казалось, что мы что-то еще не доделали. И возникла мысль обучить людей еще какой-либо военной специальности. Больше склонялись к тому, чтобы каждый овладел вождением мотоцикла. Но кое-кто из начальства отнесся отрицательно к нашей инициативе: мол, не стоит перегружать людей, да и мотоцикла нет, а достать его теперь не так-то просто.

Однако настойчивость политрука взяла верх. Мы стали проводить обучение бойцов во внеурочные часы. Еще раз подтвердилась истина, что настоящее увлечение делом — серьезный фактор достижения цели. Когда люди вошли во вкус, «заболели» этим делом, то откуда-то притащили части мотоцикла, а потом и сам мотоцикл на ходу. Нашелся хороший инструктор, кипела работа.

Время шло. Люди менялись: обученные военному делу отдельные бойцы и целые группы отправлялись на фронт, а взамен приходило новое пополнение. Каждые проводы бойцов оставляли в душе осадок горечи и некоторой обиды: ведь люди шли воевать, драться с врагом, а нам приходилось снова оставаться здесь, в тылу.

Как-то среди дня на наших учениях побывал райвоенком и высоко оценил их.

30 сентября переходом в наступление 2-й танковой группы в полосе Брянского фронта гитлеровцы начали операцию по захвату Москвы под кодовым названием «Тайфун». На Западном стратегическом направлении развернулись события, которые положили начало великой Московской битве, продолжавшейся до весны следующего, 1942 года.

Обладая значительным превосходством в силах, враг рвался вперед. Положение на подступах к Москве становилось все тяжелее. В эти грозные дни Московский комитет партии бросил клич: коммунисты, комсомольцы и все москвичи, кому дороги завоевания Октября, кому дорога наша столица, должны считать себя мобилизованными на борьбу с врагом.

13 октября на собрании актива Московской партийной организации наряду с другими мероприятиями, намеченными к проведению в связи со сложившейся обстановкой, было решено создать коммунистические и рабочие батальоны во всех районах города.

Люди были полны решимости отстоять родную столицу, не допустить к ней врага. 14 октября на пресс-конференции для иностранных корреспондентов заместитель начальника Совинформбюро С. А. Лозовский заявил: «Положение на Западном фронте очень

серьезное, но в Москве и во всем Советском Союзе есть полная и абсолютная уверенность, что немцы могут уложить во много раз больше своих людей, но Москва останется советской».

Вера москвичей в конечный успех не ослабела и тогда, когда в одной из сводок Совинформбюро было сообщено: «В течение 14 и 15 октября положение на Западном направлении фронта ухудшилось. Немецко-фашистские войска бросили против наших частей большое количество танков, мотопехоты и на одном участке прорвали нашу оборону. Наши войска оказывают врагу героическое сопротивление, нанося ему тяжелые потери, но вынуждены на этом участке отступить».

Чем тяжелее складывалось положение на подступах к столице, тем решительнее были действия москвичей. Они взяли за оружие и готовились защитить родной город. Работники предприятий поставили себе задачу максимально увеличить производство вооружения и боеприпасов. Новые боевые призывы «Каждый завод, каждая фабрика Москвы должна стать кузницей оружия для фронта!» и «Каждое предприятие столицы использовать в интересах обороны Москвы!» прозвучали набатом. Они вызвали огромную волну патриотического движения. Все москвичи, от подростков до седовласых стариков, независимо от рода занятий и общественного положения, оказались в одном строю. Люди были охвачены одним стремлением — разгромить врага.

14—16 октября во всех районах столицы проходило формирование коммунистических добровольческих батальонов. В них шли члены партии и беспартийные, чтобы с оружием в руках выступить против захватчиков. Шли знатные люди города: кавалеры ордена Ленина Пескряков, Найденов, депутат Верховного Совета РСФСР Ена, заместитель председателя Радиокоми-

тета СССР Г. Стуков, передовые рабочие с автомобильного завода.

В строй добровольцев вставляли семьями: пулеметчики отец и сын Лебедевы, член партии с 1917 года Л. Фельдман и его сын, семнадцатилетний ученик 9-го класса Николай, сандружинницы мать и дочь Гладковы, коммунистка Мария Мстиславская с двумя дочерьми-комсомолками, педагог Ц. Болдано с женой и сыном, учеником 8-го класса. Зачислялись добровольцами представители науки: профессора, доктора наук Дунаевский, Партигул, Корзинкин, Козловский, кандидаты наук Сидоров, Бычков, Шунков, Ровинский, Симовский-Вейтков, Жидкова, известные изобретатели Бендерский, Скуридин, Соколов.

В коммунистические батальоны записались руководящие работники наркоматов, в частности заместитель начальника главка Наркомата станкостроительной промышленности Н. Нестеренко, секретарь коллегии Наркомнефти С. Дегтярев, начальник бюджетного управления Наркомфина РСФСР В. Шварев.

Бывший начальник политотдела 3-й коммунистической дивизии Константин Александрович Бирюков, ставший после войны председателем совета ветеранов этого соединения, вспоминал: «Батальоны формировались исключительно из добровольцев. В них вступило немало передовиков производства ведущих московских предприятий — автомобильного завода, «Серпа и молота», Государственного подшипникового завода и многих других. Были нередки случаи, когда в батальоны записывались целыми коллективами.

Геологоразведочный институт имени Серго Орджоникидзе готовился к эвакуации. На партийно-комсомольском собрании секретарь парткома И. Я. Пантелеев предложил тем, кто решил добровольцем записаться в батальон, выйти во двор для построения. Че-

рез несколько минут почти все участники собрания с боевыми песнями направились на сборный пункт.

В Свердловский батальон вступила передовая бригада проходчиков Метростроя в составе И. Монеткина, И. Володина, А. Зарецкого и других. С завода «Серп и молот» пришли в Первомайский батальон одни из лучших рабочих предприятия — ударники А. Каменев, Ф. Титов и другие.

В коммунистические батальоны записалось немало представителей советской интеллигенции. Так, в батальон Первомайского района вступили руководящие работники предприятий И. И. Бугоскин, А. М. Мунтаров, А. Э. Рамишвили, в батальон Куйбышевского района — профсоюзные активисты И. А. Рыбаков, С. А. Астахов и другие».

Можно с полным правом сказать, что это был цвет партийной организации Москвы, истые патриоты столицы.

Бойцы коммунистических батальонов Коминтерновского и Ростокинского районов в обращении к труженикам города писали: «Ляжем костьми, но не отступим, добьемся того, чтобы подступы к любимой Москве стали могилой для фашистов... Верьте в силы великого русского народа, в силы верных сынов нашей Родины и красной столицы — Москвы. Мы победим, потому что любим нашу Родину. Победим, потому что в борьбе за прекрасную жизнь презираем смерть».

В октябрьские дни родилась песня, в которой звучала уверенность и решимость москвичей. Полюбившуюся песню с удовольствием распевали добровольцы:

Мы не дрогнем в бою за столицу свою,
Нам родная Москва дорога.
Нерушимой стеной,
Обороной стальной
Разгромим, уничтожим врага!

Итак, по числу районов Москвы были созданы 25 батальонов и многие другие формирования, в результате чего наша армия получила пятидесятитысячное пополнение. Вот командиры и комиссары этих батальонов:

Наименование района	Фамилия командира	Фамилия комиссара
Бауманский	Паппель	Шахов
Дзержинский	Воронович	Клюйков
Железнодорожный	Сапьяник	Мельников
Калининский	Зряхов	Шевченко
Киевский	Козюлин	Ровинский
Кировский	Сущев	Аристов
Коминтерновский	Верстак	Петров-Соколовский
Красногвардейский	Черевинский	Смирнов
Краснопресненский	Яковлев	Андреев
Куйбышевский	Заславский	Богомолкин
Ленинский	Никитин	Герасимов
Ленинградский	Сергеев	Красковский
Молотовский	Кузовков	Фомин
Москворецкий	Козидод	Беляков
Октябрьский	Платов	Клейн
Первомайский	Рагозин	Горецков
Пролетарский	Пошневич	Степанян
Ростокинский	Курагин	Стуков
Свердловский	Пшеничный	Базыльников
Советский	Козловский	Гольдштейн
Сокольнический	Бобырь	Корепанов
Сталинский	Припадычев	Кузнецов
Таганский	Шувалов	Ренсков
Тимирязевский	Кудрин	Монжале
Фрунзенский	Елисаветский	Бахирев

Москва в эти дни была превращена в обширный военный лагерь, состоявший из вооруженных людей, рабочих и служащих, день и ночь производивших оружие и боеприпасы, из людей разных профессий и занятий, работавших на строительстве оборонительных сооружений. 600 тысяч человек, главным образом женщины, воздвигали оборонительный пояс вокруг города и в самом городе. Это был неимоверно тяжелый, изнурительный труд. В дождь и стужу, по колено в грязи, недоедая и недосыпая, с потрескавшимися руками, часто под обстрелом пулеметов фашистских воздушных пиратов трудились эти люди, готовые прикрыть собой столицу.

В три смены работали предприятия, обеспечивая защитников столицы оружием и боеприпасами.

По всему было видно, что опасность крепко сплотила людей. Их охватил единый патриотический порыв, заставлявший трудиться самоотверженно, не щадя своих сил.

Рассказывая, я забежал вперед. Теперь же мне хочется сказать несколько слов о том, как формировался батальон нашего, Фрунзенского района.

13 октября ничем особенным не отличалось от предшествовавших ему дней. Моросил надоевший всем мелкий, осенний дождь. Занятия проводились в условиях, приближенных к боевой обстановке: обучали бойцов окапываться, передвигаться по-пластунски, даже через лужи, преодолевать «опасные» участки, меняя огневые позиции для пулеметов. Все это требовало большого физического напряжения. Вечером бойцы, уставшие и промокшие, по возвращении в казармы почистили оружие и готовились ко сну. Командный состав занялся разбором учения и обсуждением программы занятий на следующие дни.

Работа эта была прервана неожиданным появлением дежурного, доложившего, что звонили из райвоенкомата и приказали командиру немедленно явиться к военкому.

Мы с политруком переглянулись. Что могло случиться? Почему потребовалось бросить все дела и мчаться к военкому? Но приказ есть приказ. Решили пойти вместе. Мы давно уже договорились: в случае чего, будем просить, чтобы нас обоих направили воевать в одну часть.

Идем в военкомат. Улицы Москвы неузнаваемы; мы давно по вечерам не выходили за пределы казармы, облик города, да и сами люди переменялись. В этот вечер дома казались серыми, мрачными, а прохожие — особенно суровыми, строго подтянутыми. Пересекли Крымскую площадь. Здесь было многолюдно, все спешило, лица озабочены, слышны отрывки фраз: «эвакуируются», «остаемся в тылу». Мы не могли понять, что происходит.

Встретивший нас возле райвоенкомата лейтенант сказал:

— Немедленно к военкому, он в школе № 527...

Возле здания школы в Хилковом переулке многолюдно, все собрались у входа. С трудом протолкнулись в помещение. В кабинете директора школы незнакомые лица. Я представился военкому.

— Давно ждем,— сказал полковник.— Тут находятся секретарь райкома партии Богуславский Петр Владимирович, председатель райисполкома Шилина Анна Ивановна.— Немного помолчав, он продолжил:— Вам поручается формирование добровольческого Коммунистического батальона Фрунзенского района. Вы назначаетесь его начальником штаба.

Разъяснив, с чего начать работу и каковы будут

перспективы, полковник приказал немедленно приступить к исполнению обязанностей.

Я попытался было возразить, что никогда не был на штабной работе. Но полковник меня перебил:

— Командиром батальона назначен я, думаю, что и вопрос о вашем назначении решен окончательно.

Поняв неуместность и бесполезность спора и помня о договоренности с Бахиревым, я доложил, что прибыл вместе с политруком учебного пункта, с которым у нас установились дружеские отношения, и попросил, чтобы нас не разлучали, а разрешили и впредь продолжать вместе служить.

Позвали Бахирева. Я вышел, а он остался с членами комиссии. С большим волнением я ждал решения судьбы Бахирева. Очень хотелось, чтобы комиссаром был он. Бахирев показал себя способным партийным вожаком. Была немалая заслуга политрука в успехе той работы, какую мы проводили на военно-учебном пункте. В боевой обстановке знать и чувствовать, что рядом с тобой надежный комиссар,— это очень много.

Бывает, что мы привычной скороговоркой говорим о качествах человека, о выполняемой им вроде бы обыденной работе, забывая, какое огромное значение эта работа имеет для успеха общего дела коллектива. Сказать только, что политрук хорошо поставил партийно-политическое воспитание, обеспечившее успех в обучении пулеметчиков, все равно, что ничего не сказать об этом замечательном человеке.

В мирное время нельзя было даже предположить, что в Федоре Васильевиче Бахиреве скрыты такие способности организатора, прекрасного воспитателя, что в нем таятся качества прирожденного политработника.

Демобилизовавшись в 1927 году из армии, Бахирев завербовался на одну из строек в Москве. Он умел

делать все, так как вырос в трудовой крестьянской семье, с раннего детства познал цену куску хлеба. В семье детей приучали к разным ремеслам. Федя был трудолюбивым и любознательным парнишкой, и отец научил его и плотничать, и класть фундамент, и вставлять стекла, и крыть крышу, и даже немного малярному делу.

Когда на стройке понадобились каменщики, Бахирев стал класть стены и успешно справлялся с этим делом. Потом он занялся плотницким делом и тоже показал себя хорошим мастером.

Главное же было то, что тогда в Бахиреве обнаружили способности организатора масс. Его избрали в постройком. Вскоре он стал руководителем большого профсоюзного коллектива.

В 1930 году Федор Васильевич связал свою жизнь с Коммунистической партией. А по прошествии нескольких лет стал партийным руководителем крупной организации.

Начало войны застало Бахирева на должности секретаря парткома строительства дома Наркомата обороны. Там, как я уже говорил, мы с ним и встретились.

...Пока комиссия беседовала с Бахиревым, я сидел и волновался. И вот он вышел, улыбающийся, по всему видно, радостный. Все в порядке: назначен комиссаром батальона.

И открылась новая страница в нашей жизни. Нам оказано большое доверие — формирование Коммунистического батальона Фрунзенского района. Мы были польщены и обрадованы. Однако слишком много забот и обязанностей сразу навалилось на нас, и не оставалось времени для эмоций.

На другой день, едва мы начали укомплектовывать штаб, к нам примчался на автомобиле полковник и,

не выходя из машины, объявил, что он получил другое задание, а меня назначают командиром батальона. Это было неожиданно, но, в сущности, больше меня устраивало, поскольку к штабной работе особого расположения, да и опыта в этом деле я не имел.

С утра начали прибывать добровольцы. Приходили в одиночку и организованными группами. Уйма забот: всех надо было распределить по ротам и взводам, подобрать командиров подразделений и начальников служб, затем следовало людей обмундировать, накормить, обеспечить другими видами довольствия.

Сформировали первую роту. Надо ее вооружить. Открыли ящик с винтовками и опешили. В ящиках оказались ружья старых образцов, причем были даже такие, которых мы никогда не видели. Поначалу подумали, что здесь какое-то недоразумение. Но, как ни печально, вскоре получили разъяснение: другого оружия пока нет и придется ограничиться этим.

Как только вооружили первую роту, тут же поступил приказ отправить ее на передовую. Война не ждала, и надо было спешить.

Сгустились сумерки. Люди все прибывали и прибывали, а с ними и новые заботы. Буквально некогда было вздохнуть. Даже первая бомбежка, которую нам пришлось испытать в этот день, не произвела особого эффекта и не отразилась на ритме работы. Фашисты бомбили Крымский мост, но безуспешно. Бойцы шутили:

— Мост-то, оказывается, заколдован.

— Это у него специальные отражатели для немецких бомб...

Одна из бомб упала позади школы. Взрывной волной выбило раму окна, нас швырнуло с такой силой, что мы пролетели через дверной проем и оказались в

коридоре на полу. Тут уж было не до шуток. Поднялись, стали осматривать друг друга. Да, на этот раз нам повезло, отделались легким испугом: ни одной царапины на теле. Однако было не до переживаний. Как говорится, некогда было подсчитывать пульс и измерять артериальное давление, о существовании которого мы тогда, пожалуй, и не подозревали.

14 октября, отправив первую роту, мы остались в школе с десятью — двенадцатью добровольцами. Спустя некоторое время услышали шум, громкие голоса в коридоре. Через минуту к нам ворвалась женщина средних лет, одетая по-рабочему. Из ее взволнованного рассказа мы узнали, что в Зачатьевском переулке, на территории монастыря, находится большой мануфактурный склад, заведующий которого скрылся, захватив какие-то ценности. Он оставил склад открытым, и его растаскивают. Ситуация, как мы поняли, требовала нашего вмешательства. Правда, мы не могли понять, как женщина нашла нас, ведь названный переулок был довольно далеко от нашей школы. А не провокация ли все это?

Однако времени для раздумий не было. Взяв с собой несколько вооруженных добровольцев, мы бросились в Зачатьевский переулок. К месту происшествия прибыли в самый горячий момент. В темном дворе монастыря наткнулись на людей, тащивших по несколько рулонов ткани. В самом помещении было еще несколько человек. Понимая, что только решительность и энергичность могут помочь навести порядок, я провел лучом фонарика по территории и, не мешкая, скомандовал:

— Внимание, взвод! Окружить территорию и всех до единого задержать!

Затем обратился к расхитителям с призывом немедленно вернуть имущество на склад.

Для наведения порядка потребовалось всего несколько минут. Среди задержанных большинство оказалось вовлеченными в это дело, так сказать, мимоходом. Эти люди рассказали, как завскладом снял замки с дверей и бросил клич: «Разбирайте, граждане, чтобы не досталось врагу». И люди поверили этому типу. Когда мы объяснили людям ситуацию и они поняли свое заблуждение, то даже предложили нам свою помощь:

— Знаем, кто успел уйти с материалом, пойдем скажем им, и они все вернут.

Были, однако, и такие, которых нельзя было оставить безнаказанными. Один из них оказался работником пожарной команды, расположенной здесь же, неподалеку от склада.

Оставив задержанных под охраной, я отправился в райком партии. В кабинете сидели Богуславский и Шилина. На их лицах был отпечаток усталости. Не впервые видел я этих людей: Петра Владимировича, раньше всегда энергичного и немногословного, и Анну Ивановну, нетерпимую ко всем проявлениям слабости и даже несколько резковатую. Эти два коммуниста, руководители района, были в курсе всех дел, находились в гуще событий и, несмотря на тяжесть обстановки, поддерживали необходимый порядок в районе. Работали они не жалея сил, и неизвестно было, когда отдыхали. Узнав, зачем я пришел, Богуславский пригласил начальника госбезопасности района и еще несколько человек.

— Докладывай, командир,— сказал он.

Выслушав мое сообщение, Богуславский спросил:

— Ну, что будем делать, товарищи?

Кто-то предложил:

— Задержанных завтра с утра отдать под трибунал.

Но тут секретарь райкома резко возразил:

— Под трибунал, говоришь? Согласен. Только кого? Думаю, что начать надо с нас, за то, что допустили подобное, что у нас под носом оказались такие авантюристы, вроде завскладом. Товарищ комбат, всех отпустить по домам, пусть отдыхают, ведь им завтра работать. Работника пожарной команды и тех двоих, которые оказали сопротивление и вели провокационные разговоры, передать в органы госбезопасности. Они заслуживают наказания.

Когда я вернулся на склад, Бахирев рассказал, что за время моего отсутствия при помощи задержанных не менее двадцати человек пришли и возвратили имущество.

Об этом неприятном эпизоде я рассказал не для того, чтобы привлечь внимание читателя остротой сюжета. Мне хотелось лишний раз подчеркнуть, какой сложной была в эти дни обстановка в Москве. Враг был не только за линией фронта, он был и здесь, но замаскировавшийся, действовавший из-за угла, пытавшийся спровоцировать людей, менее устойчивых, слабых.

На следующий день, памятуя о том, что основа стрелкового подразделения — это его огневая мощь, я принял решение прежде всего подобрать наиболее выносливых и хотя бы немного подготовленных бойцов для пулеметной роты.

Формирование этой роты не обошлось без курьеза.

Построили батальон, несколько сот человек разных возрастов, одетых кто во что горазд. Я стал объяснять людям, что из их числа необходимо сформировать пулеметную роту и что включать в ее состав, учитывая особенность этого подразделения, его специфику, желательны тех бойцов, которые сами изъявляют согласие.

Рассказав о сложности овладения пулеметом и о трудности его обслуживания, я предложил желающим сделать два шага вперед. Людей мы еще не знали и сомневались, найдутся ли охотники. Однако их число превзошло все наши даже самые оптимистические предположения: вышло вперед значительно больше половины состава батальона.

Отобрав необходимое число бойцов, я решил сразу провести первое занятие с ними, предварительно разбив их по взводам и отделениям и назначив временных командиров.

Мы еще не успели получить оружия, не было, конечно, и пулеметов. Но так как военно-учебный пункт был ликвидирован, то мы снарядили туда бойцов, забрали пулемет и все учебные пособия. И когда начался первый разговор с будущими пулеметчиками, «максим» стоял на столе.

Первым делом я спросил:

— Кто когда-либо стрелял из станкового пулемета?

Ни одна рука не поднялась.

— А кто видел стрельбу из этого оружия?

И, словно не желая огорчать командира, несколько человек нерешительно подняли руки. Однако велико было наше разочарование, когда эти бойцы сообщили, что видели, как в кинокартине «Чапаев» Анка стреляла из пулемета. У некоторых бойцов были «более обширные» познания: они видели пулеметную стрельбу и в других фильмах...

Вот такими «пулеметчиками» укомплектовали роту, которая, как я считал, должна была стать ударным подразделением в батальоне.

Ни бойцы, ни командиры тогда еще не знали, какая громада гитлеровских полчищ движется на столицу.

А это и впрямь была громада: 75 дивизий, из них 14 танковых и 8 моторизованных, 1700 танков, 1390 самолетов, 14 тысяч орудий и минометов. Да, все это являло собой огромную силу, и было бы преступно выставлять против нее необученных и невооруженных бойцов.

Но мы понимали, что предстоит воевать с сильным и коварным противником, поэтому сразу же, с первых минут, взялись за усиленную учебу. Нам повезло в том, что мы имели дело с людьми, знающими жизнь и умеющими преодолевать трудности. И то, что в обычных условиях солдаты-новобранцы должны сделать за месяцы, бойцы-добровольцы могли выполнить в считанные дни.

К нам продолжали идти люди разных возрастов и профессий: от юношей, не достигших совершеннолетия, до убеленных сединами мужей; коммунисты, комсомольцы и беспартийные; рабочие, инженеры, студенты, ученые, работники искусства, писатели.

Вот еще некоторые имена добровольцев: Мореин — педагог, Кузнецов, Лоев, Белов, Винокуров, Толстошеев — секретари цеховых парторганизаций предприятий, Калекина и Смирнова — комсомольские работники, Киричанская, Чуркина, Морозова, Бойчук, Соломенцева — молодые рабочие и служащие, Пинский — писатель, Скрипкина, Артаковский, Злотина, Кнобе — студенты.

Участница гражданской войны Гладкова-Богданова пришла в батальон с 18-летней дочерью Октябриной. Они решили занять место их погибшего мужа и отца. Токарь Вихров, отец которого пал в борьбе с белогвардейцами, также стал на защиту Родины. Красотин, участник гражданской войны, пришел в батальон с сыном, знавшим военное дело.

Все эти люди стали добровольцами по зову сердца, чтобы сразиться с ненавистным врагом, внести посильную лепту в дело разгрома фашистских захватчиков. Не хватало этим замечательным людям только одного, что в тех условиях было главным и решающим: знаний в военном деле, умения владеть оружием, просто стрелять из него.

Из этих добровольцев надо было в считанные дни, что называется, на ходу создать полноценную часть Советской Армии, которая была бы способна решать боевые задачи в условиях фронта.

Серьезным делом для нас было подобрать на командные должности таких товарищей, которые были бы способны в очень ограниченное время помочь нам обучить добровольцев военному делу. Вероятно, мы сами, да и наши вновь назначенные командиры подразделений вряд ли могли бы справиться с поставленной задачей, если бы не личный состав батальона. Бойцы не жалели себя, принесли на алтарь военному делу все свои знания, жизненный опыт, способности, свой ум и упорство. Люди проявляли инициативу, находчивость, организаторские способности.

Никакая работа, даже самая незначительная, не откладывалась на потом. Как только сформировывалось отделение или взвод, тут же приступали к учебе.

Бывший механик одного из заводов Сергей Ефимочкин был назначен командиром взвода. Подразделение его получило ручные пулеметы иностранного производства, с которыми никто, разумеется, не был знаком. Наставления где-то впопыхах затеряли. Бойцы и командиры сутки не отходили от пулеметов. Особое упорство проявил студент Артаковский. Когда уставшие люди ушли отдыхать, он тайком уединился с пулеметом и провозился с ним до утра. Ему

удалось-таки разобраться в устройстве оружия. Он даже придумал свои названия частям пулемета.

Став одним из знатоков нового оружия, Артаковский был назначен помощником командира взвода и вместе с ним подготовил отличное подразделение.

Командиром другого взвода был назначен Петр Федорович Медведев, преподаватель Московского медицинского института. Еще накануне прихода в батальон он принимал экзамены у студентов. А теперь в подразделении своеобразными студентами были его коллеги по институту, преподаватели, которых он готовил воевать. И надо сказать, что он неплохо справился с этим. За несколько дней его взвод стал одним из лучших в батальоне. Бойцы осваивали военную науку и в часы занятий, и во время отдыха. В землянке, где они проходили учебу, не было плакатов, наглядных пособий тоже не хватало. Но люди не обращали на это внимания, с жадностью слушая командира, впитывая в себя премудрости военного дела.

Так посланцы Москвы готовились к тому, чтобы встретить врага во всеоружии.

Михаил Матусовский написал тогда проникновенные строки о коммунистических батальонах:

Шли в Красную Армию москвичи —

Веселый и смелый народ.

Здесь были механики и врачи,

Ученый и счетовод.

Здесь были артисты, редактора,

Связисты и доктора,

Здесь были философы и певцы,

Курьеры и мастера.

Москва посылала лучших людей,

На смертную битву встав,

От всех переулков и площадей,

От славных своих застав.

На третий день формирования коммунистических подразделений поступил приказ о передислокации их в район Сельскохозяйственной академии.

Мы построили наш батальон, подали команду идти. И вдруг с первого шага послышался голос запевалы. Вначале бойцы поддержали его робко и нестройно, но с каждым шагом голоса крепили, стали звучать все увереннее, и полилась дружная строевая песня. Мы шли по Метростроевской, потом повернули на широкую Садовую. Моросил мелкий надоедливый дождь, как будто специально предназначенный для того, чтобы омрачить бойцам настроение. Но добровольцы как бы назло непогоде, усложнявшей переход, пели все задорнее и веселее.

Мы шли по улицам и видели, как столица готовилась к отпору врагу. По всей ширине Садовой люди вели оборонительные работы, создавали противотанковые надолбы и ежи, укладывали мешки с песком, готовились к уличным боям. И такая картина была на протяжении всего пути к Тимирязевке. Среди работавших большинство были женщины, и нам казалось, что они смотрят на нас с укоризной. «Почему вы, мужчины, до сих пор здесь, в Москве, хотя давно должны были быть на фронте?» — похоже, говорили их глаза. А нам хотелось ответить им: «Дорогие наши сограждане, неужели вы не видите, кто идет навстречу врагу? Неужели вы не понимаете, что добровольцы не допустят фашистов к столице?..»

В Тимирязевку прибыли под вечер. Там на базе добровольческих формирований были сколочены три стрелковых и один артиллерийский полки, разведывательный, саперный, минометный, пулеметный и медико-санитарный батальоны, батальон связи, истребительный противотанковый дивизион, рота химической защиты и истребительная зенитная батарея.

16 октября по приказу командующего Московской зоной обороны защитный рубеж столицы был разбит на три боевых участка: первый участок включал район Дмитровского, Ленинградского и Волоколамского шоссе; второй — магистраль Москва — Минск, Хорошевское шоссе; третий — Можайское, Наро-Фоминское и Малоярославецкое шоссе, то есть район от Кунцева до Люберец.

Через несколько дней первый боевой участок был преобразован в северо-западную группу войск Московской зоны обороны, на базе которой к концу октября было создано воинское соединение — 3-я Московская коммунистическая стрелковая дивизия.

Мне поручили командование стрелковым батальоном 3-го полка. В это подразделение вошли коммунистические батальоны Фрунзенского, Киевского и Первомайского районов.

Как только мы заняли рубеж обороны на Ленинградском направлении, сразу приступили к оборудованию огневых позиций для станковых пулеметов. «Максимы», хотя и в неполном комплекте, все же имелись у нас. А вот винтовок, не говоря уже об автоматах, было явно недостаточно.

Здесь следует сказать, что на 30 октября в дивизии насчитывалось 9753 человека. Она имела на вооружении 6990 винтовок, 40 автоматов, 479 пулеметов, 44 орудия всех калибров. Обстановка не позволяла медлить, следовало принимать решительные меры. В эти дни советские войска вели кровопролитные бои, пытаясь остановить рвавшегося к Москве противника. Однако гитлеровцы, не считаясь с потерями, продолжали наступать. Тяжело складывалась ситуация на Калининском фронте, в направлении которого занимал оборону наш батальон. Отдельным вражеским танковым группам удалось просочиться к Яхроме.

И таким образом здесь фашисты оказались почти в непосредственной близости от Москвы.

Через наш рубеж обороны, расположившийся за Химками, проходили с фронта потрепанные в боях, разрозненные группы бойцов, полностью вооруженные. Встречались среди них и автоматчики, которые несли по несколько запасных дисков с патронами, ручные пулеметы, противотанковые ружья и минометы. Это были «ничейные» бойцы. Все они направлялись в Москву.

Мы с комиссаром Бахиревым приняли решение: собрать этих «ничейных» воинов, взять у них оружие, а их самих с сопроводительным документом, во главе с командиром направить на сборный пункт для включения в формирующиеся части. При этом рассуждали примерно так: бойцам, направлявшимся на сборный пункт в Москву, какое-то время оружие не понадобится, по крайней мере до того момента, пока из них не будут созданы новые формирования; нам же, находящимся непосредственно на рубеже обороны, это оружие крайне необходимо. Поэтому для общего дела стоит прибегнуть к мере, которая не предусмотрена никакими уставами и положениями.

Решение было рискованное, однако другого выхода мы не видели. За два дня удалось полностью вооружить наших бойцов. Большинство получили автоматы, весь комсостав — пистолеты. И началась серьезная подготовка добровольцев к боевым действиям.

Но мы едва было не поплатились за свою инициативу.

На вторые сутки ночью, когда мы с Федором Васильевичем вернулись с передовой, замерзшие и насквозь промокшие, но счастливые тем, что бойцы вооружены, к нам прибыл майор, представитель штаба Московской зоны обороны.

— Постановление Госкомитета Обороны от 19 октября вам известно? — спросил он.

— Да, конечно.

— Как же вы посмели разоружать бойцов, когда за оставление на поле боя оружия расстрел?

— Ну что ж, — ответил я, — за это готов нести ответственность.

— Я тоже, — вмешался комиссар батальона. — В данной ситуации у нас не было выхода.

Задав еще несколько вопросов, майор удалился. А примерно через час нас вызвал командир дивизии. Мы резонно предположили, что этот вызов связан с появлением в штабе соединения майора, и ожидали разгона. Однако, к счастью, все обошлось. Комдив для формы пожурил нас, но саму инициативу одобрил. Оказалось, что не мы одни так поступили. То же сделали и командиры других батальонов, подобным способом вооружив своих бойцов.

В один из первых дней после формирования дивизии мы пережили особенно торжественные и волнующие минуты. Бойцы и командиры принимали присягу на верность служения Родине.

Это событие было описано в корреспонденции, опубликованной в газете «Вечерняя Москва» 21 октября 1941 года:

«Вот стоят они в строю — слесари, токари, научные работники, студенты, служащие. Одеты в теплые ватные костюмы, в добротных шапках-ушанках. Они вчера совершили свой первый боевой поход. Вооруженные, с полным воинским снаряжением, бойцы батальона заняли исходные пункты перед выходом на оборонительный рубеж...

Перед строем батальона — его командир и комиссар, еще до войны работавшие в одной организации...

В зале с новой силой звучат клятвенные слова бой-

цов-москвичей: «...до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине и рабоче-крестьянскому правительству». Эти слова произносят доцент института истории, философии и литературы Когаут, работница завода «Каучук» Алексеева, студент Осин, все бойцы батальона.

Суровы и сосредоточенны лица командира и комиссара. Произнося слова военной присяги, они полны одной мысли и стремления: умереть, но не отступить».

В исходных районах мы не задерживались, а направились вскоре на оборонительный рубеж. И там под морозящим дождем, на ветру, пробиравшем нас сквозь, бойцы и командиры занялись рытьем окопов, устройством огневых позиций, землянок для жилья, траншей — ходов сообщения.

До конца октября в полосе действий Калининского фронта шли упорные бои за Калинин и прилегающие к нему районы. Обе стороны проявляли высокую активность. Удары врага сменялись контрударами советских войск. Постепенно атаки противника становились слабее. Вскоре фронт стабилизировался на линии Селижарово — Калинин — западный берег Волжского водохранилища.

Пользуясь относительным затишьем, наш батальон, как и другие подразделения 3-го полка, конец октября и начало ноября провел в интенсивной подготовке к боевым действиям. Осваивали оружие, учились стрелять.

В эти дни газеты регулярно публиковали материалы, рассказывающие о делах бойцов-добровольцев. Позволю себе привести здесь обширный отрывок из статьи под названием «В добровольческих отрядах москвичей», опубликованной в «Правде».

«Среди добровольцев частей Н-ского соединения

находятся люди разных профессий: и токарь Вихров, и профессор Войтинский, и машинист Петров, и инженер Старцев, и семьи москвичей — отец, мать и сын Болдано, машинист Галкин с сыном.

Тов. Вихров рассказывает, что его отец погиб во время гражданской войны в борьбе с белогвардейщиной. Память об отце он хранит в своем сердце. И когда ненавистный враг приблизился к Москве, молодой советский патриот решил пойти по стопам своего отца. Прежде чем уйти в Красную Армию, тов. Вихров за короткое время обучил токарному делу свою сестру, которая сейчас работает за брата, выполняя норму на 150 процентов.

Тов. Красотин пришел в рабочий батальон вместе с сыном. Сын — физкультурник, отлично знает военное дело. Сейчас он — физкультурный организатор одного из подразделений, учит бойцов штыковому бою, гранатометанию. Красотин-отец — участник гражданской войны и, несмотря на преклонный возраст, еще крепко держит в руках винтовку.

...В одно из подразделений влилась целая группа студентов. Они отличаются своей выправкой, хорошо усваивают военные знания. Здесь же и преподаватели: Петров — профессор Московского института нархозучета, Корзинкин — профессор, Жидкова — доцент кафедры философии.

Коммунисты играют авангардную роль в боевой и политической учебе. Командир подразделения Герой Советского Союза тов. Берендеев, награжденный орденом Ленина за героизм и отвагу в боях тов. Посряков, военком-орденоносец тов. Богомолкин и многие другие показывают примеры большевистской твердости и дисциплины.

Быстро усвоить военное дело, в совершенстве овладеть винтовкой, пулеметом, гранатой — такую зада-

чу поставил перед собой каждый боец. Тт. Богайкин, Бондалин стали снайперами автоматического оружия. Командир пулеметного отделения тов. Никитин, пулеметчицы-снайперы тт. Гаврилова, Ковшова и Поливанова за отличную стрельбу получили от командования благодарность.

Молодые бойцы тт. Вершинин, Купцов, Лаврухин на стрельбищах показали хорошие результаты, выбив по 25—27 очков из 30 возможных. Боец пулеметной роты тов. Брюханенко при стрельбе из пулемета все пять пуль уложил в центр мишени. Пять из пяти возможных. Раньше из пулемета он никогда не стрелял.

Наводчик тов. Шевченко на испытаниях сумел произвести по движущимся целям семь выстрелов за рекордно короткое время.

Отлично стреляют бойцы взводов, которыми командуют младший лейтенант тов. Черноштан и сержант тов. Мизгулин. Изучая боевое противотанковое оружие, бойцы говорят: «Смелому бойцу танк не страшен». Они учатся бросать гранаты и зажигательные бутылки точно по целям, учатся мужеству и хладнокровию. У бойцов тт. Суворова, Хорькова, Слободского, Гаврилова, Истомина, Некрасова можно научиться, как встречать огнем вражеские танки.

Михаил Баранов пишет своему сыну — старшему политруку Александру Баранову:

«Жизнь у твоего отца была нелегкой. С 1905 года, работая в партии большевиков, я все время находился под страхом расстрела и виселицы. У меня тоже была семья, маленькие дети, но это не мешало мне, наоборот, придавало силы для работы в партии, силы для борьбы за новую жизнь. Мне хочется напомнить тебе о бесстрашии революционеров. В бою с врагом бери с них пример. Будь храбрым и беспощадно борись с паникерами, трусами, если они встретятся в твоей

среде. Как отец и как советский гражданин говорю тебе: не давай фашистам идти вперед, бей их беспощадно».

Коммунисту бойцу В. Н. Довжику, добровольцу Отечественной войны, пишут его родные — жена и дочь: «Мы с мамой не отстаем от тебя. Недавно вступили добровольцами в рабочий батальон, мама — сандружинницей. Несколько дней назад мы принимали военную присягу. Сейчас используем каждую минуту, чтобы лучше овладеть военными знаниями, без чего мы не сможем быть полноценными бойцами».

Боец тов. Гарин получил письмо от отца, ушедшего из города, занятого немцами. Отец пишет сыну: «Дорогой сын, то, что нам пришлось увидеть и испытать в фашистском плену, состарило нас на десятки лет. Как только фашисты вступили в город, началось что-то ужасное. Улицы наполнились криками и стонами стариков, женщин, детей. На моих глазах невероятным истязаниям подвергся твой товарищ комсомолец Николай Зарубин. Ему выкололи глаза, нанесли несколько штыковых ударов, а потом размозжили прикладом голову. Сестру Николая, 14-летнюю Надю, фашистские изверги изнасиловали, после чего нанесли ей смертельную рану штыком.

Три дня длилась резня мирного населения. Затем фашисты стали проводить поголовную «проверку». Пять суток мы находились в сарае без пищи. Там были матери с грудными детьми. Мы видели, как мучительно умирали дети. В одну ночь из сарая было выведено около пятидесяти человек. Они больше не вернулись. Нас поставили на рытье укреплений. Работали по 16—18 часов в сутки. От крайнего истощения еле волочили ноги. Мы решили умереть или же уйти из этого ада. Поблизости был лес. В темную дождливую ночь нам удалось бежать...

Дорогой сын! Мы узнали, что ты пошел добровольно в рабочий батальон. Наш родительский совет тебе: беспощадно уничтожай фашистов».

В ответном письме родителям тов. Гарин поклялся до последней капли крови отстаивать свою Родину.

Добровольческие батальоны москвичей — грозная сила».

Так писали газеты о добровольцах, ставших на защиту родного города. Впереди нас ожидали тяжелые испытания, и надо было оправдать на деле данную нам журналистами лестную оценку.

Наступил период кровопролитных оборонительных боев непосредственно под Москвой. Он длился с 15 ноября по 5 декабря 1941 года. Наши подразделения приняли активное участие в этих боях.

Как я уже говорил выше, основу нашей огневой мощи должна была составить пулеметная рота. Здесь были в основном комсомольцы — молодые, физически крепкие и выносливые люди. Они безотказно трудились от зари до зари, строя оборонительный рубеж, а с наступлением темноты в землянках, освещенных коптилками из снарядных гильз, изучали материальную часть оружия, технику стрельбы из пулемета.

Надо сказать, что пулеметчикам повезло с командиром роты. Однажды в батальоне появился человек огромного роста, широкоплечий, на вид суровый, и доложил, что он доброволец — рабочий авиазавода, служил в Советской Армии и командовал пулеметным подразделением. Гавриил Иванович Толстошесев просил зачислить его первым номером, так как когда-то он неплохо стрелял из «максима». Это оказалось приятной неожиданностью. Побеседовав с ним, я пришел к выводу, что о лучшем командире пулеметной роты и мечтать нечего.

Толстошеев и впрямь оказался прирожденным командиром-пулеметчиком. В течение одного дня он подобрал командиров отделений, пулеметные расчеты, первые и вторые номера. После общего ознакомления бойцов с пулеметом он поставил перед ними весьма сложную задачу: в течение двух дней освоить материальную часть оружия и теорию стрельбы из него. И, как это ни удивительно, вскоре бойцы бойко отвечали на самые придирчивые вопросы Толстошеева. Так для нас решился вопрос с командиром пулеметной роты.

Когда же надо было подобрать человека на должность политрука этого подразделения, то вскоре и здесь нашлась кандидатура.

Во время организационной перестройки добровольческих формирований командир батальона Киевского района Козюлин был назначен начальником штаба первого батальона 3-го полка. А его комиссар Ровинский (кстати, кандидат юридических наук) оставался вроде бы не у дел. Его решили направить в политотдел дивизии. Но Ровинский наотрез отказался от высокой должности и попросил назначить его политруком пулеметной роты. Просьбу его удовлетворили. Это была удачная находка для пулеметчиков.

Примечательно, как обстоятельства могут сплачивать подчас совершенно разных людей. Рабочий Толстошеев, опытный пулеметчик, и ученый Ровинский, доселе не видевший вблизи станковый пулемет, как бы дополняли друг друга. Когда бы их ни встретили, а они почти никогда не разлучались, их лица были сосредоточенны, выражали озабоченность. Эти два патриота даже по тем временам делали чрезвычайно много. Мы удивлялись их работоспособности, неутомимости. Они были вездесущи. Придешь на оборонительный рубеж, который сооружают бойцы, там обязатель-

но застанешь Толстошеева или Ровинского; зайдешь в землянку, где изучают премудрости военной науки, они и там. И никто не знал, когда и где они отдыхают. Больше всего мы удивлялись, глядя на Ровинского. Толстошеев был человеком большой физической силы, выносливый, привыкший к тяжелому труду. Но вот откуда черпал силы Ровинский, физически несравненно слабее командира роты, было загадкой.

Спустя несколько дней Толстошеев доложил, что он оборудовал стрельбище и назначил на завтра стрельбу из пулемета. Приехав туда, мы с комиссаром батальона увидели то, чего никак не ожидали. Бойцы роты, которые еще несколько дней назад от звука автоматической стрельбы из «максима» закрывали глаза и отворачивали головы, поражали цели без промаха. Пример меткой стрельбы показал сам политрук Ровинский, обращавшийся с пулеметом и стрелявший из него так, будто он всю жизнь только этим и занимался.

Впоследствии бойцы Толстошеева показали себя отличными воинами. Они неоднократно в тяжелых, ожесточенных боях оказывали неоценимую помощь батальону, поражая вражескую пехоту метким огнем, проявляя мужество и отвагу. В этом повествовании далее будет приведено несколько примеров отважных действий толстошеевских пулеметчиков.

После войны Г. И. Толстошеев вернулся домой из раненный и больной. Долгие годы он работал на своем авиазаводе. Потом ушел на пенсию. В 1975 году мы навсегда простились с этим замечательным, большой души человеком, верным сыном партии и народа.

В середине ноября наш батальон, усиленный тяжелым артиллерийским дивизионом, продолжал за-

нимать оборону на Ленинградском шоссе. Кроме того, первая его рота была назначена в передовое охранение 3-й Московской коммунистической дивизии и занимала рубеж обороны в Нахабине, на Волоколамском шоссе.

В эти дни нам довелось выполнять первую боевую задачу. Одному из подразделений с приданными огневыми средствами была поставлена задача: произвести разведку боем в районе Крюкова по Ленинградскому шоссе.

В морозный ноябрьский день (зима 1941 года была особенно суровой) подразделение, направившееся на боевое задание, пробиралось через лес. Головное охранение продвигалось скрытно и тихо. Приблизившись к населенному пункту, разведчики услышали громкую немецкую речь. Наблюдая из укрытий, они установили, что в деревне более сотни солдат-эсэсовцев, бродивших беспечно по улице.

Командир разведгруппы принял решение: обойти населенный пункт, отрезать противнику отход и нанести по нему внезапный удар. Он донес командиру батальона о принятом решении и начал действовать.

Разведчиков поддержало прибывшее подкрепление. Бойцы окружили и атаковали врага. Решительные и внезапные действия наших воинов обеспечили успех боя. Удар был настолько неожиданным и мощным, что он ошеломил гитлеровцев. Во время этого боя наши пленили более 50 солдат и офицеров, захватили важные оперативные документы. Кроме того, было взято 3 танка, 35 грузовых автомашин, 65 мотоциклов, несколько орудий, пулеметов, много автоматов и боеприпасов.

Для воинов-добровольцев, еще вчера сугубо гражданских людей, этот бой имел особое значение. Им пришлось схватиться с хорошо обученными и воору-

женными до зубов эсэсовцами, считавшими себя непобедимыми. К нашей радости, мы понесли незначительные потери, хотя, как выяснилось из допроса пленных, нашему подразделению пришлось сразиться с ударной группой фашистов, имевшей задачу захватить Крюково.

Район Михнева. Небольшая безымянная высотка. Наши бойцы устроили на ней огневую позицию. Фашисты в те дни нередко вели себя самонадеянно, а подчас и беспечно. Иногда даже шли без боевого охранения. Именно так было в этот день. Наш наблюдатель заметил движущуюся группу вражеских танков с десантом.

Для наших воинов такая встреча была неожиданна и необычна. Опыта борьбы с танками они еще не имели. Да и вообще говоря, люди впервые увидели вблизи немецкие бронированные машины. Времени для размышления не оставалось. Дело решали минуты, и от лейтенанта С. Муравьева, командира выдвинутой вперед группы, требовались смелость, находчивость и быстрота. В этой напряженной обстановке его мозг работал лихорадочно: «Что делать — укрыться, не вступая в бой, и затем продолжать выполнять разведывательную задачу или все же организовать внезапный удар, помешать замыслу фашистов?» И командир решил дать бой.

Он сообщил в батальон о своем решении, а бойцам приказал замаскироваться и подготовиться к бою: танки подпустить как можно ближе, без приказа не стрелять и не обнаруживать себя.

Машины продолжали двигаться.

Муравьев подозвал к себе бойца Мосякина, которого считал отважным и смекалистым, и сказал:

— Федор, выдвинься ползком вперед, вон до той лощинки, замаскируйся. А когда тот танк, что ползет

справа, приблизится на расстояние десять — двенадцать метров, швырни в него связку гранат. Действуй смелее, осколки все достанутся тем, кто сидит на танке.

Другого бойца, Головина, с противотанковым ружьем командир нацелил на второй танк.

Спустя несколько минут в том месте, где находился Мосякин, раздался взрыв. Один из вражеских танков охватило пламя. Немногим гитлеровцам, восседавшим на нем, удалось спастись бегством. Через считанные секунды после первого взрыва Головин выстрелил из противотанкового ружья. Загорелась вторая бронированная машина. Правда, десант на этом танке пострадал меньше. Фашисты открыли беспорядочную стрельбу из автоматов. Из горящего танка начал вылезать экипаж. Но тут в самой машине раздался грохот: это взорвались снаряды. Когда дым рассеялся, на месте танка возвышалась бесформенная груда металла. Остальные машины противника повернули назад и поспешили восвояси.

Итак, мы выиграли первый свой бой с фашистскими танками, пополнили арсенал тремя десятками трофейных автоматов с изрядным запасом патронов.

Рассказывая потом о своем боевом крещении, лейтенант Муравьев сказал:

— А знаете, этой удачей в бою я обязан своему увлечению футболом.

— То есть? — поинтересовались мы с комиссаром.

— А очень просто. Я был вратарем команды. А для успеха вратарь должен уметь выбирать правильную позицию — место, куда будет направлен мяч. Я даже однажды отбил пенальти. В бою получилось то же самое. Я точно определил, куда пойдут танки и кому можно с уверенностью поручить их уничтожение...

В дни второго наступления фашистских войск на Москву вели активные боевые действия другие части и подразделения 3-й коммунистической дивизии.

18 ноября группа наших разведчиков во главе с командиром взвода А. М. Мартьяновым и его помощником Н. И. Сапфирским, выполняя боевое задание, изучала систему огня противника у деревень Дурыкино и Есиново, а также под Солнечногорском. Они установили количество войск, артиллерии, танков врага. Изучив передний край обороны, интенсивность движения по шоссе, разведчики отправились дальше. У деревни Литвиново они разделились на группу прикрытия и ударную группу. Вторая на рассвете незаметно для противника вошла в Солнечногорск. На площади, где стояли танки, фашистский часовой обнаружил разведчиков и выстрелил. Но боец С. Смирнов тут же заколол часового штыком.

Собрав необходимые сведения, разведчики повернули обратно. По выходе из города фашисты вновь заметили их и обстреляли. Соединившись с группой прикрытия у деревни Есиново, бойцы отбили от преследовавших их гитлеровцев, свернули с шоссе и по западному берегу Клязьмы спустились к водохранилищу. Они доставили ценные сведения о скоплении танков и живой силы противника. В ходе разведки смертью храбрых погибли С. Смирнов и И. Игнатов. Командир взвода А. Мартьянов получил ранение.

23 ноября два стрелковых батальона, усиленные двумя дивизионами артиллерии и противотанковым истребительным дивизионом, провели под Солнечногорском разведку боем. На подступах к городу, при переходе через полотно железной дороги, враг обстрелял разведчиков. Наши артиллеристы открыли ответный огонь. В этом бою особую отвагу проявили воины батареи Менскевича. Батарея должна была отвлечь

огнем внимание фашистов, чтобы дать возможность ударной группе ворваться в Солнечногорск. После первых наших залпов вражеская пехота, поддержанная танками, перешла в атаку. Между танками и батареей завязалась артиллерийская дуэль.

Наши воины сумели подбить четыре бронированные машины. Командир орудия Ф. Г. Маленик, раненый в голову и грудь, не вышел из боя. Он продолжал стрелять прямой наводкой, пока его не прошла пулеметная очередь. Парторг батареи П. Пыжов тоже был ранен в голову, но не выпустил пулемета из рук. Не отступил перед натиском врага заряжающий С. А. Овчинников. Будучи ранен в плечо, он продолжал бить фашистов. После боя его нашли мертвым со снарядом в руках.

Пока батарея отбивала атаку танков, ударная группа под командованием Л. Ф. Зряхова ворвалась с севера в Солнечногорск. Выполнив боевое задание, она возвратилась на свои рубежи.

На следующий день орудийный расчет артиллерийского дивизиона, приданного стрелковому батальону, отражал атаку фашистских танков и мотопехоты. Между деревнями Красная Поляна и Федосеево один из расчетов подбил два танка и одну бронемашину врага. Во время боя противник потеснил нашу стрелковую часть. Орудийный расчет оказался как бы отрезанным от своей группы и вынужден был занять круговую оборону.

Бойцы не падали духом, продолжали вести бой с превосходящими силами противника. Они стреляли прямой наводкой. Артиллеристы заставили фашистов отойти от их переднего края. Этим они помогли стрелковой части занять первую линию обороны противника. В бою смертью храбрых пали политрук

Н. И. Пропадалов, сержант Ф. Г. Маланин, бойцы С. И. Морозов, Б. С. Ульянов, Г. П. Скотовиков.

2 декабря группа разведчиков под командованием лейтенанта А. С. Веселова, вместе с подразделением танковой бригады, захватила четыре населенных пункта — деревни Федоскино, Сухаревку, Заречье, Озерецкое. Вначале группа двигалась под прикрытием тяжелого танка, но его остановил взрыв мины. Возвращаться, не выполнив боевого задания, воины не считали возможным. Группа Веселова продолжала движение, а танк поддерживал ее огнем. Бойцы ворвались в деревню, где находились фашисты. Они захватили 3 танка, десятки автомашин с боеприпасами, 25 мотоциклов, винтовки, патроны, снаряды.

В этом бою хорошо проявили себя С. Калинин, Д. Годунов, В. Козлов, И. Мойсеев и другие.

Первые боевые действия в районах Наро-Фоминска, Волоколамска, Клина, Истры так подробно описаны для того, чтобы показать, как москвичи-добровольцы, многие из которых прежде не держали оружия в руках, теперь проявляли отвагу, мужество, свято выполняли клятву — не отдать фашистам родную столицу. Рабочие батальоны, сведенные в 3-ю коммунистическую дивизию, сыграли свою роль в обороне Москвы в октябре — декабре 1941 года. Во взаимодействии с кадровыми частями и соединениями они прикрыли ближние подступы к городу.

Ведя активную оборону на подмосковных рубежах, наши части прошли хорошую закалку и стали одним из боевых резервов Советских Вооруженных Сил.

Бойцы и командиры нашей добровольческой дивизии вместе с воинами других соединений Советской Армии праздновали выдающуюся победу, одержанную под Москвой. Битва, развернувшаяся на огромном

пространстве — на территории Смоленской, Тульской, Брянской, Орловской, Калужской, Калининской, Великолужской, Московской областей, в которой принимали участие войска нескольких фронтов, завершилась разгромом фашистских войск, провалом операции «Тайфун», мощным контрнаступлением советских войск, вызвавшим спешное отступление противника.

Советские Вооруженные Силы в период Великой Отечественной войны провели немало блистательных сражений и операций, таких, как Сталинградская битва, разгром бронированной мощи гитлеровцев на Курской дуге, освобождение Белоруссии и Советской Прибалтики и др.

Битва за Москву занимает среди них особое место. Как писал Маршал Советского Союза А. М. Василевский, «историческая победа Советской Армии на полях Подмосковья показала всему миру, что существует сила, способная не только остановить, но и разгромить фашистского агрессора, избавить человечество от угрозы нацистского порабощения. Именно под Москвой занялась заря военной победы советского народа над германским фашизмом».

Сплоченность, стойкость советского народа, его моральные устои, безграничная вера в правильность избранного им пути сыграли решающую роль в разгроме гитлеровцев под Москвой. Эта победа еще раз подтвердила правильность слов В. И. Ленина о том, что «во всякой войне победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь. Убеждение в справедливости войны, сознание необходимости пожертвовать своей жизнью для блага своих братьев поднимают дух солдат и заставляют их переносить неслыханные тяжести»¹.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 121.

Противник понес огромный урон в результате поражения в Московской битве. Заснеженные поля и дороги были завалены тысячами заколоченных трупов. Гитлеровцы потеряли 600 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными. 38 дивизий фактически перестали существовать.

Фашистские оккупанты были изгнаны из Московской, Тульской и других областей. От противника было освобождено 11 тысяч населенных пунктов, в том числе 60 городов и областные центры Калинин и Калуга.

После разгрома под Москвой гитлеровское командование было вынуждено перейти к обороне и уже больше не могло вести наступательные бои одновременно на всем протяжении советско-германского фронта, как это было в первые месяцы войны.

Бойцы и командиры 3-й коммунистической дивизии были безгранично счастливы тем, что и они внесли свою лепту в общее дело победы над врагом, что с честью выполнили наказ москвичей, доверивших им свои судьбы и судьбу любимой столицы.

В битве за Москву отличились многие части и соединения. За мужество, отвагу и героизм бойцов и командиров 14 дивизий, 3 кавалерийских корпуса, 2 стрелковые, 5 танковых бригад, 9 артиллерийских и 6 авиационных полков, а также ряд специальных частей были удостоены почетных званий гвардейских. Среди них — дивизии народного ополчения Ленинградского, Киевского и Куйбышевского районов Москвы.

Первую зиму Великой Отечественной войны наша дивизия, как и многие другие соединения Советской Армии, защищавшие подступы к Москве, встретила на

ее оборонительных рубежах. Зима 1941 года была ранняя и суровая. Еще в ноябре ударили морозы и начали крепчать, набирать силу. К своему календарному началу, когда обычно погода довольно неустойчива, то снег и морозец, то оттепель и слякоть, зима в том году сразу заявила о себе.

Морозы, суровые морозы. Чтобы понять весь смысл этих обычных слов, надо было декабрь сорок первого провести под Москвой. Холод пробирал до костей, несмотря на то что большинство бойцов соединения были одеты довольно основательно: в теплом белье, ватных шароварах, меховых безрукавках, овчинных полушубках. Пальцы рук в меховых рукавицах коченели, а сами рукавицы примерзали к оружию. Станковые пулеметы на огневой позиции стояли без воды: при сильных морозах держать воду в кожухах было безрассудством. В блиндажах — маленькие печурки, которые служили не столько для согревания бойцов, сколько для подогрева воды для пулеметов.

И все же на этом суровом, беспощадном холоде бойцы-добровольцы вели себя достойно. Никакого ропота, никакого уныния не было и в помине. Более того, мы иной раз поражались бодрости духа, оптимизму, а то и юмору наших воинов. По ночам мы с Бахиревым проверяли, как ведут себя бойцы в окопах. Крестьянская хата, в которой был расположен штаб батальона, находилась примерно в трехстах метрах от передовой. Пока доходили до окопа, мы изрядно промерзали, хотя все время были в движении. Понимая, какво бойцам, старались подбодрить их добрым словом, шуткой.

И как часто убеждались, что не знаем степени выносливости и крепости духа подчиненных!

— Ну как, ребята, не замерзли? — спрашивали мы бойцов.

На это следовал ответ:

— Как не замерзли? Замерзли, даже сильно. Но нас не это беспокоит. Мы «расейские», привыкшие, перетерпим. А вот посмотрите, каково фашистам. По-нагнали их сюда, наобещали им теплые московские квартиры. Ан нет, приходится в мерзлой земле зимовать. Как-то негостеприимно получается.

Такое в разных вариантах приходилось слышать довольно часто.

И все же, чего греха таить, когда после успешных боев был получен приказ об отводе подразделений с передовых позиций и люди оказались в настоящих теплых московских квартирах, все были откровенно обрадованы. Помылись горячей водой, сбросили с плеч тяжелое многослойное обмундирование, приобрели совсем другой вид.

Новый, 1942 год встречали в Москве. Нашу часть разместили в здании одного из высших учебных заведений. Не было елок, обвешанных игрушками, столов, уставленных яствами и напитками, не слышно было «выстрелов» пробок пенистого шампанского, танцевальной музыки и прочего. А настроение все же было праздничное, приподнятое, душа пела. Москва вне опасности! Какое счастье!

И дума была одна: что принесет нам Новый год?

Штаб полка разместился в здании речного вокзала на Ленинградском шоссе. Днем, накануне Нового года, к нам прибыла делегация работников райкомов партии и райисполкомов, привезла подарки для воинов полка, состоявшего из добровольцев десяти районов Москвы. Построили подразделения. В шеренгах стояли бравые, с хорошей выправкой воины со смуглыми, обветренными лицами. В глазах веселые искорки. Теперь-то они знали себе цену! Их поздравляли с победой. Ведь они совершили, можно сказать, подвиг.

Прошло всего два с половиной месяца с того дня, когда они, неуклюжие, необученные, впервые в жизни надели шинели и взяли в руки винтовки, хотя даже не знали, как их следует держать. А сейчас — ни дать ни взять настоящие гвардейцы.

Устроили обед для делегации, на котором было сказано много добрых слов в адрес наших воинов. Затем делегаты, тепло попрощавшись, уехали.

Мы были довольны и польщены вниманием, оказанным нам москвичами. Пусть это было на несколько часов раньше положенного времени, все же мы встретили Новый год — в необычной, но приятной обстановке, в кругу близких и дорогих земляков.

Все занялись своими повседневными делами, считая, что мы уже вступили в сорок второй год. И вдруг неожиданность, да еще такая радостная. Оказалось, что о добровольцах-коммунистах думали не только в райкомах партии и райисполкомах. О них проявляли заботу и в Московском городском комитете партии, и в Моссовете, и в Москонцерте. Из политотдела дивизии передали телефонограмму, что к двадцати часам приедет бригада артистов. Стали готовиться к их встрече. Помещение клуба института, в котором были размещены бойцы, оказалось вполне вместительным. Но его надо было привести в порядок: убрать все лишнее, расставить скамьи, а главное, обогреть. Последнее оказалось самым сложным. В те дни соблюдалась строжайшая экономия. Все, что можно было, отключили от отопительной сети. В это «все» попал и клуб. Но могло ли это остановить людей, горевших желанием увидеть концерт с участием хороших артистов! (То, что артисты будут на высоте, ни у кого не вызвало сомнения.) Выход нашли. Решили часа за полтора до начала концерта привести в зал бойцов, и они своим дыханием согреют помещение.

Зал был переполнен. Шинелей никто не снимал, но температура была вполне приличная.

И надо сказать, что концерт выдался на славу. Принято считать, что даже самые знаменитые мастера сцены, корифеи искусства, и те всегда волнуются, выступая перед публикой. Зрители этого волнения не замечают, потому что внешне оно не проявляется. Наверняка и на нашем концерте актеры волновались. Ведь они выступали не перед обычными зрителями. В зале сидели воины-добровольцы, их земляки, только что вернувшиеся с поля сражения, да еще с такой победой. Словом, концерт достойно венчал наше импровизированное солдатское торжество по случаю годового праздника.

В начале февраля сорок второго стало известно, что нашу, теперь уже 130-ю дивизию перебрасывают на Северо-Западный фронт. Это сообщение всколыхнуло людей, вызвало новый подъем духа. Ведь направляли не просто на Северо-Западный фронт, а именно в район действий советских войск по прорыву блокады Ленинграда.

Что такое эта блокада, мы тогда достаточно слышались, представляли себе, какие лишения и муки переносят жители города на Неве. Воинов охватило чувство гордости за честь, оказанную нашей дивизии: значит, боевым действиям добровольцев Коммунистической дивизии, участвовавших в Московской битве, дана высокая оценка.

Вскоре развернулась основательная работа по подготовке оружия, боевой техники и личного состава к переброске на новое место. В подразделениях, не снижая темпов военной учебы, бойцы приводили в порядок обмундирование, отбирали и укладывали в

вещмешки самое необходимое. Люди уже знали, что вещмешок — это солдатская трехкомнатная квартира, как тогда называли его в шутку (спальня с гардеробом, столовая и кухня, только все в миниатюрном виде), и что эту квартиру надо будет нести на себе.

У нас, командиров подразделений, были свои заботы. Составляли заявки на железнодорожные составы, графики погрузки и перевозки личного состава и материальной части. Работы невпроворот.

Наконец наступил час отбытия. Командирам подразделений отдали приказ строить людей и двигаться к месту погрузки в вагоны. Мы с командиром 3-го полка майором Лагутиным отправились на автомобиле на вокзал, чтобы встретить и еще раз проверить наличие бойцов. И тут случилась неприятность. Мы ехали по Ленинградскому шоссе. Вдруг слева, из боковой улицы, на проспект вынеслась санитарная машина и попыталась развернуться перед нашей «эмкой» по ходу ее движения. «Эмка» на приличной скорости врезалась в бок «санитарки». Я сидел сзади. Реакция у меня, имевшего опыт вождения, была мгновенная, и я импульсивно нажал на воображаемый пожной тормоз. Это, видимо, меня предохранило, я отделался травмой правой ноги. Сумел избежать больших неприятностей и водитель. Командир полка, сидевший рядом с шофером, ударился головой в переднее стекло и получил тяжелое ранение.

Это происшествие было крайне огорчительно и подействовало на меня удручающе. Предстояла серьезная работа по переброске части на новое место дислокации, а без командира все сильно усложнилось. Следовало незамедлительно госпитализировать Лагутина. Поскольку «эмка» была разбита, ехать на ней не представлялось возможным. Лагутина я отвез в больницу на подвернувшейся машине, а сам помчался на вок-

зал, понимая, что никакие ЧП не должны отразиться на планомерной переброске подразделения. Водителю приказал отбуксировать автомобиль в часть и срочно отремонтировать.

Прибыв на вокзал, я встретил подразделения, указал вагоны, в которые они должны были грузиться. Отдав все нужные распоряжения, разыскал комиссара полка и доложил о ЧП. Мы с ним отправились в штаб дивизии. Комдив полковник Анисимов, человек чрезвычайно деликатный, никогда не повышавший голоса, покорявший своим тактом и выдержанностью, выслушал меня и в свойственной ему манере тихо спросил:

— А вы-то как себя чувствуете? Водитель как? — И тут же, переглянувшись со своим комиссаром, добавил: — Неудачное время для назначения нового командира полка. Однако медлить нельзя!

Наиболее подходящей кандидатурой на должность командира полка оказался комбат Пшеничный, воевавший еще в гражданскую.

Приказ о назначении был отдан, а узнали о нем бойцы несколько позже. Первый батальон знал Пшеничного как своего непосредственного командира, а с остальным личным составом новый комполка познакомился в пути следования. Командиры подразделений были наслышаны о Пшеничном, и для них его назначение не представлялось неожиданным. В пути Пшеничный умудрился на перегонах пересаживаться с эшелона в эшелон, собирать командиров подразделений, беседовать с ними, изучать личный состав полка, который ему предстояло вести в бой.

Мне как заместителю командира полка (я был назначен на эту должность в декабре 1941 года) тоже довелось побывать во всех железнодорожных составах, перевозивших нашу часть. Бойцы и командиры не теряли времени даром даже в пути. Учеба шла в ва-

гонах, ибо люди понимали, что, прибыв на место, они могут волею обстоятельств сразу пойти в бой. Учеба была нормой нашей повседневной жизни.

Ехали в приподнятом настроении, из вагонов неслись звуки гармоней, различных струнных инструментов. А чаще всего слышны были песни, солдатские песни, проникающие в самую глубину души, от них становилось тепло и уютно.

Однако настроение командиров омрачалось задержкой движения, которая, как мы знали, не зависела от железнодорожников. Мы понимали, что срываются сроки прибытия полка к месту сосредоточения дивизии, предвидели и то, что командиру дивизии, вероятно, придется вступить в бой с неполным составом, что это может повлиять на успех боевых действий.

К месту разгрузки эшелонов на станцию Черный Дор прибыли на несколько дней позже намеченного срока и, чтобы хотя немного компенсировать потерю времени, на разгрузку бросили все, что только можно было. Стрелковые подразделения с полной выкладкой, а то и сверх нее, пешим порядком двинулись к месту сосредоточения дивизии. Предстояло преодолеть путь в несколько переходов.

В феврале 1942 года в тех местах покров снега доходил до полутора и больше метров. Бойцам, особенно нетренированным, приходилось тяжело: ведь шли в основном по бездорожью, сокращая расстояние. Некоторые проявляли выдумку: из чурок и обрезков досок сколачивали нечто вроде санок, разного рода волокуши, на которые укладывали снаряжение и тянули за собой. Это только легко сказать — «тянули за собой». Если бы речь шла о каком-то спортивном соревновании в мирное время, а то ведь на войне, на открытой местности, где надо было маскироваться и быть готовым к воздушным налетам, при этом соблю-

дать строевой порядок, не растягиваться, не отставать от впереди идущих. И в этих сложнейших условиях, преодолевая невероятные трудности, бойцы сохраняли бодрость духа, слышны были шутки, смех.

Уже на подходе к месту назначения, когда оставалось примерно около десятка километров, решили сделать привал. Головной батальон оказался в небольшом населенном пункте. Людей рассредоточили, приняли меры маскировки.

Группа командного состава полка — начальник химической службы Ершов, начальник боепитания Матюшкин, начальник инженерной службы Павлов, еще несколько человек, в том числе и я, оказались в домике-сторожке возле церкви. Вдруг неизвестно откуда появились самолеты противника и начали бомбить деревушку. Послышалась пулеметная стрельба. Все это было настолько неожиданно, что мы даже не успели понять, в чем дело. Сразу вскочили и инстинктивно прижались к стене. Прошел какой-то миг, как совсем рядом раздался грохот взрыва. Половина дома рухнула. Потолок одним краем обвалился, образовав с уцелевшей стеной, где мы стояли, своего рода шалаш. Именно благодаря этому обстоятельству мы остались в живых. Никого из нас даже не ранило. Сбросив оцепенение, мы выбежали на улицу. И тут же позади нас, в десяти шагах, рухнула вместе с потолком державшаяся доселе стена, которая сохранила нам жизнь.

Как выяснилось, следом за нами двигалась какая-то часть. Ее-то и обнаружил вражеский воздушный разведчик и нацелил бомбардировочную авиацию. Часть состояла из молодых, неопытных бойцов и командиров, видимо впервые попавших в такую ситуацию и не успевших принять мер предосторожности. В результате было немало убитых и раненых.

Наш полк, к счастью, потерь не понес.

Наконец, в февральский пасмурный день полк пошел к месту назначения и с ходу вступил в бой. Другие части дивизии, прибывшие ранее, уже вели схватки с противником.

Боевые действия подразделений и частей дивизии в 1942 году развернулись в основном в черте населенных пунктов Молвотицкого района. Противник имел сильно укрепленные позиции с окопами в рост человека, разветвленной сетью траншей, добротными землянками. Брустверы окопов были политы водой и таким образом представляли собой сплошной ледяной вал, который, по замыслу противника, должен был стать «неприступным редутом». Следует отдать должное противнику: укрепления он строил основательно, в особенности когда переходил к длительной обороне. Здесь, в Молвотицком районе, мы столкнулись именно с тем случаем, когда гитлеровцы заняли оборону на длительный период.

Впереди ледяных валов проходило несколько рядов заграждений из колючей проволоки, а все подступы к ним были густо усеяны противотанковыми и противопехотными минами.

Судя по всему, «орешек» нам достался крепкий, и, чтобы его разгрызть, требовались, образно говоря, стальные зубы. А их-то у нас как раз и не было. Нам вообще часто не доставало артиллерии, и мы не всегда имели возможность провести с ее помощью обработку переднего края укреплений противника. Нередко были случаи, когда вся наша огневая мощь ограничивалась «карманной артиллерией» — ручными гранатами.

Чтобы в этих условиях добиваться успеха в бою, нужны были огромная сила воли, великая вера в правое дело, за которое идешь в бой, безграничная преданность и любовь к своему народу, за жизнь и свободу которого ты жертвуешь собой.

Написав эти строки, я невольно остановился и задумался. На ум пришли слова Л. Н. Толстого: «Слон всегда сильнее пешки; две пешки всегда сильнее одной. Но на войне батальон бывает иногда сильнее дивизии, а иногда — слабее роты. Все зависит от морального уровня войск, от чувства, одушевляющего каждого солдата. Кто может вызвать это чувство? Кто может его предвидеть?» Вспоминая так, великий писатель, возможно, на самом деле не знал, не видел тех, «кто может». Мы же, советские люди, живем в другой исторической эпохе. У нас есть великая партия Ленина, обладающая способностью научного предвидения. Она-то и сумела вызвать то самое чувство в народе, потому что дала ему то, ради чего он мог впитать в свое сознание, вобрать в свое сердце такие моральные качества, которые сделали его способным в составе взвода стать сильнее полка.

Этим и определялись действия наших воинов, избравших своим девизом слова: «Ни шагу назад!»

По законам военной науки наступающая сторона должна превосходить в силах обороняющуюся не менее чем в два раза, чтобы обеспечить себе успех. Она должна иметь мощные огневые средства, которыми можно было бы обработать передний край обороны и под прикрытием которых могла бы действовать наступающая пехота. К сожалению, здесь, в Молвотицком районе, все было наоборот. Мы имели намного меньше того, что должны были иметь, и противник был в несравненно более выигрышном положении.

В феврале—марте 1942 года мы вели очень тяжелые бои. Рельеф местности нам не благоприятствовал, господствующие высоты находились в руках фашистов. Все наиболее вероятные подступы к их позициям были пристреляны. Осложняли ситуацию погодные условия: стояли трескучие морозы, вдобавок дули про-

низывающие насквозь ветры. Глубокие целинные снега ограничивали маневренность. В освобожденных населенных пунктах уцелевшими оставались, как правило, лишь отдельные дома или сараи. Отступая, гитлеровцы, где им только удавалось, сжигали и уничтожали все строения. Нашим бойцам приходилось строить чумы из елей и разводить в них очаги для обогрева. А чтобы себя не демаскировать, научились разжигать бездымные костры. Между тем солдаты противника были размещены в теплых домах или хорошо оборудованных землянках, в которых они отдыхали в перерывах между боями.

На участке, где вели бои части нашего соединения, находились до двух полков 123-й пехотной дивизии гитлеровцев, а также отдельный саперный батальон, минометный дивизион и несколько артиллерийских батарей. Все они входили в состав 16-й немецкой армии. В течение пяти месяцев эти части занимали район Молвотиц. И конечно, этого времени им было вполне достаточно, чтобы создать сильно укрепленный, глубоко эшелонированный рубеж.

И все же, несмотря на эти серьезные преимущества противника, мы были не слабее его. Наша сила выражалась, помимо всего прочего, как я уже говорил, в высоком моральном духе, неудержимом стремлении во что бы то ни стало победить, выбить противника из его гнезд и освободить наши земли от гитлеровских захватчиков.

Воины дивизии вели тяжелые, кровопролитные бои, но это были бои наступательные. В февральско-мартовских схватках нам удалось освободить целый ряд населенных пунктов: Павлово, Сидорово, Бутылкино, Новую Руссу и др.

В Бутылкине мы разгромили штаб полка противника. Удалось захватить важные оперативные доку-

менты, военную технику, несколько десятков лошадей (впоследствии они нам пригодились), а также продовольственный склад.

Вскоре после освобождения Бутылкина противник, опомнившись, предпринял попытку вернуть этот важный для него пункт. Вначале он прибег к ряду контратак, которые были нами успешно отбиты. Убедившись в безрезультатности таких действий, гитлеровцы подвергли деревню массированному налету бомбардировщиков. Но и это не дало эффекта. Все наши потери от этих налетов ограничились парой трофейных лошадей, погибших, в общем-то, довольно нелепо. Боец, рискуя собой, хотел отвести лошадей в безопасное место, но они заупрямились и не пошли. В последние секунды перед разрывом бомбы бойцу удалось укрыться, и он таким образом спасся. После бомбежки он шутил: «Сами виноваты, что погибли. Я им говорил: «Пошли, милые, отсюда», а они по-русски не понимают».

Продолжая вести бои, мы создали реальную угрозу окружения противника в районном центре Молвотицы. Поняв наконец безнадежность попыток удержать старые позиции, враг начал отходить. При нашем нажиме отход превратился, по существу, в бегство.

В февральских боях примеры отваги и мужества показали многие бойцы и командиры.

Отважный поступок совершил младший лейтенант Калинин, ворвавшийся с группой бойцов в пределы оборонительного рубежа противника. Смельчаки захватили вражеское орудие, мгновенно развернули и открыли из него огонь по гитлеровцам, засевшим в двух домах. В ходе боя получил ранение командир роты. Его помощник Павлов принял на себя командование и повел бойцов в атаку. А когда Павлов узнал,

что тяжело ранен и комбат, то вступил в командование батальоном.

В одном из боев командир полка Кузнецов получил тяжелое ранение. Его и нескольких других раненых воинов не смогли сразу эвакуировать в тыл. Их укрыли в одном из строений. Подтянув подкрепление, фашисты ценой больших потерь пробрались к дому, в котором находились раненые.

Комиссар полка Репин бросился на выручку командира части. С небольшой группой бойцов он совершил отчаянно смелый бросок, достиг помещения. И когда его группа была уже у цели и намеревалась вынести беспомощных товарищей, гитлеровцы шквалом огня из пушек и минометов отрезали ее от части, взяли в плен и учинили над Репиным и его бойцами зверскую расправу. Затем их бросили в то же помещение, в котором находились командир полка и другие бойцы. Фашисты всех сожгли живьем. Этот акт вандализма привел в ярость наших воинов. Москвичи поклялись отомстить за товарищей и сумели выполнить свою клятву.

Командир дивизии прибег к такому демаршу. Организовав мощное наступление в районе деревень Павлово и Сидорово, он создал у противника впечатление, что захват этих населенных пунктов — главная цель наступления.

Дорожа опорными пунктами, за потерей которых последовало бы нарушение целостности всей оборонительной системы в данном районе, противник начал подтягивать сюда подкрепление. Но это он вынужден был сделать за счет ослабления других своих опорных пунктов и флангов. Отвели фашисты некоторую часть сил и из Новой Руссы.

Как только разведка донесла командованию дивизии о перегруппировке сил противника, сразу же был

отдан приказ командиру полка Довнару усилить натиск на оборонительный рубеж в районе Новой Руссы, а командиру полка Дудченко, заменившему Кузнецова, и вступившему в бой командиру полка Пшеничному — сковать силы фашистов на рубеже Павлово — Сидорова, овладеть этими населенными пунктами и лишить фашистов возможности чем-либо помочь своим ослабленным частям в районе Новой Руссы.

В Новой Руссе развернулись уличные бои, которые даже для опытных воинов представлялись весьма сложными. Тем более они были сложны для бойцов-добровольцев, впервые участвовавших в таких схватках. Тем не менее многие наши бойцы проявили себя смелыми, инициативными, находчивыми.

Немцы создали ряд огневых позиций: одна такая была оборудована в церкви, другие — в каменных домах. В распоряжении наших частей, к сожалению, не было необходимого количества орудий, поэтому воины заменяли их «карманной артиллерией»; они выбивали гитлеровцев из укрепленных домов гранатами, расстреливали из винтовок. Бойцы Геннер и Зубарев уничтожали гитлеровцев метким пулеметным огнем.

Полки Дудченко, Довнара и Пшеничного действовали умело, решительно. Четкое взаимодействие этих частей, умелое руководство людьми со стороны командиров обеспечили разгром врага, успешное выполнение приказа командира дивизии и развитие дальнейшего наступления. Особо отличилась в этих боях рота комсомольца А. Халина.

Свою трудовую жизнь Анатолий Халин начал на заводе «Каучук». Там встретил хорошую девушку. Они полюбили друг друга, поженились. Но недолго длилось их счастье.

В октябре 1941 года Анатолий, как и многие его сверстники-комсомольцы, пришел добровольно в Ком-

мунистический батальон. При формировании 3-й Московской дивизии Халин был назначен командиром роты автоматчиков. Понимая, что бойцы его не знают военного дела, Халин с первых дней взялся усиленно за их обучение. Он прививал бойцам любовь к оружию, учил метко стрелять, тренировал их длительными переходами. Халин зарекомендовал себя как требовательный и смелый командир.

На Северо-Западном фронте рота Халина с первого дня приняла участие в боях.

На Новую Руссу наступали два батальона полка и рота автоматчиков Халина. Февральские лютые ветры пронизывали насквозь. Шли воины по глубокому снегу. Новая Русса была сильно укреплена, все подступы к ней гитлеровцы пристреляли.

В этом тяжелейшем бою Анатолий Халин совершил подвиг. Вот как это произошло.

Два батальона под командованием Владимира Верстака и Михаила Иванова и рота Халина заняли исходную позицию. Ползком по глубокому снегу начали наступление. Противник открыл губительный огонь. Появилась вражеская авиация. Ряды москвичей редели. Положение становилось угрожающим, и командир батальона Иванов поставил автоматчикам задачу перейти в атаку. Во исполнение приказа Халин скомандовал: «Рота за мной!», и бойцы бросились за своим командиром. Халин был впереди роты. Неожиданно заговорил пулемет. Халин залег, а потом пополз к дзоту и бросил в амбразуру связку гранат. Пулемет умолк. Удача воодушевила Халина. И он вновь поднял автоматчиков в атаку. В этот момент из другого замаскированного дзота раздалась пулеметная очередь. Анатолий оказался в непосредственной близости от него. Решение созрело мгновенно. Халин приказал политруку Чашину принять командование ротой,

схватил связку гранат, бросился к дзоту врага. Подбежав вплотную, он на глазах бойцов, замерзавших на снегу, метнул гранату в амбразуру и сам свалился на нее. Пулемет мгновенно замер. Но погиб и герой.

Автоматчики, не дождавшись команды, все, как один, устремились вперед на штурм вражеских укреплений. Подоспели батальоны Верстака и Иванова и совместными усилиями овладели Новой Руссой.

О подвиге Анатолия Халина — комсомольца-патриота написал поэт Михаил Матусовский:

Средь сотен и тысяч бессмертных имен
Мы Халина имя храним.
Он вел свою роту со склона на склон,
И рота шагала за ним.

Он сердцем упал на немецкий дзот,
И грудь его, как броня,
Укрыла друзей, идущих вперед,
От вражеского огня.

Он знал, что даром не пропадет
Ни кровь, ни солдатский пот.
Он знал, что Родина эту смерть
Бессмертием назовет...

Память об Анатолии Халине увековечена присвоением его имени школе-интернату в Москве.

В ходе боев наши части изматывали, обескровливали гитлеровцев. Мы захватили инициативу в районе Старой Руссы, Демянска, занятом неприятелем. Овладением этими опорными пунктами наша дивизия совместно с другими соединениями связала действия 16-й армии, лишила ее возможности оказать помощь гитлеровским войскам, окружившим Ленинград.

Заканчивалась первая зима Великой Отечественной войны. Она принесла Советской Армии первые победы. Главной среди них была победа под Москвой.

Активные действия бойцов и командиров 130-й стрелковой дивизии, их отвага и мужество явились немалым вкладом в успехи советских войск.

Последний весенний месяц принес нам приятную весть. На празднование Первомая в дивизию прибыла делегация трудящихся столицы. Дорогие гости приехали, как говорится, не с пустыми руками. Московский городской и областной комитеты партии прислали новое пополнение добровольцев. Это было кстати, поскольку ряды дивизии основательно поредели. Кроме того, приятно было сознавать, что о нас постоянно помнят и заботятся в столице.

В праздничный день в торжественной обстановке вручили боевые награды — ордена и медали бойцам, командирам и политработникам, отличившимся в боях, проявившим мужество и отвагу.

В мае, когда снег совсем сошел с полей, подсохли дороги, нам удалось определить размер потерь противника. Сотни трупов гитлеровских вояк были разбросаны в местах, где проходили ожесточенные бои. Пытаясь удержать там позиции, враг понес серьезный урон, причем не только в живой силе, но и в технике.

Были потери и у нас. Пользуясь некоторым затишьем, бойцы хоронили погибших товарищей.

Ныне у околицы деревни Павлово, на месте боев с фашистами, проходивших в первые месяцы 1942 года, возвышаются обелиски на двух братских могилах. В них покоится прах верных сынов нашей Родины — коммунистов, комсомольцев, отдавших за нее свою жизнь. За могилами любовно ухаживают жители близлежащих населенных пунктов и особенно молвотицкие школьники, создавшие у себя музей боевой славы. Педагоги и учащиеся школы Молвотиц поддерживают

тесную связь с советом ветеранов нашей дивизии. (Кстати сказать, в составе совета есть секция, которая ведет большую работу по сохранению братских могил погибших воинов и уходу за ними.)

Подводя итог зимним боям 1942 года, в которых участвовала наша дивизия, следует сказать, что значение их определяется не только числом уничтоженных врагов или количеством населенных пунктов, освобожденных от захватчиков. Эти бои во многом способствовали укреплению морального духа наших воинов, их волевой закалке, росту боевого мастерства. Наш девиз «Ни шагу назад!», с которым мы вступили в схватку с врагом под Москвой, жил и здесь, на Северо-Западном фронте.

Командиры и политработники в промежутках между боями скрупулезно изучали ошибки, допускаемые в основном из-за неопытности и недостаточности подготовки бойцов. В сущности, именно на изучении таких ошибок и строилась учеба воинов, проводилась подготовка к будущим боям с сильным противником, каким еще были в 1942 году немецко-фашистские войска.

Если боевые действия нашего соединения в 1942 году условно разбить на этапы, то бои, начавшиеся в мае, можно назвать вторым этапом. Предстояло решить сложную задачу — подготовить подразделения к новым схваткам с врагом. Всем было ясно, что противник намерен встретить нас во всеоружии, что он тоже не сидит сложа руки, а стало быть, извлек уроки из зимних боев.

Конечно же нам хотелось, чтобы одоление врага стоило нам минимальных потерь. Поэтому бойцы и командиры, используя каждый свободный час, изучали новое вооружение, тактику наступления, обходные ма-

невры, охваты, уничтожение огневых позиций и танков противника, ведение штыкового боя и многое другое.

Перед нами стояла задача разгромить несколько опорных пунктов противника. Находились они в районе деревень Черное, Лунево, Ожееды. Бои за эти и другие населенные пункты шли с мая по август 1942 года. С первых дней стало ясно, что нам предстоит тяжелые испытания. Уже сосредоточение на исходных позициях было осложнено рельефом местности и тем, что противник создал надежные оборонительные сооружения, пристрелял буквально все и вся. Зимой нам приходилось продвигаться ползком по глубокому снегу в свирепые морозы. Это требовало огромного напряжения моральных и физических сил. Многие мечтали о том, чтобы поскорее сошел снег, считая, что тогда мы избавимся от всех тягот. Оказалось, однако, что и летом в здешних местах не легче, а подчас и труднее. Приходилось продвигаться по болотам и топям, переползая с кочки на кочку в поисках места, которое бы не простреливалось противником.

И тут большую помощь оказали нам наши разведчики и саперы. Это им удавалось находить скрытые от глаз тропки в, казалось бы, непроходимых местах, прокладывая через топи пути для подразделений, оборудовать огневые позиции.

Именно с помощью разведчиков и саперов нам удалось провести успешную атаку позиций противника в районе деревни Лунево. Часть сил соединения была направлена в обход опорного пункта немцев, чтобы выйти к нему со стороны заболоченной местности и ударить внезапно. Одновременно другие подразделения сделали попытку атаковать в лоб, отвлекая на себя внимание фашистов. Когда на них был обрушен огневой удар противника, основные силы дивизии вышли

во фланг ему и неожиданным и стремительным натиском решили исход боя в свою пользу.

Наиболее ожесточенные бои развернулись в районе деревень Малое и Большое Врагово. Этот укрепленный участок играл для гитлеровцев важную роль. Овладев Малым и Большим Враговым, мы получили бы возможность вырваться в направлении Демянска для выполнения основной задачи — перерезать узкий коридор между старорусской и демянской группировками гитлеровской 16-й армии и способствовать окружению противника в демянском котле.

Эта операция совпала с событиями, развивавшимися на юге. Немецкое командование задумало прорваться к Волге, расколоть тем самым весь наш фронт, отрезать Кавказ от центральных районов страны. С безрассудным упорством оно бросало огромные силы на Сталинград. Советские войска, находившиеся на разных фронтах, не только выполняли те задачи, которые соответствовали бы обстановке того или иного района боевых действий, но и преследовали одну общую цель: связать войска противника, не дать ему возможности маневрировать и подбрасывать подкрепления к Сталинграду.

Для выполнения этой весьма сложной задачи предстояло помимо прорыва оборонительных рубежей на господствующих высотах, которые гитлеровцы укрепляли на протяжении десяти месяцев, заминировав и пристреляв все подходы к ним, форсировать водные преграды — реку Ловать и ее приток Сутонская Рось. Коридор пролегал в болотах.

Выполнение операции было возложено на один из полков дивизии. Его командир решил повести атаку двумя батальонами поэтапно.

Сосредоточив подразделения на исходных позициях, командир головного батальона направил стрелко-

вую роту с приданными ей двумя взводами станковых пулеметов и минометов, группой полковых разведчиков и саперов в обход, чтобы ударить во фланг противника. Впереди шли разведчики и саперы по тропкам в болотах, известным только им одним. Это были в основном комсомольцы, отважные ребята, не раз ходившие на задания, рисковавшие жизнью, чтобы выполнить поставленную задачу, от которой, возможно, зависела судьба подразделения, части.

После некоторых «приключений» разведчики и саперы провели пехотинцев, протащили орудия и минометы в заданный район. Рота с приданными ей огневыми средствами выдвинулась на исходные позиции скрытно. По сигналу комбата она ударила во фланг противника. Но оказалось, что оборона была слишком плотная и организованная. Первоначально два стрелковых взвода продвинулись и овладели выгодной высотой. Туда пробрались пулеметчики и окопались.

Наступление в направлении главного удара было менее удачным. Противник подготовил контрудар, силу которого мы и предположить не могли. Огонь его был настолько мощным, что бойцам пришлось залечь. При малейшей попытке подняться огневой шквал возобновлялся. В то же время задержка наступления в лоб создавала угрозу для посланной в обход группы, от которой не поступало новых сведений.

Первый день боя был неудачным. Ждали наступления темноты и продумывали все до мелочей, чтобы как можно эффективнее использовать короткую летнюю ночь.

Здесьние места — Валдайская возвышенность — известны своими красотами: лесистыми холмами, зелеными полями, живописными естественными водоемами. Когда шли ожесточенные бои и земля сотрясалась от взрывов бомб и снарядов, никаких прелестей при-

роды не замечалось. Но стоило хоть на несколько минут установиться тишине, как окружающий живой мир словно обнимал тебя. Правда, во время боев за Малое и Большое Врагово таких тихих минут было немного. Гитлеровцы слишком хорошо понимали тактическое значение этого оборонительного рубежа. Не считаясь с потерями, они бросали в бой все новые и новые силы.

В этих боях мы особо ощутили преимущество противника в вооружении и технике. Как ни горестно вспоминать о тех тяжелых днях, но ничего не поделаешь. Это был лишь июнь 1942 года, когда страна только начала набирать силу, когда наша промышленность, перестраиваясь, стала выпускать больше самолетов, минометов, пушек, автоматов и прочего вооружения.

В боях за Малое Врагово, которые оставили мне память о себе на всю жизнь (здесь я был тяжело ранен и контужен), мы потеряли многих товарищей, отличных бойцов и командиров. Пожалуй, ни в одном бою до этого мы не несли такого урона.

Обстановка то и дело резко менялась. То начиналась такая канонада, что приходилось чуть ли не кричать на ухо, чтобы тебя услышали, то вдруг устанавливалась полная тишина, и было слышно, как жужжат комары (их там было тьма-тьмущая).

Во время одного такого затишья, лежа на наблюдательном пункте, я залюбовался красотами природы. Нас отделяло от фашистов небольшое расстояние, местами оно не превышало 50—70 метров. Из окопов противника слышались голоса. Иногда можно было даже уловить смысл слов.

Я смотрел на поляны, покрытые цветами, и мне чудилось, что никакой войны нет, что я приехал в эти чарующие места со своей семьей. Вот ребята резвятся

в траве, кувыркаются, собирают цветы, а мы с женой сидим и говорим о чем-то интересном. Фантазия моя настолько разыгралась, что я отчетливо услышал голос жены: «Как хорошо, что все ужасы позади, что ты жив. Ничего, что ты инвалид, главное — жив, и мы все опять вместе».

Меня пробрала дрожь от этих мыслей. Я был физически очень крепким, чувствовал себя превосходно, ни о каком ранении и не помышлял. Приближалась годовщина начала войны. Мне довелось участвовать во многих боях. И тем не менее меня, как говорят, бог миловал, ни одной царапины. А тут взбрела в голову какая-то инвалидность, бред да и только.

Мне, однако, не пришлось долго предаваться размышлениям и переживаниям. Они были прерваны артиллерийским налетом. Спустя некоторое время противник ввел в действие авиацию. Самолеты пошли волна за волной. Фашистские летчики сбрасывали бомбовые грузы с небольшой высоты и на бреющем полете поливали нас пулеметными очередями, а мы были бессильны противодействовать. Бессилие, вероятно, самое ужасное состояние. Бывали на войне во время бомбежек ситуации, когда можно было принять любое решение: уйти в укрытие, перебраться в другое место, лечь, встать, побежать, открыть огонь. В общем, в твоём распоряжении несколько вариантов осмысленного действия. В данном же случае ты словно связан по рукам и ногам. Это можно сравнить с положением тяжелораненого, прикованного к койке санитарного вагона. Поезд стоит на станции, его безнаказанно бомбят. Фашисты видят, что это санитарный состав, и тем не менее целятся именно в него, чтобы обрушить свой смертоносный груз на беспомощных людей. А им, несчастным, ничего не остается, как ждать своей печальной участи.

Именно таким оказалось наше положение в том бою, когда мы были застигнуты на открытом пространстве. Мы мечтали только об одном: чтобы появился хоть один наш истребитель. Да, мечтали, но мечты эти были неосуществимы. И все же бойцы стойчески держались. Очевидно, у каждого человека бывает такое состояние, когда, чем хуже положение, чем большей опасности он подвергается, тем выше его сопротивляемость, тем решительнее и упорнее его противодействие.

Наши воины это доказали. Стоило им овладеть небольшой высоткой (преддверие к основной цели), и они с завидным упорством отстаивали ее. Главная высота, из-за которой разыгрался этот бой, уже была хорошо видна, но пока еще недосыгаема. Бойцы и командиры показывали примеры отчаянной смелости, мужества, решимости драться до последнего дыхания.

Была тяжело ранена любимица одного из батальонов нашего полка Мария Злотина, бесстрашная санитарка. Бросившаяся к ней на помощь такая же смелая сандружинница Людмила Мстиславская вытащила Машу с поля боя, но вскоре и сама была тяжело ранена.

Смертельное ранение в живот получил начальник штаба одного из батальонов полка Борис Гроховский, показавший себя мужественным и отважным человеком. В тяжелом состоянии вынесли с поля боя комиссара батальона.

Плечом к плечу с воинами-мужчинами сражались наши славные снайперы Мария Поливанова и Наталья Ковшова. Они пробрались на передний край, выбрали удобные позиции, замаскировались и начали свое обычное дело — «охоту» на гитлеровских офицеров. Увлечшись, девушки не заметили, как оказались отрезан-

ными от своих. Гитлеровцы бросились к ним, намереваясь взять живыми. Но отважные комсомолки не дали врагу. Погибнув сами, они сумели все же уничтожить большую группу фашистов.

С Поливановой и Ковшовой в этом бою участвовал и снайпер Новиков. Его тяжело ранило. Под вражеским огнем девушки наложили ему на рану повязку. Чудом оставшись в живых, Новиков приполз в часть и рассказал подробности происшедшего с Марией и Натальей. Его свидетельство было тогда записано редактором дивизионной газеты Аркадием Полетаевым. Привожу его в сокращенном виде.

Гитлеровцев, окруживших трех отважных снайперов, было много. Наташа и Маша сокращали их число меткими винтовочными выстрелами. Однако гитлеровцы ползли и ползли. Наташа получила два ранения. Отбивалась одна Маша. На угрозы и требования врагов сдать Маша отвечала меткими выстрелами. Офицер крикнул: «Сдавайтесь!», в ответ ему была послана пуля, заставившая его замолчать навеки. Девушки на прощание расцеловались. На второй окрик: «Сдавайтесь!» — Наташа из последних сил крикнула: «Проклятушие! Русские девушки живыми не сдаются», затем метким выстрелом убила и этого фашиста. Гитлеровцы продолжали приближаться. Уже была дважды ранена и Маша. Обе девушки не могли больше стрелять. В руках у них было по две гранаты. Фашисты, увидев беспомощно лежавших девушек, бросились к ним во весь рост. Как только их окружили, раздался оглушительный взрыв гранат.

Маша и Наташа подорвали себя и окруживших их фашистов, которых было не меньше тридцати.

За проявленную отвагу и мужество комсомолкам Марии Поливановой и Наталье Ковшовой было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Ныне на берегу реки Ловать, в деревне Коровитчино, на кладбище возвышается обелиск, установленный в память погибшим героиням.

Упорство и решимость наших воинов сломили наконец сопротивление гитлеровцев. Мощной атакой мы прорвали оборону, выбили противника из населенных пунктов Копылово, Большое Врагово и с укрепленной высоты 246,9.

Но фашистам было приказано стоять насмерть. Прорыв их линии обороны здесь способствовал бы разгрому другого рубежа — у Малого Врагова. А это угрожало противнику потерей всего укрепленного района и открывало нам путь к основному рубежу Заболотье — Демянск. Этим объяснялись яростное сопротивление и бесконечные контратаки, в которые фашисты бросались, не считаясь ни с какими потерями.

Создав мощный кулак и воспользовавшись ослаблением наших флангов, связанным с тем, что наши соседи справа и слева не сумели продвинуться, противник попытался подавить нас сильным огнем. Подразделение капитана А. Вороновича отразило несколько вражеских контратак подряд. Все попытки гитлеровцев прорваться оказались тщетными. Москвичи были верны девизу: «Ни шагу назад!» Отвоеванного рубежа они не отдали.

Завершающим в этих боях было взятие деревни Малое Врагово. Одной из первых, во главе группы автоматчиков, в нее ворвалась Зибя Ганиева, бывшая студентка ГИТИСа, известный в части снайпер. К тому времени на ее счету был 21 уничтоженный фашист.

Подвиг совершил командир взвода комсомолец Петр Непочатов. Вместе с четырьмя бойцами, тоже комсомольцами, Глушковым, Данцевым, Белковым и

Поспеловым, они прорвались к высоте, занимаемой противником, и выбили его оттуда. Закрепившись на высоте, они обеспечили продвижение своего подразделения.

Трое суток отважная пятерка, прозванная в подразделении «челюскинцами», удерживала небольшую высотку, находившуюся фактически в тылу врага. Огнем из автоматов они истребляли гитлеровцев. Вскоре к смелым «челюскинцам» присоединился шестой боец — комсомолец Т. Петрушин. Пренебрегая опасностью, под огнем минометов и автоматов Петрушин приполз на высоту, притащил с собой ручной пулемет, сумел навести линию связи и установить на высоте телефон.

Отважные воины были отмечены правительственными наградами. Непочатов удостоился ордена Ленина.

В боях за Малое Врагово отличился командир группы разведчиков сержант И. Горошко. Он с девятью бойцами получил задание разведать передний край обороны противника. Пробравшись скрытно к опушке леса недалеко от вражеского дзота, Горошко разбил бойцов на три группы и приблизился к цели. Разведчики притаились с трех сторон дзота. Гитлеровцев собралось около 40 человек. Они о чем-то совещались, потом зашли в землянку. В этот момент разведчики забросали их гранатами. Уничтожив до 30 солдат, подорвав один дзот и повредив второй, разведчики вернулись невредимыми в свое подразделение.

Отличились в этих боях и артиллеристы. Метким огнем они уничтожали пехоту противника, подавляли вражеские огневые точки, разрушали дзоты и блиндажи.

Артиллерист В. Митюкляев под ураганным огнем врага три дня не отходил от своего орудия, отбивая

многочисленные атаки гитлеровцев. Ему удалось истребить немало фашистских солдат.

В одном из боев подразделения полка И. Дудченко прорвали оборону противника. В течение четырехдневных кровопролитных схваток им удалось продвигнуться всего на двести метров. Заняв выгодные позиции, бойцы организовали оборону. Опомнившись, враг начал яростно атаковать наши позиции. На подразделения Дудченко противник бросался до десятка раз. Склоны высоты были усеяны трупами вражеских солдат.

Тяжелые бои вели воины Петра Митрофановича Пшеничного. Его часть, выполняя поставленную задачу, труднейшим ночным маршем из деревни Сутоки вышла на передний край. Гитлеровцы находились в глубине леса, укрываясь за валами из бревен и грунта. Кругом проволочные и минные заграждения. Чтобы перерезать дорогу Белово — Омычкино, надо было преодолеть несколько сот метров. В течение нескольких суток подразделения Пшеничного резкими бросками продвигались вперед, несмотря на яростный огонь противника. Командир полка Пшеничный, комиссар Я. Гольдштейн, политработник В. Носов все время находились в боевых порядках. Своим примером они поддерживали моральный дух воинов. В один из самых напряженных моментов боя Пшеничный был убит вражеским осколком. Посмертно его наградили орденом Ленина.

Многие и многие бойцы, командиры, политработники проявляли мужество и отвагу в боях, проходивших в Молволицком районе. Среди них следует отметить таких, как С. Кулешова, Е. Бусалов, А. Каменев, Е. Лиэллуп, В. Иванов, В. Ханчин, Г. Ролич, Л. Фельдман, Ф. Бахирев, И. Дудченко, П. Пшеничный, Л. Гордин, С. Качанов, А. Шахгольдян, Р. Сулимкин, И. Пан-

телеев, М. Злотина, П. Тарасов, А. Смирнов, А. Скуридин, И. Горшков, А. Жидкова, М. Каверин, М. Захаров, А. Балишев, С. Тарасюк.

Все эти люди воевали в разных подразделениях и в разных качествах.

Бывший рабочий завода «Серп и молот» Александр Каменев — снайпер. Он истребил 72 фашиста.

В одном из боев девять бойцов сержанта Свидерского нанесли мощный удар по группе фашистов, многих уничтожили, остальных обратили в бегство.

При отражении атаки врага проявила мужество и стойкость Анна Жидкова, ведя непрерывный пулеметный огонь по наступающим цепям фашистов. Раненая, она не оставляла свой «максим». Анну нашли мертвой, ее руки с трудом оторвали от пулемета.

Смелость и отвагу проявила Милютина — связистка одного из подразделений. В бою, когда все было в огне, под гул микирующих бомбардировщиков неприятеля она обеспечивала постоянную телефонную связь.

Доброволец Фрунзенского батальона Н. Экономцев, комсорг роты, в рукопашной схватке заколол восемь фашистов. Он пал, прошитый вражескими пулями.

В бою отличились комсомольцы С. Осин, В. Ухлин, Б. Кивеллович — бывшие студенты 1-го Московского медицинского института.

Комсорг Шота Месхи, раненный в руку, не оставил поля боя. Истекая кровью, он шел впереди атакующих, призывая товарищей: «Комсомольцы, вперед, за Родину!»

Бесстрашно вела себя боец Алла Агеева. Она подняла группу автоматчиков и повела их в атаку.

Проявив находчивость, инициативу и отвагу, в кро-

вопролитной схватке с фашистами погибли Г. Стуков, Г. Дулько, М. Лондон, И. Вавилов.

Не было человека в дивизии, кто бы не знал имена разведчиков Петрова, Устинова, Виленского, Лысяка, Агафонова, Тэна, Крючкова, Красносельского, Герасимовича, Соловьева, Степанова, Тумакова, Баранчика.

Группа разведчиков под командой лейтенанта В. Петрова и младшего политрука В. Григорьева совершила дерзкий трехдневный рейд в тыл противника. Разведчикам была поставлена задача добыть данные о количестве войск фашистов и их вооружении, необходимые для разработки дальнейших боевых операций. В составе группы было четыре младших командира, одиннадцать рядовых разведчиков, два радиста, санинструктор и два партизана-проводника.

Смельчаки пробирались скрытно, по перелескам, оврагам. Им удалось благополучно перейти через линию фронта. Минувя дзоты, они оказались на земле, захваченной врагами. Все тут было родное и близкое сердцу: поля, травы, деревья. Однако все это омрачалось следами зверств, которые встречались на каждом шагу. В первые часы пребывания в тылу фашистов разведчики обнаружили 22 трупа бойцов, командиров и политработников, зверски замученных гитлеровцами.

Недалеко от этих изуродованных тел разведчики нашли еще 25 трупов красноармейцев, захваченных в плен и уничтоженных.

Потребовалась исключительная сила воли, чтобы сдержать себя, не броситься на фашистских извергов и не открыть по ним губительный огонь. Помня о задаче командования, они продолжали оставаться «невидимками».

Оказавшись за линией фронта, группа вынуждена

была остановиться. Продолжать движение вперед представлялось чрезвычайно опасным, поскольку местность неизвестна. Бойцы Сидлер и Загоскин вызвались прощупать обстановку. Выполняя это задание, они наткнулись на фашистов и в неравном бою погибли как герои. На поиски Сидлера и Загоскина послали четырех человек. И этим бойцам не удалось вернуться без потерь. Они наткнулись на засаду. Командир группы пал в короткой перестрелке.

Можно было уже не сомневаться, что враг обнаружил присутствие советских воинов в своем тылу. Разведчикам следовало немедленно уходить. Конечно, было обидно прерывать выполнение задания на полпути. Но другого варианта не предвиделось.

От вражеской погони разведчиков спасли лес и внезапно выпавший снег (такое в мае в здешних местах бывает крайне редко), который скрыл их следы.

Уйдя от преследователей, разведчики надежно укрылись и поддерживали тесную связь с командованием части. Они ежедневно получали сводки Совинформбюро, а также газеты и брошюры, доставляемые самолетом. Умудрялись помимо всего прочего выпускать «боевой листок». Ничего в этом удивительного нет: все оставшиеся в живых были коммунистами и комсомольцами.

На протяжении трех недель неустанно, днем и ночью наши бойцы вели активную разведку под носом у врага, собирая важные сведения о дислокации его войск, наличии техники, количестве живой силы и т. д. И когда поступил приказ о возвращении, он был воспринят многими с грустью: жаль было заканчивать налаженную деятельность, оставлять обжитое место. Несколько дней разведчики выискивали путь, по которому можно было бы пройти к своим.

Настал решающий день. Разведчики незаметно, как призраки, двинулись через лес. Отдаленно слышна была стрельба, поминутно лес озаряли ракеты, повисавшие в воздухе как абажуры. Довольно часто пугающая тишина прерывалась беспорядочной стрельбой и оглушительными разрывами снарядов и мин. Главная трудность и опасность состояли в другом. Надо было пройти через эшелонированную оборону противника с множеством дзотов, цепями автоматчиков, преодолеть минные поля, «секреты».

Как ни маскировались разведчики, фашисты все же обнаружили их и открыли интенсивный огонь. Нельзя было поднять голову, но лежать еще опаснее, так как противник намеревался захватить разведчиков. Пришлось пойти на риск. Решительным броском смельчаки ушли из опасного места. И все бы кончилось благополучно, если бы в спешке не наткнулись на искусно замаскированное минное поле. Шестеро бесстрашных бойцов были ранены, но товарищи сумели их вынести и вернулись с ними в часть.

Обыкновенная трехлинейная винтовка — верная подруга нашего солдата. Метко стреляя из нее, действуя штыком и прикладом, советский солдат наводил страх на врага. В руках искусного стрелка та же винтовка, но с оптическим прицелом — это уже по-настоящему грозное оружие. Такой боец с умело выбранной позиции может нанести большой урон неприятелю.

Снайперы в Великой Отечественной войне сыграли немалую роль в уничтожении живой силы врага. Каждый меткий выстрел сокращал численность этой силы.

В Московской коммунистической дивизии снайпер-

ское движение получило широкое распространение. Вначале появились одиночки — «охотники» за фашистскими солдатами и офицерами. Потом число снайперов стало увеличиваться, и впоследствии это движение приняло массовый характер.

Все чаще назывались имена Нины Соловей, Зибы Ганиевой — зачинателей снайперского дела в соединении. Они выходили на передовую, выбирали наблюдательную позицию и терпеливо ждали, когда подвернется случай сделать выстрел по врагу. И так каждый день. Почти всегда им удавалось поражать намечаемые цели.

Вскоре появились новые имена снайперов — Маша Поливанова и Наташа Ковшова.

Девушки-комсомолки не ограничивались только «охотой». Они заботились о том, чтобы как можно больше было отличных стрелков. Понимая, однако, что на самотек это дело пускать нельзя, что подготовку настоящих снайперов надо проводить организованно и квалифицированно, Мария и Наталья проявили инициативу в создании краткосрочных курсов по подготовке метких стрелков. Такие курсы создали в подразделениях, выбрали опытных командиров и политработников, квалифицированных инструкторов. Поливанова и Ковшова передавали свой опыт начинающим стрелкам. Слушателями были бойцы, по-серьезному увлекшиеся снайперским делом: Конаков, Панов, Потехин, Субботин, Суханов, Заливин, Шатунов, Файзулин, Фомин. Эти энтузиасты почувствовали себя способными стать настоящими «охотниками». Они понимали, что в снайперы не посвящают и ими не назначают. К такому делу должно быть призвание, им надо «заболеть». Вот эти первые «заболевшие» и открыли дорогу массовому движению снайперского дела.

Стрелок Балбахов, рассказывая, как он стал снайпером, говорил: «До войны я был охотником. В глаз соболю попадал без промаха. Ну а голова фашиста куда крупней. Так я стал снайпером».

Снайперское движение ширилось. Курсы стали популярными, сюда приходили все новые и новые бойцы. Число их превысило триста. Инструкторы проводили занятия интересно, увлекательно. Их надежными помощниками были инициаторы этого движения Нина Соловей, Зиба Ганиева, Наталья Ковшова, Мария Поливанова. С их помощью была подготовлена большая группа отличных стрелков. И через непродолжительное время имена многих слушателей курсов стали известны во всех частях и подразделениях нашего соединения.

Август 1942 года был знойным, почти безветренным. Жара для этих мест стояла необычная, солнце безжалостно пекло, бойцы, не привычные к этому, обливались потом. А снайперам как будто все нипочем. Они устраивались в укрытиях, избегая солнечных лучей, и ждали, когда появится цель.

К нам в часть приехала делегация из Москвы, возглавляемая членом ЦК ВКП(б) К. Н. Николаевой. В составе делегации были член Президиума Верховного Совета СССР, секретарь ВЦСПС И. М. Царградский, председатель ЦК профсоюза работников обувной промышленности А. О. Асланов, председатель ЦК профсоюза железнодорожников М. П. Тарасов и председатель ЦК профсоюза работников полиграфической промышленности Ю. А. Беляев. Гости живо интересовались делами воинов, их боевыми успехами и были удивлены, когда им сообщили результаты действий молодых снайперов: на личном счету бойца Барабанова было 24 убитых фашиста, Щелганова — 67, Соболева — 73, Гончарова — 55, Гойфма-

на — 52, Васичева — 46, Волошина — 85, Файзулина — 45, Панова — 57, Субботина — 32.

Делегации также доложили, что снайперы нашей дивизии, как, впрочем, и саперы, и разведчики, к тому времени заняли первое место по боевой и политической подготовке среди соединений 1-й ударной армии.

Живое, повседневное внимание известных людей к нашим делам, их переживания за судьбу воинов и вера в победу советского оружия воодушевляли личный состав подразделений и частей дивизии. Сохранилось письмо писателя А. Н. Толстого к комиссару одного из подразделений П. Петрову-Соколовскому. Несколько выписок из него представят интерес для читателя:

«Вся наша задача сейчас в стойкости, упорстве сопротивления; это основная тактика теперешнего ведения войны.

Ты видел когда-нибудь бокс? Противник взял инициативу и бешено наступает, стараясь ошеломить, оглушить и дезорганизовать своего партнера. Противник не щадит своей морды и сердца, вместо лица у него сплошной кровавый бифштекс, не разберешь — где нос, где рот, глаза заплыли, весь он в кровище. Вот тогда его партнер, которого он загоняет в угол, должен быть все хладнокровнее, все упорнее, все расчетливее... И победа будет за ним.

Я видел такой бокс в Лондоне... Бешено наступающий противник — публика ему кричит в восторге: «Ну-ка, Билль, поддай, ударь еще, ну-ка посильней!» — вдруг получил от партнера двойной удар в сердце и челюсть, пошатнулся и упал замертво...

Так будет и с немцем.

Скоро, скоро, я в этом твердо уверен, ты сядешь в

Барвихе за круглый стол и я налью тебе чарку. Петя, с победой!»

Эти строки написаны Алексеем Николаевичем в 1942 году, через год после нападения фашистской Германии на Страну Советов, когда мы еще вели кровопролитные бои в глубине нашей территории. Какая великая вера писателя в непобедимость советских людей, в силу своего народа! Именно этот народ способен был выйти из самого тяжелого положения и нанести неприятелю смертельный двойной удар в сердце и челюсть.

Свою немалую роль в этом ударе сыграли снайперы, в том числе снайперы наших подразделений, обученные на кратковременных курсах по подготовке метких стрелков.

Знатный стрелок, вчерашний слушатель курсов К. Соболев проводил старый, 1942 год еще одним метким выстрелом, и на его счету стало 127 убитых гитлеровцев. Вступая в 1943 год, Соболев заявил: «Если фашисты не уйдут с нашей земли, я в новом году доведу число уничтоженных врагов до полутысячи».

Начинающие снайперы Шатунов и Воробьев под новогодний праздник уничтожили по шесть гитлеровцев. Снайпер Сердюк 1 января 1943 года продолжил боевой счет, записав в книжечку: «26-й».

Приближалась вторая годовщина нашего батальона. Она почти совпадала с 26-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции, и снайперы взяли на себя «повышенные» обязательства. В счет этих обязательств гвардейские мастера искусной стрельбы убили 240 гитлеровцев. Среди наиболее отличившихся были Субботин, Файзулин, Потехин, Гранковский.

У наших бойцов был девиз: «Каждый день убей фашиста». Снайперов он никак не устраивал. Они го-

ворили, что если обыкновенные стрелки бросили такой клич, то снайперу будет стыдно ходить по земле, не уничтожая каждый день хотя бы по два — три врага. Снайперы слов на ветер не бросали. Накануне ноябрьских праздников боец Василий Гончаров убил 214-го гитлеровца. Ему вручили золотые часы — подарок Московского городского комитета партии.

Василий Гончаров, этот бесстрашный воин, стал знаменитым еще в декабре 1942 года, когда в районе Козлова проявил мужество и отвагу. В поединке с тремя немецкими снайперами, простреливавшими важную для нас дорогу, он вышел победителем, уничтожив их всех. Их оружие и документы Гончаров доставил в штаб.

Вот что писал Гончаров в редакцию газеты «Вперед на Запад»: «Для меня 1943 год прошел недаром. 4 января, в день вручения нам гвардейского знамени, на моем боевом счету числилось всего 7 истребленных немцев. А сейчас в моей снайперской книжке стоит цифра 263».

В 1944 году имя Василия Гончарова, теперь уже гвардии старшины, стало одним из наиболее знатных во всей дивизии. На его боевом счету было свыше 300 истребленных врагов. Только за февраль Гончаров уничтожил 38 фашистов.

Однажды, облюбовав высоту, которая господствовала над местностью, Гончаров оборудовал на ней стрелковую ячейку, ежедневно приходил туда и методически истреблял гитлеровских солдат и офицеров. Но вот одна из вражеских пуль пробила грудь Гончарова, увешанную орденами и медалями. Снайпер продолжал уничтожать врагов, пока не истек кровью.

Снайперы А. Баймурзин, Г. Набиуллин, И. Соловьев, И. Валиев, истребившие многие десятки фашистов,

обязаны своим стрелковым искусством Василию Гончарову, обучившему их.

Боец И. Валиев внес в свою книжку боевого счета 123-го убитого гитлеровца.

Александр Каменев принимал участие во многих боях, в которых проявлял мужество и отвагу. Он был также известным снайпером. К лету 1942 года на счету Каменева было уже 72 убитых фашиста, в том числе около десяти «кукушек». Александр Каменев погиб смертью храбрых и был посмертно награжден орденом Ленина.

Даже только начинавшие снайперскую работу молодые воины и те, воодушевленные примером маститых метких стрелков, внесли свою лепту в общее дело. В течение нескольких дней сержант Путилин убил 12 гитлеровцев, младший сержант Галкин — 8, ефрейтор Горелышев — 8, ефрейтор Гальянов — 7, младший сержант Геравасиев — 6, ефрейтор Вострухин — 5, младший сержант Грецов — 2, ефрейтор Дурасов — 3. А красноармеец Любвина в первой же вылазке открыла свой счет, убив фашиста. Вскоре на счету отважной девушки были десятки уничтоженных врагов, и имя ее стало известным.

К празднику Великого Октября мы получили теплое, сердечное поздравление от МК и МГК ВКП(б).

В ответ на поздравление командование соединения послало рапорт Московскому городскому и областному комитетам партии, всем москвичам о боевых действиях их земляков-добровольцев. Вот отрывочные данные из этого документа: «Нами уничтожено за год 20 тысяч немецко-фашистских солдат и офицеров, освобождено 120 квадратных километров родной земли, освобождено 40 населенных пунктов. Захвачено: 30 орудий, 33 станковых пулемета, 27 минометов, разрушено 270 дзотов и дотов, сбито 27 самолетов, сож-

жено 20 танков, захвачено 3 танка, 124 автомашины. Только за сентябрь — октябрь 1942 года уничтожено 6 тысяч гитлеровцев. У нас 300 снайперов, которые метким огнем поразили 2 тысячи врагов. У нас 300 отличников — пулеметчиков, минометчиков, артиллеристов, саперов, минеров...»

Спустя примерно месяц добровольцы узнали, что 130-я стрелковая дивизия отныне будет именоваться 53-й гвардейской. В сообщении об этом отмечалось, что такой высокой чести дивизия удостоена за проявленные мужество, отвагу, дисциплину и организованность в боях против немецко-фашистских захватчиков.

Для москвичей эта весть была приятной неожиданностью. Дивизия только недавно отметила первую годовщину своего существования, вроде ничего особого не совершала, а тут сообщение о таком почетном наименовании.

Поздравительная телеграмма МК и МГК ВКП(б) в связи с этим событием гласила: «Москвичи сердечно поздравляют бойцов, командиров и политработников с получением высокого звания гвардейцев и преобразованием дивизии в гвардейскую... Ваша дивизия возникла из добровольцев-москвичей в суровые октябрьские дни прошлого года. За это время она прошла славный путь, и москвичи по праву гордятся ее боевыми успехами. Бойцы, командиры и политработники! Высокое звание, которое получила дивизия, обязывает воинов-гвардейцев еще сильнее наносить удары по гитлеровской армии, еще беспощаднее громить немецко-фашистских захватчиков! В великом, святом деле разгрома врага будьте в первых рядах нашей доблестной Красной Армии».

Торжество вручения гвардейского знамени состоялось 4 января 1943 года. День выдался на редкость

погожим: небольшой морозец, безветренно, сквозь облака, подобно дымкедвигающиеся по небу, пробивались солнечные лучи. Лица бойцов и командиров, стоявших в строю, были озарены радостью, улыбками. Слышались шутки, смех. Ожидали высоких гостей.

И вот они появились: несколько человек в военном и штатском. Среди них член Военного совета армии генерал Колесников и депутат Верховного Совета СССР П. Н. Пичугина, возглавлявшая делегацию трудящихся Москвы. Она-то по поручению Наркомата обороны и привезла нам гвардейское знамя.

Подана команда «смирно». В воцарившейся тишине слышны громкие, чеканные слова генерала Колесникова, вручающего командиру соединения гвардейское знамя и напутствующего личный состав на новые ратные дела. Закончив краткую речь, генерал еще раз поздравляет воинов-добровольцев и передает знамя командиру дивизии. Тот, преклонив колено, целует край знамени, а затем в сопровождении ассистентов — лучших из лучших воинов — обходит строй. Все стоят, устремив взоры на алое знамя, чуть-чуть колышущееся на легком ветерке.

Принимая знамя, командир дивизии от имени всего личного состава соединения торжественно дает клятву Родине и народу: свято хранить и множить славные боевые традиции гвардии и революционные традиции родной Москвы, совершенствовать мастерство владения оружием, наносить еще более сокрушительные удары по врагу.

О присвоении нашей дивизии звания гвардейской узнала Москва. Событие всколыхнуло людей. Трудящиеся столицы брали на себя повышенные обязательства по выпуску оружия и боеприпасов. Их девизом стал призыв: «Работать по примеру наших земляков-

гвардейцев. Они бьют врага по-гвардейски, а мы облегчим их ратный труд увеличением вооружения по-стахановски».

Как уже было не раз, не оставили без внимания событие и литераторы. Большое поэтическое произведение посвятил москвичам-гвардейцам Михаил Матусовский. В нем, в частности, были такие строки:

Тверды в обороне, в бою горячи,
Легки в богатырском шагу,
На том рубеже, где стоят москвичи,
Вовск не пройти врагу.

Зимой 1942/43 года шли упорные бои за прорыв сильно укрепленной высоты северо-восточнее деревни Козлово.

Выбив противника с высоты 58,5 и группы соседних безымянных высоток, наши части овладели деревнями Козлово и Веревкино. В боях истребили около 1700 гитлеровцев, захватили 23 танка, 20 орудий, 42 станковых пулемета, склад с артиллерийскими снарядами, много пленных.

И в этих боях нашими воинами были показаны образцы смелости и отваги.

Руководя умело боем, капитан Копылов повел свое подразделение в решительную атаку. Оно первым ворвалось в деревню Веревкино и истребило вражеский гарнизон. В бою были захвачены 3 пушки, 15 пулеметов, 8 автоматов, 80 винтовок, 50 ящиков снарядов. Уверенно и решительно действовали взводы старшего лейтенанта И. Астахова, лейтенантов Ильина и Кондакова. Командиры все время находились впереди атакующих, увлекая за собой бойцов.

Старший сержант В. Ютаев, комсорг взвода, вы-

шел со своим отделением на рубеж атаки. В ожидании сигнала он, разъясняя еще раз боевую задачу, говорил бойцам:

— В нашем взводе красный флаг. На нем написано: «Гвардейцы, за Родину!» Каждый из нас должен идти рядом со знаменосцем, не отставая от него.

Когда же в бою Ютаева ранило, к нему подбежали два бойца, чтобы унести в укрытие. Но он отказался от помощи и, напрягая голос, скомандовал:

— Вперед, товарищи! Бейте фашистов!

Командир взвода А. Колесников, несмотря на губительный вражеский огонь, вел своих бойцов в атаку на опорный пункт Козлово. Пулеметный огонь не давал возможности продвигаться. Боец Ф. Коваленко, чтобы спасти положение, ползком подобрался к фашистскому дзоту и забросал его гранатами. Пулемет замолк. Отважный поступок Коваленко обеспечил продвижение остальных бойцов взвода. Они бросились в атаку и овладели населенным пунктом.

Очень тяжелые бои пришлось вести дивизии в районе Извоз — Березовец — Большое Стречно — Малое Стречно. Опорные пункты и узлы сопротивления противника здесь были сооружены весьма прочно. Полосу обороны прикрывали минные поля, заграждения из колючей проволоки, лесные и каменные завалы. Такую оборону с наскока взять едва ли представлялось возможным, тем более что опорные пункты фашистов были связаны между собой траншеями и ходами сообщения с тылом. Все инженерные сооружения прикрывались огнем орудий, минометов, станковых пулеметов, противотанковых ружей.

Подготовка к наступлению в дивизии велась основательно. Ее командир (теперь соединением командовал М. Н. Клешнин), штаб во главе с полковником Е. А. Зеликом, комиссар А. П. Лазарев, командиры

частей и подразделений сделали все, чтобы обеспечить успех в предстоящих боях.

В эти дни в соединение прибыло пополнение, а также новая техника. С целью поддержать наступление были приданы артиллерийские подразделения.

Рано утром 15 февраля после кратковременного артиллерийского удара части дивизии перешли в наступление. Проявляя решимость и инициативу, воины сумели прорвать вражескую оборону. Однако дальнейшее продвижение было несколько задержано. Противник ожесточенно сопротивлялся. Лишь на второй день боев частям дивизии удалось овладеть опорными пунктами Извоз, Большое и Малое Стречно, а затем выйти на рубеж Березовец — Кукуй.

Гитлеровцы продолжали контратаковать, стремясь перехватить инициативу, вытеснить наши части и подразделения с захваченных позиций. И почти каждая новая контратака осуществлялась с помощью свежих пополнений, резервов.

53-я гвардейская вместе с другими соединениями все же сумели выполнить возложенную на них задачу. К концу февраля — началу марта демянский выступ был окончательно ликвидирован войсками Северо-Западного фронта. Однако полностью осуществить замысел Ставки фронту не удалось. Изменившаяся обстановка, а также весенняя распутица заставили отказаться от задуманного глубокого удара подвижной группы в северо-западном направлении в тыл фашистской 18-й армии.

В марте 1943 года соединение перебросили в район Горки — Рахлица. Здесь добровольцы вновь доказали, что они способны бить врага по-гвардейски.

Командир отделения Гуревич постоянно учил

своих бойцов, как надо преодолевать глубокий снег, окапываться в нем, как взбираться на ледяные брустверы, вести непрерывный огонь при перебежках. Подготовив воинов к решительным и умелым действиям, Гуревич и его отделение ворвались во вражескую траншею и в течение первых минут боя уничтожили 11 фашистов, завладев позицией.

Подвиг совершил боец П. Родионов. Во время атаки на одну из высот он уничтожил 14 гитлеровцев, истребил расчет автоматической пушки. Два фашистских солдата, оставшихся в живых, бросили оружие и сдались в плен.

Командир взвода Ф. Виноградов в том же бою лично уничтожил 10 гитлеровцев. Пулеметчик А. Соловьев, отбивая контратаки противника, сумел поразить из своего «максима» около 30 фашистских солдат. Бойцы взвода С. Мухачева, действуя отважно, уничтожили расчет автоматической пушки и взвод пехоты противника. Под огнем гитлеровцев они бесстрашно перетаскивали тяжелый пулемет, умело меняли огневые позиции и наносили меткие удары. Бронбойщики отделения М. Абрамчука смело пошли на штурм высоты. Сам командир уничтожил пулеметный расчет противника.

Наступая на высоту «Груша», проявил отвагу командир отделения Мирзоянов. Он смело вел своих бойцов в атаку, первым ворвался на высоту и лично уничтожил семь фашистов. Боец Б. Бобо на той же высоте истребил из автомата пулеметный расчет врага, а затем еще шесть гитлеровцев. Артиллерист Глухов, стреляя прямой наводкой, заставил замолчать минометную батарею и отбил контратаку вражеской пехоты. Фокин первым снарядом уничтожил станковый пулемет со всем расчетом. Командир отделения П. Чембарский, заметив, откуда фашист ведет пуле-

метный огонь по нашим наступающим бойцам, бросился вперед и прикладом оружия уничтожил его.

Поднимая снежную пыль, мчался в атаку танк гвардии лейтенанта Дмитриева. Он крушил все на своем пути, уничтожал прямой наводкой огневые точки врага. Немцам удалось подбить танк термитным снарядом. Он стоял один, окруженный разрывами снарядов и мин. Когда бой затих, то подбитый танк оказался ближе к вражеским позициям. Фашисты начали ползком подбираться к машине, стремясь захватить ее и отвести в свое расположение. Но как только они приблизились, танк ожил. Грохнуло орудие, застрочили пулеметы. Гитлеровцы спешно ретировались. Через некоторое время они повторили попытку подобраться к танку. И снова неудача. Так в течение суток героически бился гвардейский экипаж. Самой напряженной для танкистов была ночь, но они устояли перед врагом.

Утром наши подразделения начали атаку. Фашисты не выдержали натиска и отступили. На выручку экипажу танка пришли пехотинцы.

Продолжая наступление, гвардейцы выбили противника с девяти важных высот, из ряда хуторов и освободили деревню Пожегово. На этот раз бойцы встретили особо сильное огневое сопротивление. В течение дня противник предпринял более десяти огневых налетов на наши подразделения. На небольшом клочке земли разорвалась не одна тысяча снарядов и мин.

Несмотря на это, наши бойцы продвинулись вперед на три километра. Поле боя было усеяно вражескими трупами. Гвардейцы захватили много оружия и боеприпасов.

В бою особо отличилась рота старшего лейтенанта В. Васильева, который был награжден орденом Кра-

сного Знамени. Кстати, Герои Советского Союза Наталья Ковшова и Мария Поливанова были бойцами сего подразделения.

Вскоре после боев в районе населенного пункта Семушкина Горюшка дивизия была отведена на отдых.

В житейских хлопотах, в трудовых заботах время мчится с большой скоростью. Не успеешь оглянуться, как проходит месяц, другой. Оказалось, что и на фронте время летит с не меньшей скоростью. Ведь вот еще не успели успокоиться сердца, не успело пройти радостное возбуждение, связанное с получением гвардейского знамени, еще не потускнел блеск нагрудных знаков, как по радио раздался голос диктора, возвещавший о новой для нас радости. 28 апреля 1943 года был передан Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР о награждении дивизии орденом Красного Знамени.

Это было уже в конце июля. По ротам прошел слух, что в дивизию придет вручать награду сам командующий Северо-Западным фронтом генерал-полковник П. А. Курочкин. Павел Алексеевич слыл человеком строгим, требовательным и к подчиненным, и к самому себе. Он относился к числу тех, кого называют «военной косточкой». Всегда бывал подтянут, строен, аккуратен. Зная об этом, командование дивизии решило провести основательную подготовку к торжеству. Во всех подразделениях бойцы приводили свой внешний вид в порядок, чтобы можно было удовлетворить особую взыскательность высокого начальства. Старались не упустить любую мелочь, чтобы не испортить этим, как говорится, всю обедню.

Командующий остался доволен гвардейцами, их бравой выправкой. Это было заметно хотя бы по тому,

что его лицо, когда он обходил строй, озаряла легкая улыбка, улыбка человека, испытывающего внутреннее удовлетворение.

На трибуне, передав награду командиру соединения, Курочкин сказал:

— Ваша дивизия — это частица славной и родной Москвы. Она возникла в грозные для нашей Родины дни, когда враг подошел к стенам столицы. Лучшие сыны и дочери Москвы, такие, как Николай Андруничев, Сила Шаповаленко и другие, являются гордостью соединения, прошедшего трудный боевой путь. 53-я гвардейская — это головная дивизия на Северо-Западном фронте. Несите и впредь высоко и гордо ваше гвардейское знамя...

В этот день были вручены ордена и медали нескольким сотням бойцов и командиров.

Торжество награждения совпало с приездом к нам гостей из Москвы. Делегаты выступали в подразделениях на митингах. Они рассказывали о трудовых успехах наших земляков, неустанно изготавливающих оружие и боеприпасы для фронта, о гордости москвичей своими посланцами, за короткое время завоевавшими гвардейское звание и орден Красного Знамени.

Выступая в одном из артиллерийских подразделений, делегат Гуськова в своей проникновенной речи сказала:

— Дорогие мои! Я мать двух сыновей. Оба они, летчики-истребители, погибли смертью храбрых. Тяжело мне, товарищи. Я прошу вас: бейте фашистов до тех пор, пока ни один из них не останется на нашей земле.

В эти дни приезжали в дивизию делегации из других районов страны, в частности с Урала, возглавляемые партийными работниками. Уральцы рассказыва-

ли, как их земляки трудятся для фронта, для победы. Мы узнали, что завод, директором которого Герой Социалистического Труда Быховский, увеличил выпуск продукции в 10 раз по сравнению с довоенным временем, что работники многих предприятий вносят рационализаторские предложения, стремясь повысить эффективность производства.

Таким образом, бойцы и командиры были в курсе дел, происходивших в глубоком тылу. И когда в стране прошла патриотическая волна — собирали средства для выпуска военной техники и вооружения, наши воины оказались на высоте. Свыше 1 миллиона 600 тысяч рублей внесли они в Фонд обороны с целевым назначением — на строительство танковой колонны. Сообщив в ЦК партии о перечислении денег, командование дивизии в ответ получило благодарственную телеграмму.

Жизнью и боевыми делами нашей дивизии постоянно интересовались москвичи. Они поддерживали с нами тесную связь. Приезжали к нам наши земляки — писатели и поэты.

В октябре 1943 года, когда мы отмечали вторую годовщину соединения, к нам снова приехали делегаты от трудящихся столицы. Среди них были писатели Лев Никулин, Валерия Герасимова, Михаил Матусовский. Много теплых, приятных слов услышали от них бойцы на митинге. Поздравил гвардейцев и генерал-лейтенант Боков, член Военного совета фронта, прибывший сюда вместе с представителями штаба фронта, командирами соседних соединений.

По окончании митинга мимо трибуны, где находились высокие гости, прошли чеканным шагом стрелки, саперы, артиллеристы, минометчики. Гвардейцы направлялись на передний край, где их ждали новые тяжелые бои.

В конце 1943 года стало ясно, что ленинградская блокада доживает последние дни. Гитлеровцы выдыхались, и ничто уже не могло остановить готовящегося наступательного порыва советских войск. Приближался конец блокадного кошмара, длившегося 900 дней.

Священным долгом гвардейцев-добровольцев было выполнение наказа Московской партийной организации, всех жителей столицы — помочь Ленинграду. И наши воины выполнили этот наказ, несмотря на то что это стоило многих и многих жизней. Бойцы и командиры знали, что ленинградцам тяжело, что они держатся из последних сил.

Счастливым, долгожданным и выстраданным день настал. 19 января 1944 года войска Ленинградского фронта штурмом овладели Красным Селом, Ропшей и захватили дальнобойную артиллерию, с помощью которой фашисты производили массированные налеты на город. В тот же день, перейдя в наступление из района Пулкова и южнее Ораниенбаума, они прорвали сильно укрепленную, глубоко эшелонированную долговременную оборону немцев. В последующем в ходе напряженных боев продвинулись вперед на каждом направлении от 12 до 20 километров и расширили прорыв на участках наступления до 35—40 километров по фронту.

Дальнейшие боевые действия войск Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов привели к полному поражению фашистов на этом важном участке советско-германского фронта.

Маршал Советского Союза К. А. Мерецков в книге «На службе народа» пишет: «В результате совместных действий трех фронтов и флота была очищена от фашистов советская территория площадью 20 тысяч квадратных километров, окончательно ликвидирована

блокада Ленинграда и района Невы, восстановлено в полном объеме движение по семи железным дорогам из Ленинграда: на Вологду, Рыбинск, Москву, Новгород, Батецкий, Лугу и Усть-Лугу».

Прорыв блокады города на Неве, мощное наступление войск Ленинградского и других фронтов, завершившееся разгромом крупных сил гитлеровцев, были следствием больших и малых боев, развернувшихся еще весной 1942 года, о которых частично рассказано в этом повествовании. Много недель продолжались кровопролитные бои, завершившиеся разгромом «демьянской крепости». Наши бойцы истребили на ленинградской земле 30 тысяч фашистских солдат и офицеров. Именно в этот период 3-я Московская коммунистическая дивизия была преобразована в гвардейскую. И на этой же земле она была удостоена ордена Красного Знамени.

На этой земле наши части и подразделения вели бои и весь 1943 год.

В январе сорок четвертого дивизию приказом Ставки Верховного Главнокомандования включили в состав войск Ленинградского фронта. До сих пор мы вели бои на ленинградской земле, парализуя действия 16-й армии противника и не давая ей возможности оказать помощь гитлеровским войскам, находившимся под городом на Неве. Теперь нас вводили в прорыв, созданный войсками фронта, для развития успеха наступления.

Подразделения отвели с передовой линии, погрузили в эшелоны и отправили в Ленинград. Так многие из нас впервые оказались в этом городе. Было туманно. В плотных серых облаках, затянувших небо, не видно просвета. И только к середине дня стали пробиваться слабые лучи тусклого январского солнца. Когда наша колонна вышла на Невский проспект, лучи

упали на адмиралтейский шпиль, и он засверкал. То тут, то там в стенах домов зияли пробоины — следы недавних варварских артиллерийских обстрелов и бомбардировок с воздуха. У мужественных ленинградцев не было времени да и не хватало сил, чтобы расчистить дороги и ликвидировать последствия блокадных дней.

На стене одного из домов висел плакат со словами Ильи Эренбурга: «Защитники Ленинграда! Солдаты великого города! О вашей доблести говорят народы мира. Сербские партизаны клянутся: «Будем достойны защитников Ленинграда». Француженки учат своих детей: «Будьте стойкими, как люди Ленинграда». О вашем мужестве говорят газеты Европы и Африки, Америки и Австралии. За вас молятся верующие старухи, и юноши приветствуют вас, как героев.

Защитники Ленинграда! Вы стали живой эпопеей, вы стали гордостью России, ее любовью».

Мы читали эти слова, и сердца наши наполнялись гордостью тем, что мы смогли вложить толику своих усилий в дело победы над врагом и освобождения города. Кровь, пролитая москвичами-добровольцами, не пропала даром. Она помогла добиться большого успеха в боях за родную землю.

Итак, наша дивизия введена в прорыв, образованный войсками Ленинградского фронта. Наступление проходило в чрезвычайно тяжелых условиях. Глубокий снег был покрыт тонкой, коварной коркой. Стоило только поставить ногу на эту корку, как она тут же проваливалась. А пока вытаскиваешь одну ногу, застывает другая. Приходилось передвигаться почти ползком под огнем отступающего неприятеля.

Бои нарастали. За один из февральских дней было

освобождено несколько населенных пунктов. Противник потерял свыше 600 солдат и офицеров. Этот бой был знаменателен тем, что нам впервые пришлось столкнуться с бронированными «пантерами».

Населенный пункт, за который предстоял бой, был окружен высотами. Подступы к ним хорошо просматривались противником на несколько километров. По данным разведки, гарнизон сильно укрепленного опорного пункта состоял из батальона пехоты, минометного и артиллерийского дивизионов. На высотах враг в нескольких местах устроил засады с целью отрезать и уничтожить наши наступающие подразделения.

О ходе боя и захвате населенного пункта одной из рот 3-го полка красочно рассказал потом ее парторг Ф. Пилипенко:

— Нам приказали выйти в тыл к немцам через лес, по глубокому снегу. Одновременно с других позиций должны были действовать лыжники офицера Ф. Егорова и бойцы офицера В. Волошина. Мы вышли глухой ночью. В лесу наткнулись на землянки, в которых обитали жители местных деревень, изгнанные фашистами. Нам сообщили, что в одной из землянок ночует гитлеровец. Он был захвачен в плен и дал важные сведения. Пленный сообщил, что в деревне расположен полк фашистской пехоты с орудиями и танками. Но возможно, утром часть поднимется и уйдет в другой район. Надо было спешить. Одна из колхозниц вызвалась провести нас коротким путем к населенному пункту. На рассвете мы вышли на опушку леса и сразу увидели, что опоздали. Большая колонна гитлеровцев уходила по дороге. Виден был только ее хвост. Но мы вскоре заметили, что много немцев осталось в самой деревне. Наш командир гвардии капитан С. Попов приказал приготовиться к бою. Это были

напряженные минуты. Мы все видели, как пред нами ничего не подозревающий враг выстраивается в новую колонну. Гитлеровцы, видимо, намеревались разделиться на две группы, с тем чтобы прикрыть отход полка. Когда фашисты построились и двинулись по дороге навстречу нам, бойцов охватило нетерпение: у каждого было желание немедленно открыть огонь. Но мы в своих белых халатах лежали недвижно на снегу, ожидая команды. Гитлеровцы подходили все ближе. Оставалось не более 200—250 метров. И тут в морозном воздухе раздался пронзительный свисток командира С. Попова. Это был сигнал открыть пулеметный огонь. Наши пулеметчики били прямо по колонне. Словно подкошенные падали гитлеровские солдаты. Среди них началась паника. Они бросили три пушки, тягач и другую технику. Так мы освободили населенный пункт...

Этот бой был стремительным. Гвардейцы наголову разбили фашистский батальон. Противник потерял более 500 солдат и офицеров убитыми. Пример храбрости, отваги и находчивости показали командиры взводов и служб Смирнов, Мельников, Терекон, Кресов, Кириллов, Еремеев, Кульков, парторги Найденов, Тепляков, Пилипенко. Находясь все время в боевых порядках, они вместе с бойцами ворвались в населенный пункт, занятый противником. Офицер Н. Гаевой во время атаки убил командира вражеского батальона.

В течение двух суток гитлеровцы из ближайших опорных пунктов непрерывно контратаковали наши подразделения, овладевшие деревней и укреплявшиеся на захваченных рубежах под ожесточенным артиллерийским и минометным огнем. Снег от разрывов снарядов и мин покрылся бурой пороховой пылью.

Подразделение С. Попова, только что блестяще за-

вершившее маневр уничтожением батальона противника, после захвата укрепленного рубежа и важного населенного пункта оказалось в тылу врага. Положение было сложным: фашисты, предвкушая легкую победу — уничтожение подразделения, отрезанного от своих частей, вели ожесточенный огонь по нашим позициям, бросали в атаки пехоту, рассчитывая отомстить за разгромленный батальон.

Рискуя жизнью, наши бойцы доставляли оставшемуся в тылу противника подразделению боеприпасы и еду. Самоотверженно и мужественно вели себя гвардии старшины Канунников, Завгородский. Офицер Троицкий доставил обороняющимся 2 тысячи патронов и несколько десятков гранат.

Взводы В. Волошина и Ф. Егорова получили задание прорвать кольцо окружения и оказать помощь подразделению. Пробираясь ночью лесом, взвод Волошина напоролся на засаду противника. Завязался бой. Смелость и решительность действий гвардейцев позволили им отбить атаку роты врага, нанеся ему немалый урон. Гитлеровцы отступили, бросив на позиции 2 орудия, тяжелые минометы, свыше 200 автоматов и винтовок.

Высота и населенный пункт остались в руках гвардейцев. Подоспевшее подкрепление прорвало вражеское кольцо и в свою очередь создало угрозу окружения противника. Поняв тяжесть своего положения, фашисты начали поспешно отходить.

Эти бои еще раз доказали, что на войне побеждают не числом, а умением. Две роты гвардейцев в данном случае оказались сильнее полка противника. Истребив почти два вражеских батальона, наши воины обратили в бегство остатки части фашистов.

Ожесточенные бои развернулись за три высоты, прикрывавшие подступы к очень важным опорным

пунктам гитлеровцев — Собино и Старым Моложаним. Части противника, организовав прочную систему обороны, оказывали упорное сопротивление.

Примечательным в этих боях было то, что наши воины имели дело не с обыкновенными солдатами противника. Высоты защищали штрафники, то есть солдаты и офицеры, осужденные за различные воинские преступления. Из показаний пленных стало известно, что им было обещано прощение всех их «грехов», если они удержат высоты хотя бы в течение трех дней. Они должны были прикрыть отступление своих частей на заранее подготовленные позиции.

На этот раз штрафникам явно «не повезло». В первый день боя гвардейцы овладели одной из высот. Другое наше подразделение при поддержке семи танков Т-34 нанесло удар по второй, наиболее важной высоте. Сняв огневые точки гитлеровцев, гвардейцы взяли и третью высоту, полностью разгромили группировку противника, основную массу гитлеровцев уничтожили, а остатки обратили в бегство.

Наши бойцы овладели тремя населенными пунктами и, продолжая успешное наступление, завязали бои за опорные пункты Собино, Старые Моложани.

Подразделения офицеров Ф. Егорова и С. Репецкого совершили обходный маневр в направлении населенного пункта Великое Поле. Им была поставлена задача внезапным ударом овладеть этим селом. Рельеф местности не благоприятствовал наступающим. Противник сильно укрепил подступы к селу, пристрелял все наиболее вероятные подходы и намеревался во что бы то ни стало удержать рубеж обороны. Он вел непрерывный артиллерийский и минометный огонь высокой плотности. Артиллерия стреляла термитными снарядами. Несколько наших танков были повреждены.

Лыжники под командой Егорова, совершив восьмикилометровый ночной рейд по болотам, вышли в неприятельский тыл. Два взвода бойцов ворвались в опорный пункт, завязали рукопашный бой, уничтожили немало фашистов. После этого сопротивление противника было окончательно сломлено. Он поспешно отступил.

За неделю боев гвардейцы выбили фашистов из 47 населенных пунктов, со 132 высот, уничтожили 3,5 тысячи солдат и офицеров, захватили 21 орудие, 10 минометов, 24 станковых и 39 ручных пулеметов, 6 раций, сотни автоматов. Артиллеристы подбили 6 танков (из них две «пантеры»), уничтожили 32 пушки, 42 ручных и станковых пулемета, разрушили 72 снежно-земляных вала. Было также захвачено большое количество боеприпасов, взято в плен много солдат и офицеров. Важнейшим итогом этих боев явилось то, что сильно укрепленная полоса противника, прикрывавшая подступы к Пскову, перестала существовать.

Сержанты и офицеры показали образцы мастерства управления людьми. Весь личный состав проявил мужество и отвагу. И еще одно. Впервые москвичам-гвардейцам пришлось столкнуться с фашистскими танками типа «пантера» и «тигр» и штурмовыми орудиями «фердинанд». И они доказали, что для людей, отстаивающих честь своей земли, не страшна никакая техника.

Преследуемый нашими частями, противник откатывался в район Харина, Приборок и в направлении железной дороги Псков — Полоцк. Велись тяжелые бои за Псковскую возвышенность, Ваулинские горы, за перехват железной дороги и шоссе Псков — Луга. Наше положение осложнялось многими обстоятельствами.

Бойцов изматывали частые переходы. Началась распутица, затрудняя эти переходы. Гитлеровцы на пути отступления взрывали мосты, портили дороги, сжигали деревни и села.

Гвардейцы преследовали врага, не отрываясь от него, не допуская, чтобы он закрепился. И все же ему нередко удавалось отойти заранее, под прикрытием арьергардов, занимать подготовленные оборонительные позиции и вести оттуда губительный артиллерийский и минометный огонь.

В конце концов, несмотря на исключительную сложность обстановки, наши части и подразделения сумели сломить сопротивление неприятеля, выйти к его укрепленной линии в районе Великого Поля и вступить в схватку с частями, прикрывавшими эту главную полосу обороны. Особенно напряженными были бои в районе деревень Большое Раменье, Летово и Стремутка.

Победы, одерживаемые советскими войсками на других фронтах, воодушевляли гвардейцев-москвичей на новые подвиги. Свои намерения бойцы высказывали на кратких митингах во время затишья и осуществляли их в бою.

Доброволец Герасим Лебедев заявил: «Я начал воевать с немцами под Москвой. Мы тогда разбили их наголову. Нам доверили очищать от фашистов ленинградскую землю. Так не пожалеем же, товарищи, ни сил, ни энергии, ни самой своей жизни для дела нашей победы!»

Лебедев во время нашей атаки шел в первых рядах. Его ранило, но он не покинул поля боя и огнем из автомата уничтожил шесть гитлеровцев.

Сапер Петр Самсонов показал образец стойкости. Дважды раненный, он продолжал выполнять свой воинский долг: проделывал проходы в проволочных за-

граждениях, проверял прочность льда на реке, с тем чтобы там прошли танки и самоходные орудия.

Враг цеплялся за каждое водное препятствие. Как только он начинал чувствовать, что натиск гвардейцев невозможно сдержать, первым делом взрывал мосты. Нам пришлось создать специальные группы по захвату мостов. Одной из таких групп командовал гвардии младший лейтенант С. Джемесов. Он и его бойцы заняли выгодные позиции, успешно вели обстрел фашистов, оставленных со специальным заданием — разрушить важную переправу. Бойцы держали под непрерывным обстрелом открытое пространство между мостом и траншеями противника. Пулеметчик Иванов, пристреляв позицию, не давал фашистам поднять голову. Комсорг роты А. Рябов уничтожил немало гитлеровцев, пытавшихся пробраться к мосту и поджечь бикфордов шнур. Ни один фашист так и не пробился к мосту.

Комсорг взвода управления И. Костенко получил серьезное ранение и решил было отползти в какую-либо воронку, чтобы дождаться сандружинницу. В это время он увидел, что ранило его командира капитана Л. Котелкина, который был не в силах даже ползти. Костенко, преодолевая боль, обвязал Котелкина телефонным проводом и волоком вытащил его из-под вражеского огня.

Мужество и отвагу проявили связисты Жмаев и Бойко. Ведя линию связи от блиндажа к наблюдательному пункту, они неожиданно оказались в зоне обстрела автоматчиков противника. Однако не растерялись, открыли по гитлеровцам ответный огонь, уничтожили двух из них, а третий успел укрыться в землянку. Но там он был настигнут гранатой, брошенной ему вдогонку Жмаевым. Оба наших бойца остались невредимы.

В ходе боя нашим подразделениям необходимо было преодолеть лесной массив, чтобы обеспечить успех атаки. Казалось, что предстоит просто пересечь еще один участок, и все будет в порядке. Однако разведка донесла, что немцы рассматривают этот лесной массив как особой важности тактический рубеж, надежно обеспечивающий устойчивость их оборонительной линии. Было также установлено, что передний край и левый фланг противника основательно укреплены и действовать в лоб нельзя.

Командиры подразделений перегруппировали силы, сосредоточили ударную группу на правом фланге. Одновременно начали фронтальные боевые действия. Противник был уверен, что правый фланг у него обеспечен густой сетью проволочных заграждений, минными полями, противотанковыми рвами, земляным валом, дзотами.

Имелось еще одно серьезное препятствие на пути наших воинов. В лесу были прорублены большие просеки, вдоль которых противник создал сеть огневых позиций из станковых и ручных пулеметов. Немцы подтянули сюда артиллерию, минометы и резервы живой силы. По всему было видно, что они так легко не сдадут позиции.

Пришлось мобилизовать все мастерство, смелость и изобретательность саперов, которыми руководил их комиссар Федор Бахирев. Они скрытно проделали проходы и обеспечили тем самым переброску подразделений к переднему краю правого фланга неприятеля.

С утра следующего дня артиллеристы-гвардейцы произвели массированный налет на рощу «Шлем». Затем вперед двинулась пехота. Воины прорвались к земляному валу, за которым укрывался противник, и пустили в ход гранаты.

Зайдя в тыл врагу, наши бойцы отрезали ему путь

отступления, уничтожили большую группу солдат и офицеров. Оставив только убитыми 120 человек, гитлеровцы поспешно отступили. К полудню лес был полностью очищен.

Потеряв этот важный рубеж, враг затем неоднократно контратаковал наши подразделения, вводя в бой танки. Особенно ожесточенными были три последние контратаки. Каждая из них предварялась мощным артиллерийским налетом. Казалось, не было вершка земли, который оставался бы нетронутым, не взрытым осколками снарядов. В последнюю атаку немцы бросились при поддержке 200 орудий и минометов.

Шла упорная схватка. Командиры и политработники В. Волошин, Ф. Бахирев, А. Борисов, Ф. Егоров, Я. Косенко, П. Поляков, П. Константинов все время находились в боевых порядках. В один из моментов, когда у нас образовалась заминка с боеприпасами и гитлеровцы начали приближаться к нашим позициям, Бахирев, Константинов и Поляков подняли бойцов в штыковой бой. Бахирев был ранен, но продолжал руководить людьми. Вскоре ранило Полякова и Константинова, но и они последовали примеру комиссара. И только тогда, когда было восстановлено положение, раненых эвакуировали в полевой госпиталь.

Понеся большой урон, гитлеровцы наконец поняли бессмысленность попыток вернуть утраченные позиции и отступили.

На следующий день завязался бой за переправу. Фашисты из населенного пункта Крышево то и дело атаковали наше подразделение. Рота солдат противника при поддержке двух «фердинандов» предприняла несколько попыток оттеснить наших воинов. Потеряв более двух третей живой силы и один «фердинанд», гитлеровцы вернулись на прежние позиции. В этой контратаке были захвачены пленные. На допросе они

показали: «Нам было приказано во что бы то ни стало удержать лес. Офицеры говорили о скором прибытии подкрепления».

Как командиру части мне неоднократно приходилось бывать на наблюдательном пункте дивизии во время боев, и я мог видеть действия командования соединения в эти ответственные моменты. НП командира дивизии, своего рода мозговой центр крупного армейского организма, устраивался таким образом, чтобы из него было удобно руководить боем. Здесь сходились все нити связи, здесь раньше других узнавали о подвигах воинов, о силе удара, нанесенного врагу, его потерях. Сюда доставляли пленных. На НП находились офицеры связи, представители родов войск. Здесь день и ночь бурлила жизнь: не умолкали телефоны, жужжали позывные раций. Вот типичная картина штабной жизни во время одного из боев.

...На наблюдательном пункте — командир дивизии генерал И. Бурлакин, офицеры П. Зарецкий, Н. Егоров, В. Виленский, И. Луцков, М. Бондарев, К. Волков, Г. Синотов.

В стереотрубу видно все происходящее на поле боя. Вот гвардейцы пошли в атаку. Их действия слаженны, решительны. Они успешно выбивают противника из первой оборонительной линии. Генерал наблюдает за ними в трубу и удовлетворенно произносит:

— Молодцы гвардейцы!

Офицер Синотов тоже следит за происходящим. В его поле зрения все. Вот он увидел что-то, не понравившееся ему, и тут же отдает команду артиллеристам. Те исполняют ее четко и незамедлительно, и выражение лица Синотова меняется: он доволен действиями подчиненных.

Противник засек наблюдательный пункт и обрушил на него шквал артиллерийского огня. От разрывов снарядов все здание содрогается. А уж какво на вышке, где установлена стереотруба, об этом и говорить не приходится. Осколком снаряда ранен П. Зарецкий. Все обеспокоены его состоянием. В. Виленский оказывает товарищу первую помощь, действуя, как самый квалифицированный медик, накладывает повязку. Появляется санинструктор и увозит раненого. Все продолжается так, будто ничего особенного не случилось. Идет жаркий бой, никто не вправе отвлекаться от своих основных дел.

Завязалась артиллерийская дуэль. Пушка врага бьет прямой наводкой по нашему орудью, находящемуся в боевых порядках наступающей пехоты. Разрывы вражеских снарядов приближаются к цели. Синотов отрывается от стереотрубы, стремглав мчится с вышки вниз. Мгновение — и он у орудия. Первым выстрелом Синотов накрывает цель. Неприятельская пушка вместе с расчетом уничтожена. Офицер как ни в чем не бывало вновь на наблюдательном пункте, продолжает смотреть внимательно в трубу, не обращая внимания на похвалы товарищей, видевших, как он одним выстрелом расправился с пушкой и расчетом противника.

А «кадр», увиденный офицерами в трубу, приковал внимание всех. В огненном пекле строчат пулеметы, рвутся снаряды, мины. И на этом фоне довольно спокойно шествуют два автоматчика, сопровождая 20 пленных гитлеровцев. Все поочередно заглядывают в панораму, по-разному комментируя увиденное. Кто-то резюмирует:

— А все-таки это здорово! Двое ведут двадцать. Дожили мы до таких радостных минут...

На НП продолжается напряженная деятельность.

И воины знают, что за ними наблюдают командиры, чтобы вовремя принять решение: перестроить боевые действия, уберечь бойцов от излишних потерь, облегчить их тяжкий ратный труд. Знает солдат и то, что командир отвечает перед Родиной одинаково и за выполнение боевого приказа, и за жизнь вверенных ему людей.

Успешные боевые действия 53-й гвардейской дивизии были неразрывно связаны с работой тыловых служб, поскольку именно от них зависело снабжение передовых частей продовольствием, боеприпасами, снаряжением и прочим, необходимым в бою.

Работники тыла под командой заместителя командира дивизии Н. П. Нестеренко за годы войны сумели создать свои подсобные хозяйства, которые позволяли обеспечивать бойцов многими нужными во фронтовой жизни вещами. В дивизии были полевая хлебопекарня, авто- и гужевая роты, различные мастерские, склады, в целом огромное хозяйство, которым надлежало руководить, чтобы обеспечить его бесперебойную работу.

Повозочные, шоферы в тяжелейших условиях зимнего наступления, когда высота снежного покрова доходила до полутора метров, во время весенне-осенней распутицы, когда повозки по ступицы засасывало болото и приходилось все тащить на себе, показывали образцы выдержки и выносливости. Они трудились сутками без отдыха, часто в самых опасных местах, под огнем противника, но всегда с честью выполняли свой долг.

Отважными и энергичными были офицеры П. Назаров, И. Эндин, К. Бадо, Д. Высоковский, С. Шахиджанов, Д. Кричевский, А. Родионов, В. Зайцев. Они

организовывали бесперебойную работу всех звеньев тыла. В подразделениях также умело и четко действовали интенданты М. Попов, К. Фролов, Г. Цалюк. Будучи в заботах о нуждах бойцов, они, казалось, никогда не знали покоя. Воины С. Коньков, М. Немировский, В. Кровяков, Г. Журавлев добросовестно трудились, ремонтируя и изготавливая новую обувь, обмундирование и головные уборы.

Почти четыре года работники передвижной походной хлебопекарни П. Зотов, В. Пругин, А. Дмитриев, И. Волченков, А. Соловьев, З. Андрианов самоотверженно, нередко под обстрелом врага, обеспечивали бойцов и командиров свежим хлебом.

Среди реликвий дивизии сохранился автобус, насквозь пробитый осколками вражеских снарядов. А тогда в этом автобусе была оборудована походная баня. На автобусе надпись: «Бойцам батальонов московских рабочих от железнодорожников депо имени Ильича, 11 февраля 1942 года». Автобаня следовала за передовыми подразделениями. Этот подарок железнодорожников часто оказывал бойцам хорошую услугу.

Бесстрашно вели себя во время боев подносчики боеприпасов и пищи, медицинские работники. Особо отличились И. Бобров, А. Петрушенко, А. Фатьянов, В. Морозов. Пренебрегая опасностью, под непрерывным вражеским огнем они доставляли на передовую патроны, снаряды. Бесстрашно действовала санитарка Анна Егорова. Она переползала от одного раненого к другому, перевязывала, приносила бойцам воды, укрывала их от вражеского огня. Работала Анна, не замечая разрывов снарядов и мин, не слыша свиста пуль. Получив ранение, она продолжала выполнять свой долг, хотя истекала кровью. Осколок снаряда оборвал жизнь комсомолки-патриотки Анны Егоро-

вой. Мужественная девушка была посмертно награждена орденом Красного Знамени.

Медсанбат, в котором неустанно трудились замечательные врачи Е. Базыльникова, Е. Камаева, Х. Попова, К. Простяков, А. Беркович, И. Мишина, фельдшер С. Резников и многие другие, спас жизнь тысячам бойцов и офицеров. Медсестры Е. Семенова, Л. Гагарина, А. Бойчук, М. Когликова, А. Выборнова, Е. Уризченко, А. Хрусталева, санитары В. Капранов, А. Климанец, И. Филиппов, Г. Афанасьев, С. Прозоров, А. Крупенин были верными помощниками врачей. Они отдавали много сил, с тем чтобы скорее вылечить раненых и возвращать их в строй. Партийно-политический руководитель коллектива медсанбата Т. А. Бурова, до войны секретарь парторганизации одного из крупных заводов Москвы, была организатором всех дел этого подразделения, личный состав которого завоевал любовь и уважение в дивизии.

Ратные дела бойцов и командиров Московской коммунистической не были бы столь успешными, не будь постоянного партийно-политического обеспечения всей деятельности соединения. Везде и во всем — от огневой позиции до полевой походной пекарни — чувствовалось партийное руководство.

...Идет ожесточенный бой. Воины озабочены одним — выполнить боевое задание, выбить фашистов из укрепления, захватить их рубеж. А в это же время в непосредственной близости от передовой, в блиндаже, собралась партийная комиссия части. Здесь И. Мелищев, Ф. Бахирев, А. Полетаев, И. Иванов, М. Абрамов. Гулко рвутся поблизости снаряды и мины, отчетливо слышна трескотня ружейно-пулеметной стрельбы, а парткомиссия на каком-то подобии стола разложи-

ла бумаги и ведет заседание. На повестке один вопрос: разбор заявлений о приеме в ряды партии, поданных фронтовиками.

Одно из заявлений принадлежит командиру пулеметной роты лейтенанту А. Дубинину. Он написал его перед уходом в бой и вернулся оттуда целым и невредимым. Пулеметчики его роты вели себя в бою храбро и умело. Многие из них удостоены правительственных наград.

Дубинин рассказывает парткомиссии о своем жизненном пути, пока еще коротком, но славном, политом кровью и отмеченном наградами. Он достоин носить высокое звание члена ленинской партии — к такому выводу приходит комиссия.

Командир отделения сержант П. Яковлев тоже перед боем подал заявление с просьбой принять в партию. Его расчет в бою уничтожил вражескую прислугу пушки и пулемета. Яковлев награжден орденом Красной Звезды и медалями. Решение комиссии единодушно. Яковлев покидает блиндаж кандидатом в члены партии.

Один за другим в блиндаж входят гвардейцы, посчитавшие, что их место в рядах ленинской партии. Входят люди, насквозь пропитанные пороховым дымом, с обветренными, мужественными лицами, люди, не раз смотревшие в глаза смерти, смелые, отчаянные. А здесь они робко, волнуясь, рассказывают о себе. Жизнь их так коротка, что и рассказывать-то вроде нечего. Окончил школу, начал работать, а тут война... Некоторые по окончании школы даже не успели начать трудиться, а сразу пошли на фронт и теперь с честью выполняют свой священный долг перед Родиной.

Ответственный секретарь комиссии гвардии майор Мелицев беседует с вновь принятыми в партию гвар-

дейцами, напутствует их. Он и сам не раз участвовал в атаках. Принимали в них участие и работники политотдела И. Бендерский, С. Куприков, Д. Каракулькин.

Блиндаж сотрясается от разрывов мин и снарядов. Бой продолжается. В наступление пошли гвардейцы, только что ставшие кандидатами в члены Коммунистической партии. У них еще нет кандидатских карточек, они их получают через несколько дней, но каждый из них уже как будто ощущает присутствие книжки в левом кармане гимнастерки, под которым бьется горячее сердце верного сына Родины.

Перед уходом один из только что принятых в партию гвардейцев от имени всех говорит: «Нам трудно-вато, мало отдыхаем, смотрите — даже не бриты, а все-таки хочется фашистов бить. Бить их будем до тех пор, пока не останется ни одного на нашей земле...»

Выезды партийной комиссии непосредственно на передовую или в какое-нибудь подразделение для принятия в партию либо выдачи партийных билетов были обычным явлением в дивизии.

С первых дней формирования 3-й Московской коммунистической была создана дивизионная газета. Первоначально она носила название «На защите Москвы». После же разгрома фашистов в Московской битве, когда противника начали преследовать и наша часть оказалась далеко к западу от столицы, газете дали другое название — «Вперед на Запад». Под таким названием она прошла вместе с воинами соединения весь его славный ратный путь. В газете, как в зеркале, отражались жизнь бойцов, командиров и политработников, их боевые дела, быт, печатались сообщения о жизни и трудовых делах земляков-москвичей. Дивизионка живо и оперативно реагировала на события, происходив-

шие в стране, на соседних участках фронта, на других фронтах. Рожденная в боевых условиях, она была типично полевой газетой. Типография монтировалась на автомобиле со всеми необходимыми приспособлениями.

Повседневное внимание политотдела дивизии, партийное руководство сделали газету интересной, содержательной и боевой. Она полюбилась личному составу, ее всегда ждали с нетерпением. И доставляли ее читателям вовремя, где бы они ни находились. Газета была детищем добровольцев-москвичей, ими создана и ими выпускалась. Она способствовала тому, чтобы традиции советской гвардии свято хранились и приумножались в дивизии.

На страницах газеты печатались самые свежие материалы, которыми ее снабжали военные журналисты Г. Красавцев, И. Подорожанский, А. Перельман. Эти энтузиасты постоянно находились в батальонах, ротах, взводах и отделениях. Они часто и помногу беседовали с бойцами и командирами, были в курсе ратных дел, писали об опыте лучших воинов, подмечали опытным журналистским глазом недостатки.

Редакция газеты воспитала целую плеяду военков, таких, как П. Хлопотько, А. Бигашев, Е. Минухин, М. Шабает, Л. Кофман, П. Толстопятов, В. Сухарев и многие другие. В газету писали бойцы и командиры.

Экземпляры тех номеров дивизионки, в которых помещали отклики воинов на героические дела тыла, посылались в Москву и в другие районы страны. На газетных стендах ряда столичных предприятий наша дивизионка была частым гостем. Рабочие подходили к стенду и говорили: «Ну-ка, что пишут о делах наших земляков-гвардейцев?»

На страницах газеты «Вперед на Запад» выступали

известные писатели и поэты: В. Лебедев-Кумач, М. Светлов, Ц. Солодарь, Г. Короткевич, А. Толстой, Л. Никулин, Л. Рубинштейн, В. Герасимова, М. Матусовский, С. Толстая-Есенина. Их статьи, письма и стихи воины читали с большим интересом.

В одном из номеров был помещен репортаж из треста Оргавиапром. В этой организации до войны работали Наталья Ковшова и Мария Поливанова. У здания Оргавиапрома был установлен барельеф в честь героинь. О митинге, посвященном этому событию, о выступлении на нем матери Наташи — Нины Дмитриевны Араловец-Ковшовой, подруги Наташи — комсомолки Марии Кустаревой и рассказывалось в этом репортаже.

Большую творческую работу вел секретарь редакции Тер-Григорян. К нему поступали корреспонденции, он их правил, приводил в удобочитаемый вид, поддерживал связь с военкорами. Старший наборщик Х. Алимов умело руководил и организовывал работу двух других наборщиков — С. Кабанова и В. Полякова.

Печатал газету гвардии старшина Е. Данилов. Много хлопот доставалось на его долю, когда газета шла в три-четыре краски. Это довольно сложная процедура, когда с валиков надо смыть одну краску, затем нанести другую и так далее. Данилову принадлежит заслуга в монтаже оборудования печатного и наборного цехов на колесах в октябре 1941 года.

Весь состав редакции работал слаженно и дружно. Он создал достойный коммунистической дивизии печатный орган. Все сотрудники газеты были награждены орденами и медалями.

Из состава редакционных работников смертью храбрых пали в боях замечательные люди: Л. Четыркин, М. Лондон, В. Суворов и Г. Бандалин.

Многим из того, чего достигла редакция, она обязана своему руководителю Аркадию Полетаеву. Небольшого роста, скромный, разговаривавший так тихо, что казалось, будто он шепчется с собеседником, доброжелательный, исключительно тактичный и интеллигентный в обращении с подчиненными, Полетаев был человеком большой души, настоящим коммунистом. В нем таился неиссякаемый источник энергии, работоспособности и неимоверной выносливости. Ни один номер газеты не выходил без того, чтобы Полетаев досконально не проверил его. Он часто сам бывал на передовой, проявляя бесстрашие и мужество. Если у него закрадывалось сомнение в точности информации, он лично проверял материал, с какими бы трудностями это ни было связано. Для него понятие «нельзя» не существовало. Надо срочно проверить факт — Полетаев тут же отправлялся. Ему говорили: «Идет бой, туда, на передовую, нельзя». А он отвечал: «Как же нельзя? Там находятся такие же люди, как я».

Неоценима заслуга Полетаева в сборе материалов и создании «Краткого очерка о боевом пути Н-ской гвардейской Краснознаменной стрелковой части». Этот «Краткий очерк» по праву может быть назван историей соединения московских добровольцев.

После войны Аркадий Полетаев вернулся к своей прежней гражданской профессии, стал доктором наук. Однако не прекращал связи с боевыми друзьями-однополчанами. До последних дней своей жизни Аркадий Полетаев был одним из активных ветеранов нашей дивизии. Со свойственным ему энтузиазмом и добросовестностью принимал участие в работе совета ветеранов 3-й Московской коммунистической, вел большую работу по патриотическому воспитанию молодежи.

От нас ушел истый большевик, человек с большой буквы, настоящий патриот, безгранично любивший

свою Родину. Светлая память об Аркадии Полетаеве осталась в сердцах тех, кто был с ним рядом, кто с ним общался, и тех, кто знал его накоротке.

Развернулись бои на подступах к Пскову. Противник прибег к маневренному огневому сопротивлению. Наши воины тогда не имели опыта борьбы с такой тактикой, и первое время было весьма трудно. Но, используя традиции учиться на ходу бить врага, к каким бы маневрам он ни прибегал, гвардейцы вскоре справились и с этой трудной задачей.

Гвардии сержант В. Иванов, участник трех войн, во главе отделения проник в тыл неприятеля. Там воины оседлали лесную дорогу, внезапным броском ошеломили немцев и, разгромив наголову их взвод, заняли важную позицию.

С господствующей высоты гитлеровцы вели губительный пулеметный огонь, не дававший поднять головы. Гвардейцы Чудинов и Полков решили подавить эту позицию. По лощинам и перелескам они незаметно подползли к пулеметчикам, внезапным нападением обратили их в бегство, гранатами уничтожили пулемет и замешкавшихся фашистов.

Гвардейцы И. Бесшапошников, Р. Ройф и Н. Хмелевский за мартовские бои были награждены орденом Славы III степени. В этих боях бойцы отделения Бесшапошникова семь раз поднимались в атаку. Командир отделения лично уничтожил пять гитлеровцев. Сапер Хмелевский проделывал проход в проволочном заграждении. Внезапно перед ним появилась группа фашистов. Гвардеец не растерялся. Выпустив по ним несколько автоматных очередей, он сразил девятерых. Р. Ройф, отражая многочисленные атаки, уничтожил из своего станкового пулемета 20 солдат противника.

Сапер Кажгали Казиев в течение дневного боя продвинулся 16 раз в проволочном заграждении и на минном поле. Он был также награжден орденом Славы III степени.

Защитник Ленинграда С. Крутиков, в прошлом балтийский моряк, во главе отделения бронбойщиков подавил огонь четырех вражеских пулеметов. Наши бойцы захватили выгодную позицию. Опомившись, гитлеровцы пошли в контратаку. Бронбойщики их достойно встретили. Отражая очередную контратаку, Крутиков по матросской привычке крикнул: «Полундра!» — и бросился врукопашную. Бойцы его тут же поддержали, дружно ринувшись на врага. Не выдержав штыкового боя, гитлеровцы бросились назад. Гвардейцы Биктуров и Храпов взяли в плен 11 солдат противника. По пути следования в наш тыл фашисты, обратив внимание на то, что их ведут два бойца, оказали сопротивление. Однако гвардейцы не растерялись и решительными действиями заставили пленных смириться с положением.

Шарабой Алламурастов прибыл в нашу дивизию с пополнением в апреле 1943 года. Он стал гвардейцем и научился бить врага по-гвардейски. В одной из атак Алламурастов со станковым пулеметом, которым владел отлично, вступил в поединок с шестью вражескими пулеметчиками, стрелявшими с трех сторон. Умело выбрав позицию и действуя бесстрашно, он вывел из строя два вражеских пулеметных расчета. Отважный боец был удостоен ордена Славы III степени.

Во время первых боев за Псков гвардейцы-москвичи нанесли противнику большой урон в живой силе и технике. Было истреблено 1640 солдат и офицеров, подавлено 62 орудия, 33 миномета, 29 пулеметов, уничтожено 14 автомашин. За эти бои командование дивизии представило к правительственным наградам 564

человека. Половину из них составляли коммунисты и комсомольцы.

На пути к Пскову гвардейцы встречали разрушенные гитлеровцами деревни и села, уничтоженные мосты, сожженные строения. Выбив противника из Торшина, наши бойцы увидели там страшное зрелище: железнодорожный вокзал был взорван, кругом бушевали пожары, на дорогах трупы советских людей. Перед отступлением гитлеровцы собрали 240 юношей, девушек, жен фронтовиков и погнали их в неволю. Их заставляли бежать, а тех, кто не выдерживал и падал, пристреливали.

Местная жительница Елена Шилова, пережившая ужасы оккупации, рассказала нам:

— По широкому большаку днем и ночью немцы гнали к Волосово наших людей, как скот, а часто и вместе со скотом. Матери, держа на руках детей, падали от изнеможения на дороге. Фашистские автоматчики тут же их пристреливали. Так была убита Евдокия Ершова, шедшая с грудным ребенком.

Елена Шилова рассказала также о трагическом истреблении 80 детей из пушкинского детского сада. Гитлеровцы забрали у детей все продукты до крошки. В течение нескольких дней они морили их голодом. Все дети умерли от истощения.

На стенах домов в освобожденных населенных пунктах были душераздирающие надписи. Вот две из них: «Мы русские. Нас 112 молодых, 15—17-летних. Над нами фашисты издеваются. Сегодня нас всех угоняют на проклятую фашистскую каторгу. Покидаем Родину. Выручайте нас, товарищи! Так хочется жить... 15 марта 1944 года». На другой стене: «Товарищи! Мы верили и верим, что вы придете. Нас угоняют в Германию. Прощайте! Помните о нас, несчастных. Отомстите за нас».

Командир взвода Н. Михайлов, уроженец этих мест, с трепетным волнением подходил к своему селу в надежде увидеть родных и близких. Но его ждало страшное. Деревня была сожжена дотла. Оставшиеся ее жители, обитавшие в лесу, в землянках, рассказали о трагической участи его родных. Мать умерла с голода, деда и бабушку фашисты расстреляли. Не раз видел смерть боевой гвардеец Н. Михайлов, но никогда не испытывал такого душевного потрясения, как в эти минуты...

Сосредоточив подразделения в районе Большого Раменья, командование дивизии начало подготовку к прорыву обороны противника на участке фронта под Псковом. Гитлеровцы готовили эту линию обороны длительное время, и сооружения ее были основательны: минные поля с проволочной сетью, противотанковые рвы, деревоземляные валы, траншеи, дзоты, из которых простреливались все наиболее вероятные подходы, лесные завалы, прорубленные просеки с замаскированными огневыми «секретами», на деревьях дежурили «кукушки».

Даже теперь, спустя три с половиной десятка лет, можно увидеть в тех местах остатки военных укреплений. Свой оборонительный рубеж гитлеровцы считали неприступным, они рассчитывали, что в этом районе наступательный порыв гвардейских частей наверняка иссякнет.

Но уже не существовало той силы, которая могла бы остановить советских воинов. Да и наступали они, имея на вооружении артиллерию, минометы, танки, «катюши».

Прорыв оборонительной полосы начался с такой мощной артиллерийской канонады, что, как потом го-

ворили пленные, многие лишались рассудка и молили о смерти, только бы так не страдать.

Первая линия обороны была прорвана, взят важный населенный пункт Летово. В течение нескольких дней гвардейцы удерживали отвоеванный рубеж, верные своему девизу «Ни шагу назад!».

А в это время другие наши части во взаимодействии с соседними частями и соединениями развивали наступление на фланги противника. Поняв свою обреченность, боясь попасть в окружение, гитлеровцы вынуждены были отказаться от намерения вернуть утерянные позиции. Советские войны незамедлительно воспользовались благоприятной ситуацией и продолжили наступление. В этих, как и в предыдущих, боях решающую роль сыграли коммунисты и комсомольцы. Комсорг взвода И. Ветров перед боем провел комсомольское собрание, призвав воинов быть впереди. Ведя их в атаку, Ветров с гранатой в руке прорвался к вражескому окопу. Бросив туда гранату, он увлек за собой отделение. Когда же ранило командира взвода, Ветров заменил его. Взвод пошел за смелым комсоргом, взявшим на себя ответственность за выполнение боевого приказа.

Командир пулеметного отделения сержант И. Петровец, принятый кандидатом в члены партии перед боем, проявил отвагу и мужество. Бросившись к вражескому дзоту, он гранатой истребил четырех гитлеровцев. Один фашист успел ранить Петровца. Однако, собрав волю в кулак, гвардеец добил врага. Не покинул поля Петровец и после второго ранения, он нашел в себе силы вести огонь. Увидев вражеских офицеров, вышедших на рекогносцировку местности, Петровец пулеметной очередью уничтожил их всех.

В течение двух дней отважные артиллеристы Науменко и Федоров расстреливали из своих орудий контр-

атакующих гитлеровцев. Оба воина погибли на боевом посту. Но позиция не была отдана противнику. Отважных гвардейцев заменили Зайков, Баранов, Верещагин.

Мужественно вели себя артиллеристы взводов Алексеенко, Левшина, Злотника. Наводчики А. Корхин, Н. Щекотков, С. Каширкин подбили самоходку «фердинанд», уничтожили три дзота, отразили шесть контратак противника.

В эти дни большая нагрузка легла на партийно-политических работников дивизии. Части и подразделения многократно пополнялись за счет молодых бойцов. И перед каждым боем политработники проводили длительные беседы с новым пополнением, рассказывали о традициях соединения, о необходимости свято блюсти честь и славу советской гвардии.

Командно-политический состав, партийные организации проделали огромную работу и добились того, что воины научились врываться в окопы врага вслед за разрывами посланных туда снарядов, когда противник не успевал еще опомниться. Истребляя вражеских солдат, гвардейцы действовали решительно и смело. Заняв переднюю линию противника, бойцы не задерживались здесь, а продолжали наступление, атакуя с ходу вторую линию и последующие рубежи.

Гитлеровцы воздвигали основательные оборонительные сооружения со сложной системой ходов сообщений, траншей, землянок, в которых поначалу трудно было запутаться. Наши воины учились ориентироваться в сложных переплетениях саперных сооружений. Фашистов, пытавшихся укрыться, с тем чтобы остаться в тылу наших подразделений и нанести удар в спину, умело выкуривали из этих укрытий и уничтожали.

Жаркие июльские дни 1944 года. Подразделения и части дивизии вели непрерывные бои на границе с Советской Прибалтикой. Немногим более ста километров отделяло гвардейцев от Латвии, с боями преодолевали они это расстояние. И вот оно пройдено. Впереди реки Синяя, Лжа. Форсировав водные преграды, части вступили в Латвию и оседлали шоссейную дорогу Балвы — Виляка.

После успешного завершения операции в этом районе соединение было переброшено к границе с Эстонией. Там части дивизии во взаимодействии с другими соединениями перерезали железнодорожные и шоссейные дороги Псков — Рига, Выру — Тарту, Псков — Валга. А затем был освобожден город Выру. Это дало возможность полностью изолировать крупную группировку войск противника. Продолжая развивать наступление, гвардейцы перерезали шоссе Валга — Тарту, помогли другим соединениям создать реальную угрозу окружения противника в районе Тарту.

Начались ожесточенные, кровопролитные бои. Гитлеровцы несли большие потери, стараясь выйти из кольца, в которое их зажимали советские войска. Ценой больших потерь им все же удалось вырваться из района Тарту. Но они не успели выполнить свой ранее намеченный план — взорвать город. Натиск советских войск был так стремителен, что у фашистов попросту не хватило времени осуществить варварский замысел.

25 августа 1944 года в Москве был дан салют в честь освободителей Тарту. А гвардейская дивизия стала именоваться Тартуской.

После разгрома тартуской группировки немцев дивизия получила новое боевое задание — форсировать реку Эмайэги и вновь оседлать шоссейную дорогу Валга — Тарту невдалеке от железнодорожной станции Сангосте.

Бои опять приняли ожесточенный характер. Частям и подразделениям предстояло форсировать водную преграду. Времени на наведение достаточного количества переправ не было. На выручку пришли саперы. Мост для танков и артиллерии они опустили в воду, чтобы его не мог увидеть противник, а переправу для пехоты саперы не успели закрепить. Артподготовка была закончена, передний край врага обработан основательно; в этом воины были убеждены, потому что в обработке активно участвовали «катюши». А уж после них можно было смело наступать. Но вот задача: пехота не могла двинуться вперед, поскольку мост не закреплен. И тогда саперы мгновенно построили живую переправу: они выстроились в реке в две шеренги (благо глубина позволяла), положили доски себе на спины, и пехота по этому доселе невиданному мосту ринулась в атаку. Валга и Валка, по существу, один город, половина которого принадлежит Эстонии, а другая половина — Латвии; город представлял собой важный узел дорог на границе двух республик. 19 сентября 1944 года он был освобожден, и Москва салютовала победителям. В приказе Верховного Главнокомандующего упоминалась в числе других и фамилия командира дивизии И. И. Бурлакина, отличившегося в последних боях.

Настал счастливый день. Дорога к Балтийскому морю была очищена от противника и открыта для советских людей.

Гитлеровцы рассчитывали остановить наступление наших войск с помощью водных преград — рек Даугавы и Лиелупе. Уничтожив все переправы через них, они оставили там заслоны, состоявшие в основном из ээсовцев. Но 53-я дивизия мощными ударами пресле-

довала гитлеровцев, наступая им на пятки. Бои шли под новым девизом: «Вперед на Ригу!»

В течение суток, главным образом в вечернее и ночное время, бойцы преодолели 70-километровое расстояние до района Цесис — Карли — Сигулда. Марш был исключительно сложный и трудный. Бойцы шли с полной солдатской выкладкой, неся на себе сверх того дополнительный комплект боеприпасов и гранат.

И вот войска 3-го Прибалтийского фронта при содействии войск 2-го Прибалтийского фронта начали штурм столицы Латвии. Части 53-й дивизии были уже в непосредственной близости от города. Остались считанные километры. Вдоль шоссе гвардейцы наступали в направлении железнодорожного вокзала. Соседние соединения, форсировав Киш-озеро, ворвались в Ригу с другой стороны. 13 октября 1944 года Москва салютовала мужественным воинам, принесшим свободу столице Латвии.

123-й артиллерийский и 157-й стрелковый полки 53-й дивизии были удостоены почетного звания Рижских, 159-й стрелковый полк был награжден орденом Красного Знамени, а 161-й — орденом Суворова I степени.

Дальнейший боевой путь дивизии проходил севернее Риги, через Западную Двину, по побережью Рижского взморья в направлении Слоки — Тукумс. Части и подразделения переправились через реку Лиелупе и стремительно двигались вслед за фашистами, которые еще пытались под прикрытием сильных арьергардов зацепиться и удержать позиции в Прибалтике.

В феврале 1945 года шли дожди вперемешку с мокрым снегом, дороги развезло. В этих условиях наши воины вели тяжелые бои с сильно укрепившимся противником в западной части Латвии, в полосе от Тукумса до Лиепая. Важнейшие порты на Балтийском мо-

ре — Вентспилс, Лиепая находились в руках немцев. Положение противника было несравненно выгоднее, чем у наступающих. Господствующие высоты Тукумса, с которых в ясную погоду видна Рига, были у противника. Наступление велось почти по открытой местности. И все же, несмотря на сложность положения, советские войска успешно продвигались вперед.

Они уже давно громили гитлеровцев за пределами наших границ, очищая земли польские, чехословацкие, румынские, болгарские, венгерские, освобождая народы этих стран. Гвардейцы 53-й дивизии шли в числе передовых соединений.

Во второй половине февраля 1945 года дивизию перебросили на новый участок фронта. Начались ожесточенные бои за Ливберза, Приекула. 28 февраля эти населенные пункты были освобождены.

Только в марте стало возможным дать некоторую передышку гвардейцам, вконец измучившимся в длительных, почти беспрерывных боях и маршах.

Затем в апреле части дивизии вели боевые действия местного значения, в основном добывая и захватывая в плен остатки разгромленных войск противника.

8 мая 1945 года соединение получило приказ — взять Лиепая. Части дивизии были сосредоточены в лесу, на исходных позициях; шли последние предштурмовые приготовления. И вдруг все остановлено, включены радиоприемники. Все с затаенным дыханием ждали, что сообщат. И вот по частям и подразделениям разнеслось: «Немцы приняли безоговорочную капитуляцию».

Не поддается описанию то, что творилось. Мужественные, закаленные в боях гвардейцы радовались, как дети. Итак, конец войне!

Окончились четыре долгих года тяжелейшего фронтового пути, проходившего от Москвы до стен Ленинграда, от Луги до Пскова, от рек Великой и Ловати до Тарту и Валги, до берегов Балтики. И этот путь дивизия москвичей-добровольцев прошла с честью. Она громила фашистов под Москвой, в Псковско-Островском укрепленном районе, освобождала один из крупнейших центров науки — город Тарту, священные пушкинские места — Михайловское, штурмовала неприятельские укрепления на подступах к Риге, участвовала в ликвидации прибалтийской группировки противника.

Многие десятки тысяч солдат и офицеров рейха нашли свою смерть от огня и штыков гвардейцев Коммунистической дивизии. Артиллеристы, броневойщики, минометчики и пехотинцы соединения подбили и сожгли 109 танков, 34 самоходных орудия, зенитным и ружейно-пулеметным огнем сбили 34 самолета противника. Почти 40 тысяч фашистов были уничтожены гвардейцами. Родина высоко оценила подвиги воинов 53-й дивизии, совершенные при освобождении советской земли от гитлеровцев: 9894 бойца, командира и политработника были награждены орденами и медалями Советского Союза.

В честь боевой славы Московской коммунистической дивизии в столице установлен ряд мемориальных досок: одна укреплена на здании школы № 3 в Чапаевском переулке, в которой находился в 1941 году штаб дивизии, другая — в Хилковом переулке, на здании школы № 32, где формировался Коммунистический батальон Фрунзенского района. Мемориальные доски установлены во многих других районах Москвы — на зданиях, в которых формировались 14—16 октября 1941 года коммунистические батальоны.

Воины-добровольцы, спаянные кровью, и теперь не

расстаются. После войны был создан совет ветеранов 3-й Московской коммунистической дивизии, который существует и поныне. Он ведет работу по розыску и объединению ветеранов, по оказанию посильной помощи им и семьям погибших, по военно-патриотическому воспитанию молодежи. Совет поддерживает тесную связь с районами, освобожденными воинами дивизии, школами Москвы, в которых формировались батальоны.

СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ

Сандружинница — доктор философии

Надо вырвать

радость

у грядущих дней.

В этой жизни

умереть не трудно.

Сделать жизнь

значительно трудней.

В. Маяковский

Сегодня в полдень предстояла интересная встреча с фронтовыми друзьями. Я отправился к условленному месту. Настроение праздничное. Погода в этот субботний день была отличная. Стояла золотая осень, когда великолепные киевские скверы, сады окрасились в желтые и багряные цвета. Тротуары были устланы опавшими листьями.

И вот мы встретились. Идем несколько шумной гурьбой по широкому Крещатику. Делимся воспоминаниями, впечатлениями и одновременно любимся чудесными многослойными фасадами главного проспекта столицы Украины, в освобождении которой от немецко-фашистских захватчиков кое-кто из нашей компании принимал участие. Поднимаемся вверх по улице, заросшей высокими липами и густыми каштанами. Незаметно некоторые из нас, кто помоложе, увлекшись, вырываются вперед. Другие же отстают.

— Эй, вы, орлы,— смеясь, кричим мы вдогонку,— куда побежали? Забыли, что среди нас и отставники, и не совсем юноши!..

Ушедшие вперед останавливаются, и вот мы опять все вместе идем дружной компанией. Лица у всех озарены радостными улыбками. Какое счастливое совпадение: мы все одновременно оказались в Киеве. То, что четверо из нас здесь, неудивительно: ведь мы приехали сюда по разным служебным делам. А вот эти двое — Иван Петрович Пантюхин, бывший первый номер пулеметного расчета, и Семен Гаврилович Самохин, бывший санинструктор, вытащивший с поля боя больше 40 бойцов и командиров, в том числе и автора этих строк, большой фронтовой друг той самой сандружинницы, ныне доктора философии, к которой мы шествуем, — эти двое приехали специально для встречи с фронтовыми друзьями. Вот они-то и вправду молодцы. Настоящие, верные фронтовые друзья, привязанность и преданность однополчанам у которых сохранятся, видимо, навсегда.

Шагают по улицам Киева люди с убеленными сединами головами, кое-кто с приличной астматической одышкой, один грузно опирается на палку. Шумят, смеются, друг друга перебивают, говорят без умолку. Ни дать ни взять компания подвыпивших гуляк. Между тем у этих бывших воинов не было сегодня во рту ни росинки. И идут-то куда? К своему боевому соратнику, которого многие из компании не видели почти тридцать лет. С того самого злополучного дня, когда ее увезли в госпиталь тяжелораненой. Идут с одной целью — разыскать и забрать с собой. Сегодня мы должны провести день и вечер вместе. Координаты однополчанки известны: Киевский государственный университет.

Подходим к красивому старинному зданию из красного кирпича. Там, за его массивной дверью, трудится наша бывшая сандружинница. Тридцать лет отдала она преподаванию в университете.

И вот, когда мы уже сидим в аудитории вместе со студентами, открывается дверь. Входит довольно стройная женщина, одетая со вкусом, с красивой прической. Все встают и почтительно здороваются. Чуть прихрамывая, она поднимается на кафедру и начинает читать лекцию. В зале тишина. Прекрасное, популярное изложение сложного философского материала слушают с таким вниманием, будто лектор рассказывает увлекательную историю.

Все эти годы она не только преподает, но и ведет еще большую научную работу. В мире философов ее имя занимает не последнее место. Хорошо известны ее труды по важным философским проблемам. Эта добрая, приветливая женщина пользуется большим уважением коллег.

Минутку. Что же это я? Начал рассказывать о бывшем воине, замечательном человеке и ученом, а имени ее не назвал. Вероятно, полагал, что люди, общающиеся с ней, поймут: речь идет о докторе философских наук Марии Львовне Злотиной.

Собственно говоря, я не только не назвал ее имени. О ней еще не рассказано главное: о тяжком фронтовом и жизненном пути, который она прошла, пока не достигла больших вершин. Но для этого надо совершить небольшой экскурс в прошлое, к событиям более чем сорокалетней давности.

В 1938 году совсем юной Маша приехала в Москву учиться. Лето в том году было таким знойным, что даже коренным москвичам, привыкшим к духоте от разогретого на солнце асфальта, было невмоготу. А ей, выросшей на просторах белорусских полей с их живительным воздухом, должно было быть еще труднее. Но, озабоченная предстоящими вступительными экзаменами, Маша не замечала жары.

И вот настал желанный день, волнения позади. Ма-

рия Злотина стала студенткой философского факультета МИФЛИ и на многие годы связала свою судьбу с Москвой. Это было самое прекрасное, безоблачное время в жизни Злотиной. Учеба не была ей в тягость. У нее оставалось достаточно времени на знакомство со столицей, на посещение театров и музеев. Она везде попевала, многим интересовалась, ее всегда окружали друзья.

Злотина перешла на третий курс, когда началась война. Настало время суровых испытаний. Тяжелые бои на дальних подступах к Москве. Неся огромные потери, враг рвался к нашей столице. Над городом нависла смертельная опасность. Был брошен клич о мобилизации всех сил для отпора врагу. И в холодное пасмурное утро 14 октября к райкомам партии потянулись с предприятий, из учреждений, учебных заведений небольшие группы и целые коллективы патриотов-добровольцев разных возрастов, профессий и занятий.

Среди них была стройная девушка с копной каштановых волос и выразительными голубыми глазами — комсомолка Мария Злотина. Она сразу обратила на себя внимание жизнерадостностью, заботой обо всем и обо всех. Все ее беспокоило.

С каждым днем Мария все больше вживалась в свою роль воина. Она являла собой пример смелости, могла в любой обстановке поднять настроение товарищей. В боях на подступах к Москве Злотина показала себя активной и инициативной сандружинницей, всегда находилась в самых жарких местах схваток.

Затем был Северо-Западный фронт. Бои с врагом, занимавшим сильно укрепленные рубежи, когда каждая пядь освобожденной земли доставалась ценой большой крови. И здесь трудно было переоценить роль сандружинниц и санинструкторов. Эти скромные тру-

женицы всегда появлялись в самых опасных местах, спасая жизнь многим тысячам воинов.

Суровая зима 1942 года. В лютую стужу в лесах, на кочках незамерзающих болот с растрескавшимися от мороза руками Мария действовала смело, ползла туда, откуда только что послышался стон. И даже тогда, когда сама больше всего нуждалась в теплом, успокоительном слове, она находила в себе силы говорить такие слова раненому бойцу. Вытаскивая с поля боя раненого, Мария приговаривала: «Ничего, милый, потерпи, осталось уже немного». И часто этим она как бы подбадривала саму себя. За несколько месяцев Мария оказала медпомощь на поле боя многим сотням воинов.

Июль 1942 года. Шел бой за деревню Малое Врагово. Маша, как обычно, в самых опасных местах. Вот она подползла к раненому, начала перевязывать его. Движения быстрые, уверенные. И вдруг беспомощно повалились на бок. Поблизости находилась санинструктор Людмила Мстиславская. Она бросилась к подруге:

— Машенька, милая, что с тобой? Очнись, родная!

Но Мария молчала. Она была без сознания. Людмила оказала ей первую помощь и вытащила с поля боя. В тяжелом состоянии Злотину увезли в госпиталь. Весть о ее ранении быстро разнеслась по всей части. Это был тяжкий удар для тех, кто ее знал.

Трудно что-либо сказать о психологическом состоянии Маши, когда она пришла в себя. Можно только предположить, что могла пережить молодая, красивая девушка, когда увидела свое лицо, задетое осколками снаряда. И хотя это ранение по сравнению с повреждением бедра было значительно легче, все же оно, видимо, беспокоило Марию больше.

Потянулись мучительные дни. Эвакуация из одного

госпиталя в другой: привезли в Кострому, оттуда направили в Ижевск и, наконец, в Москву. До сих пор помнит Мария палату костромского госпиталя, в которой лежало восемь искалеченных молодых девушек. То были страшные ночи, уносившие одну за другой ее подруг. Мария и теперь меңается в лице, вспоминая, какой ужас охватывал ее, когда по утрам, проснувшись, она узнавала, что еще одна ушла из жизни. Из восьми девушек выжила только она. И выжила потому, что сама боролась за жизнь, помогая врачам и медперсоналу. Они полюбили Машу за ее обаяние, душевность, за то, что она так беспредельно любила жизнь и так боролась за нее.

Мария с большой любовью и теплотой вспоминает, как медсестра Валентина Зацепина «воевала» с ней, поучала и подбадривала «крепким» словом.

После нескольких тяжелых операций Марию выписали из клиники. Но ей пришлось еще многие месяцы долечиваться. Загипсованная, она была прикована к постели. Мобилизовав всю свою волю, Мария взялась за учебники и вскоре вновь стала студенткой МИФЛИ.

Потянулись месяцы и годы упорного, тяжелого труда. Злотина шаг за шагом отвоевывала свое место в этом мире, не давая себе поблажек и не требуя скидок. Она так себя загрузила, что ей некогда было думать о болезни. И если подчас Марии становилось немого-ту, она тут же брала себя в руки. Почти не поднимаясь с постели, Злотина закончила философский факультет МИФЛИ.

Итак, цель достигнута. Диплом в руках. Можно жить и по мере сил трудиться. Но такой упорный человек, как Мария, этим не мог довольствоваться. Она поступила в аспирантуру. «Смотрите,— говорили друзья,— не успели оглянуться, а Маша уже закончила аспирантуру». Друзьям, «не успевшим оглянуться»,

все это казалось в порядке вещей. А каково было Маше, знает только она одна. Никто от нее не слышал жалоб. Как бы там ни было, но прошло время, и стало известно, что Злотина уже кандидат философских наук.

Да, не каждому дано совершить такое. Ведь не секрет, что были случаи, когда, выжив в войну и вернувшись домой инвалидом, человек оказывался надломленным и его жизнь становилась бедствием для него и окружающих.

Марии встретился хороший человек, ставший верным другом и постоянным спутником в ее жизни и на научном поприще. С Иваном Петровичем Головахой, теперь уже доктором философских наук, Мария Львовна подружилась еще до войны в МИФЛИ. Эта дружба оказалась на редкость прочной, преодолев все тяготы и невзгоды. Они создали отличную семью и много лет преподают философию в Киевском государственном университете.

В 1970 году, когда советский народ праздновал 25-летие победы над фашистской Германией, у Марии Львовны Злотиной было двойное торжество. Ей присудили ученую степень доктора наук.

...И вот мы вместе, после стольких лет, прошедших с войны. Встретиться вновь, увидеть друг друга, вспомнить минувшее — что может быть желаннее, интереснее! Злотина пригласила нас к себе в гости, чтобы в домашней обстановке отметить встречу.

Признаться, мы не предполагали, что человек, обремененный столь серьезной научной и преподавательской работой, может оставаться и образцовой хозяйкой. А было именно так. Мы увидели красиво и уютно обставленную квартиру, в которой чувствовалась хозяйская рука, стол, сервированный яствами (эти яства

были приготовлены также Марией Львовной). Попробовав их, мы убедились в прекрасных кулинарных способностях Злотиной, способностях, о которых мы могли только догадываться.

В течение многих лет я постоянно поддерживал общение с Марией, был в курсе многих ее дел. И я сказал:

— А знаете ли, товарищи, что наша Маша вырастила двух сыновей, что сыновья теперь кандидаты наук? Есть у нее и два внука, которые больше живут у бабушки и дедушки, чем у родителей.

Через несколько минут, словно в подтверждение моих слов, раздался входной звонок, и в квартиру ввалилась, именно ввалилась, другого слова не подберешь, шумная ватага — сыновья Марии Львовны с женами и детьми. Внуки с веселым визгом бросились к бабушке и дедушке.

После первых тостов и всяческих пожеланий за столом пошли серьезные разговоры. Мы слушали Марию Львовну и восторгались ее светлым умом, глубоким анализом вопросов, обсуждаемых тем. Мы сидели и думали: неужели это та самая сандружинница, розовощекая, веселая, задорная Маша? Но вот один из нас вспомнил какой-то забавный случай из фронтовой жизни, и Злотина преобразилась. Куда девалась серьезность! Не стало доктора философии. Раздался ее характерный, звонкий смех, в ход пошел лексикон тех, военных дней, и перед нами предстали картины далекого фронтового времени.

Неожиданно веселье прервалось. Посмотрев на хозяйку, все посерьезнели. По лицу Марии Львовны пробежало заметное облако печали, глаза потухли, и она каким-то грустным, вырвавшимся из самой глубины сердца голосом спросила:

— А вы помните, товарищ гвардии полковник?..

Воцарилась тишина. Муж Марии Львовны Иван Петрович, гостеприимно потчевавший гостей, застыл с бутылкой в руке, не успев наполнить рюмки. Стало слышно, как кружевные оконные занавески колышутся от ветерка, врывающегося в открытую створку. Едва я собрался спросить, с чего бы это такая официальность, как Мария, прервав паузу, продолжила:

— Вы помните тот самый бой под Малым Враговым?

Да, я помнил, слишком хорошо помнил тот бой. Много мы тогда потеряли людей, и каких замечательных людей! Стоило только слегка напрячь память, как отчетливо слышались артиллерийская канонада, разрывы мин и снарядов, трескотня пулеметов и автоматов и перед глазами вставали картины ожесточенных схваток не на жизнь, а на смерть, когда за каждую пядь земли лилась кровь и гибли люди.

Загрустила не только Злотина. Мы как будто перенеслись под Малое Врагово. Могли ли мы не почувствовать переживания Марии в эти минуты, когда она с такой горечью вспоминала о том бое? Еще бы ей не переживать! Именно в том бою Злотина получила тяжелое ранение.

— Вы уж извините, что вспоминается такое,— сказала Мария Львовна,— но не могу забыть гибель начштаба нашего батальона Бориса Гроховского. Ведь вот видела много раненых, их искаженные от боли лица, их страдания, а последний взгляд Бори долгое время меня буквально преследовал. Его полуживого почти насильно оттащили от пулемета. Он, наверное, девушек так не любил, как свой «максим». Помню, как он мужественно переносил боли, его прерывистое предсмертное дыхание. Как можно забыть его голубые гла-

за, уже почти потухшие, но еще прищуренные в улыбке!..

Так длилось наше застолье, сопровождавшееся то веселым смехом, то внезапно наступавшими паузами в оживленном разговоре, когда вспоминали погибших товарищей.

Уже поздно вечером, несмотря на уговоры хозяев «еще посидеть», мы собрались на улицу. Было немного грустно оттого, что подходила к концу наша встреча.

Мария Львовна и Иван Петрович конечно же выжились пройтись с нами.

— Маша, а не надеть ли тебе колодки и гвардейские знаки? — предложил Иван Петрович.

Мария Львовна с готовностью согласилась.

И вот мы снова шагаем по вечерним улицам Киева шумной компанией. Чувствуем мы себя на тридцать лет моложе. А Мария Львовна среди нас выглядит и впрямь молодой. Прохожие обращают на нас внимание, главным образом на Злотину. Наверное, недоумевают: сколько же было лет этой худенькой, стройной женщине в годы войны, если она тогда была гвардейцем и удостоена правительственных наград? А ведь в самом деле, лет-то ей было совсем мало — девятнадцать.

Время позднее. Улицы опустели, город стих. Мы стоим, не в силах расстаться.

Когда же еще выпадет счастье — собраться вместе?

Патриотки

*Я ушла из детства в грязную теплушку,
В эшелон пехоты, в санитарный взвод.*

Ю. Друнина

Приближался вечер. Сумерки все больше и больше густели. Все кругом начал заволакивать низко стелившийся туман.

Батальон должен был передислоцироваться к месту формирования дивизии. Заканчивались последние сборы. И в тот момент, когда мы с комиссаром уже совсем были готовы отправиться, а батальон построен и ждал команды «шагом марш», у входа в помещение послышались шум, громкий говор дежурных и детские голоса. Оказалось, что дневального осаждают две девушки, требуя немедленно допустить их к «главному командиру». Разрешаю пропустить их, и они, опередив дежурного, не вошли в комнату, а буквально влетели.

Перед нами предстали две девочки, именно девочки, а не девушки. Одна была темноволосая, а другая — светлая, хрупкая, с застенчивым взглядом голубых глаз. На одном выдохе, как бы боясь, что их прервут, они дуэтом заговорили:

— Возьмите нас с собой. Мы отсюда все равно не уйдем. Мы комсомолки и хотим защищать нашу Родину.

Можно было ожидать услышать из уст этих девочек все что угодно, только не это. Темноволосая была немного повыше и могла с натяжкой сойти за семнадцатилетнюю. Но голубоглазая выглядела совершенным ребенком.

Мы с комиссаром переглянулись, поняв одновременно, что от этих девочек не отделаться объяснением

о трудностях пребывания на передовых позициях, об опасности, о том, что они еще маленькие, и т. д. и т. п. К тому же вовсе не хотелось каким-либо неосторожным словом задеть их патриотический порыв, искреннее желание стать в ряды защитников столицы. Как поступить с ними?

— Выйдите, девочки, на пару минут, и мы решим, как быть,— сказал я.

Оставшись вдвоем с комиссаром батальона, мы придумали выход. И комиссар объявил девушкам:

— Пойдите домой, спросите мам: если они разрешат, мы вас примем в батальон.

Девушки с радостным визгом бросились к выходу.

Последующие дни проходили в напряженной, беспрерывной работе. Нам было не до второстепенных вопросов. А уж о девушках, которые просились к нам, мы и вовсе забыли.

И вдруг неожиданная встреча.

В нашем батальоне (как и в других) среди добровольцев было немало девушек, которых вначале зачислили в санчасти подразделений. Вскоре выяснилось, что сандружинниц больше, чем следовало, и встал вопрос, что делать с «лишними».

Оставшихся «за штатом» девушек собрали и объявили, что они свободны и могут расходиться по домам. Тут поднялось что-то неопишное. Одна из собравшихся встала, стукнула прикладом ружья об пол и твердо сказала, что никуда из батальона не уйдет, а будет с оружием в руках защищать Москву.

— Если не нужны сандружинницы,— заявила она,— пошлите нас бойцами, и мы не хуже мужчин справимся.

Ее поддержали остальные. Пришлось срочно ехать к командованию дивизии с докладом. Там оценили по-

рыв патриотов и разрешили обучить их военным специальностям. Девушек, которых оказалось больше пятидесяти, стали распределять по соответствующим подразделениям, чтобы подготовить из них снайперов, разведчиц, минометчиц, пулеметчиц и связисток. На передовые позиции их пока не пускали.

Как-то при обходе этих групп я заметил будто бы знакомые лица. Пригляделся и не поверил своим глазам: неужели это те девочки, которые приходили к нам? Да, это были они.

Оказывается, они нас перехитрили. Ни к каким мамам они не вернулись, а пристроились к батальону и пошли вместе с ним. По приходе в Тимирязевку девушки все время находились возле бойцов, кому-то из командиров рассказали о посещении комбата, который их послал за разрешением родителей, о том, что родители им позволили вступить в добровольческий батальон. Никто в этом ничего необычного не усмотрел, и девушек внесли в списки. Они были зачислены в учебные группы и оказались не такими уж наивными и беспомощными, какими представились на первый взгляд. Теперь они стояли передо мной как непроказавшие шалуни, а светленькая сверкнула голубыми глазами и сказала:

— Товарищ командир! Это же ложь с благородной целью. Простите нас, мы искупим свою вину в бою.

Как ни старался я напустить на себя строгость, у меня ничего не получилось. Чтобы не потерять окончательно солидности, я поскорее удалился, решив придумать способ отправить девчонок домой, но уже не за разрешением родителей, а навсегда.

Комиссар батальона, который был со мной, задержался и спросил их:

— Ваши фамилии?

— Моя — Хромушина Галя, а ее — Печуро Женя,—

ответила светленькая и добавила: — Увидите, какими мы будем разведчицами.

— Лет-то вам сколько?

— Лет? — запнулась Галя. — Лет мне скоро будет восемнадцать, а ей уже исполнилось.

— Как скоро вам будет восемнадцать?

— Скоро. Через... меньше чем через восемь месяцев.

— Да, — сказал Бахирев, догнав меня, — влипли мы с вами, командир, в историю.

Так комсомолки Галя Хромушина и Женя Печуро стали бойцами нашего подразделения. Могли ли мы тогда предположить, что этим девушкам уготована удивительная судьба, что маленькую Галю Хромушину ждут слава и бессмертие!

Мне не удалось проследить боевой путь Печуро. Насколько помню, она в 1942 году, после ранения, попала из госпиталя в другую часть, где и продолжала воевать. Припоминаю, что в 1943 году случайно, в поезде, в котором я возвращался после ранения в дивизию, ко мне подошла девушка в звании старшего лейтенанта и представилась:

— Старший лейтенант Печуро, не узнаете, товарищ комбат?

«Позволь, — думаю, — кто же это меня называет «комбат»?» Комбатом я был в 1941 году. И, узнав, кто это, уставился на нее удивленным взглядом. Я видел перед собой боевого офицера с завидной выправкой.

— Боже мой! — только и мог я изречь в первые секунды. — Неужели это та девчушка, которая меня обманула?

Улыбнувшись, она ответила:

— Не только обманула, но и сдержала слово: искупила свою вину на фронте. — Она расстегнула шинель, и я увидел на ее гимнастерке боевые награды.

Но если о Печуро я не знал подробностей ее фронтовой жизни, то о Хромушиной было известно многое. В батальоне Галина задержалась ненадолго. Выяснилось, что эта 17-летняя девушка отлично владеет немецким языком. Это предопределило всю ее дальнейшую военную судьбу. После того как нашу дивизию перебросили на Северо-Западный фронт, Хромушину забрали в Политуправление фронта. Там и развернулись ее природные способности, можно сказать, талант. В хрупкой, миниатюрной девушке билось огромное горячее сердце, которое давало ей силы отправляться в глубокий тыл противника, вести нелегкую жизнь в лесах у партизан. Она участвовала во многих партизанских вылазках. Галина вела борьбу с фашистами на самых опасных участках фронта, составляла листовки и распространяла их среди солдат противника, подъезжала на автомашине непосредственно к передовым вражеским позициям и вела пропаганду по радио.

О подвигах Хромушиной писали много в газетах, журналах. Писали о ее удивительной отваге, самоотверженности. И все же, несмотря на многочисленные корреспонденции о ней, можно с уверенностью сказать: все то, что известно о делах Хромушиной, было лишь толикой содеянного ею в действительности. Она была очень скромна и чаще предпочитала не говорить о своей фронтовой работе.

В 1944 году из недавних военнослужащих вермахта, ставших слушателями Красногорской антифашистской школы, было создано движение «Свободная Германия». В том же году по ходатайству членов этого движения Главное политическое управление Советской Армии разрешило создать из состава слушателей школы две группы для заброски во вражеский тыл. Одну из них под кодовым названием «Группа 117»

возглавил Алексей Козлов. Его заместителем по работе среди войск противника была Галина Хромушина. В группу включили бывших немецких военнослужащих — антифашистов: штурмана Карла Ринагеля, пехотинца Феликса Шеффлера, сапера Гуго Барса. В группу вошли работник Коммунистического Интернационала молодежи Герберт Гейнчке и два советских радиста.

В ночь на 26 марта «Группа 117» была заброшена по воздуху под Барановичи в партизанский отряд Героя Советского Союза В. Е. Чернышева. Приземлились благополучно. Правда, партизаны, встречавшие десант, чуть было не открыли огонь по парашютистам, переговаривавшимся по-немецки.

Развернули типографию. Редакция, возглавляемая Хромушиной, приступила к работе. Составили и отпечатали первую листовку, посвященную целям и задачам движения «Свободная Германия».

«Группа 117» проводила огромную работу среди войск противника и оказала нам неоценимую помощь. Листовки, письма, написанные Хромушиной и отпечатанные в партизанской типографии, доставлялись регулярно и распространялись среди гитлеровских войск, дислоцированных в Барановичах, Молодечно и других населенных пунктах и районах Белоруссии.

«Душой группы,— вспоминает Шеффлер,— была Галина Хромушина, донская казачка, московская студентка, гвардии старший лейтенант».

В «Группе 117» Хромушина была литератором и переводчиком, пропагандистом и парламентаром. Она сама не раз и не два бесстрашно ходила на переговоры в отдельные разрозненные части и подразделения противника, которые попадали в окружение наших войск.

В этом хрупком на вид человеке были огромная

сила, неиссякаемая энергия и воля. Ее принципиальности можно было позавидовать. Случилась беда. Фронтового товарища, с которым бок о бок она воевала, которому верила, как себе, оклеветали. С какой настойчивостью и принципиальностью она отстаивала его! Галя была верна долгу настоящего советского гражданина и человека. Ее старания не пропали даром: доброе имя боевого друга было восстановлено.

Война пощадила Галину Хромушину. Она вернулась домой, многие годы работала в ТАССе, где вела большую и полезную творческую работу. Уцлев от многочисленных опасностей, оправившись от контузии и ран, Галя еще совсем молодой трагически ушла из жизни, оставив о себе добрую и долгую память у тех, кто ее знал.

Генерал Дудченко

Воинский путь Иллариона Ивановича Дудченко начался в 1933 году, хотя мысль об этом пути, может быть еще не полностью оформившаяся, появилась у него еще в детстве. Десять лет было Иллариону, когда на его глазах разыгралась трагедия, сделавшая его на много лет старше и предопределившая всю судьбу юноши.

Отец Дудченко, Иван Фомич, крестьянин-бедняк, был обременен многодетной семьей: десять ртов на одну девятину земли. В полуветхой хатенке на Уманщине росло восемь детей — пять сыновей и три дочки. Борщ, заправленный крохотным кусочком сала, разливался в две миски, которые окружало по пять едоков. Бедность выглядывала из всех углов.

Октябрьская революция возродила семью Ивана Дудченко. Он получил надел земли, корову, лошадей-

ку (вершина мечтаний!). Иван Фомич стал активным участником становления Советской власти на селе. На первом сходе его избрали председателем сельсовета.

В первые годы революции на Украине часто менялась власть. Кого только не было в городах и селах: и белогвардейцы, и различные банды, во главе которых стояли атаманы. Многого пришлось пережить Дудченко. Даже после окончания гражданской войны на Уманщине продолжали орудовать банды из местного кулачества. Они в те годы были самыми опасными врагами, потому что действовали исподтишка, нападали из-за угла.

А с семьей Дудченко у кулаков были особые счета. И продразверстка, и раскулачивание, и борьба с саботажем — все ложилось на плечи головы сельсовета и его двух старших сыновей — активистов ТОЗа (Товарищество по обработке земли) и Комнезама (организация малоземельных и безземельных крестьян).

В один из зимних вечеров 1921 года семья собралась ужинать. За стол уселись все. Вдруг с улицы донесся шум, женские крики. Тут же раздались выстрелы. Не успели опомниться, как из окон посыпались снопы огня. Выстрелы были направлены в первого председателя сельсовета. Иван Фомич свалился замертво. Испуганные ребятишки с криками бросились кто куда. Десятилетний Илларион оказался на печке и, прижавшись к стене, видел трагедию, разыгравшуюся в отчем доме. По хате, ворвавшись сквозь разбитые окна, загулял порывистый ветер. Обезумевшая от горя мать заметалась, не зная, что делать: то ли броситься к мужу, то ли спасти детей. Затолкала малышей в чулан, накрыла всяким тряпьем, чтобы не окоченели, и со старшим сыном попыталась подойти к свалившемуся на стол мужу. Но бандиты, следившие за тем, что происходит в хате, вновь открыли огонь.

Всю ночь бесчинствовала шайка оголтелых кулаков-бандитов. Только к утру одному из активистов удалось сообщить о случившемся командиру воинской части, расположенной в нескольких километрах от села. Большая часть банды была разгромлена.

Тридцать две пули пробили тело Ивана Фомича Дудченко, голова была отделена от туловища.

В селе организовали первые «красные похороны» с воинскими почестями. Все население провожало в последний путь председателя сельского Совета.

Вот тогда-то в сознании Лени (так его любовно звала мать) начала вырисовываться его будущая жизненная дорога. Дорога, избранная его отцом,— верное служение народу, причем на самом ответственном месте, беспощадная борьба с его врагами.

Этим объясняется то, что, отбыв положенный срок службы в армии, Дудченко остался сверхсрочником. Был старшиной роты, потом стал слушателем военного училища связи, командовал связистами. Но цель Иллариона была иная. Он мечтал об учебе в военной академии.

Настал счастливый день, когда старший лейтенант Дудченко сдал вступительные экзамены и был зачислен слушателем Академии имени М. В. Фрунзе.

Но не суждено было Иллариону штудировать военные науки долгие годы. Он закончил лишь второй курс, когда грянула война.

В 3-ю Московскую коммунистическую дивизию он прибыл в первый день ее формирования и был назначен начальником штаба полка. «Доучусь,— сказал Дудченко,— когда разобьем врага. А теперь драться, драться беспощадно, до тех пор, пока на нашей земле не останется ни одного фашиста».

...Батальоны полка заняли оборонительные рубежи на ближних подступах к Москве. Гитлеровские

полчища рвались к столице. Уже доносился рокот дальних разрывов снарядов, а в некоторых местах отчётливо была слышна артиллерийская канонада. Обстановка на передовой с каждым днем усложнялась.

Начались дни упорной учебы воинов и тяжелой работы по возведению оборонительных рубежей, устройству огневых позиций. Начальник штаба полка всегда находился среди бойцов. Высокий, стройный, атлетического сложения, всегда подтянутый, Дудченко неизменно появлялся то в одном, то в другом подразделении. Времени оставалось в обрез, надо было спешить. Начштаба никого не подгонял, никому ничего не внушал, а личным примером, взяв лопату или кирку в руки, показывал, как лучше и быстрее работать. И делал это с задором, с улыбкой на лице. Своей мягкостью, тактом и уважительным отношением к бойцам и командирам Дудченко сразу завоевал расположение и симпатию личного состава.

Илларион Иванович не имел опыта в руководстве такой частью, как полк. Должность начальника штаба полка была на несколько ступеней выше той, какую он занимал до ухода в академию, и ему приходилось одновременно и учить других, и учиться самому. Упорством, огромной волей, сознанием ответственности за дела, возложенные на него, он добился того, что в короткий срок смог освоить специфику работы, стал дельным начальником штаба полка и хорошим строевым командиром.

К тому времени, когда наша армия накопила силы для решительного сражения за Москву, подразделения полка Дудченко уже представляли солидную силу, способную наносить разящий удар по врагу. Стойкость советских воинов сокрушила гитлеровцев. Устилая заснеженные поля тысячами трупов, теряя техни-

ку, они бежали от столицы. В этом разгроме врага определенную роль сыграли и бойцы-добровольцы, подготовленные Дудченко.

В январе сорок второго был получен приказ о переброске части на Северо-Западный фронт. Дудченко не ограничивался простой передачей приказа командирам подразделений. Он их собирал, сообщал обстановку, разъяснял важность задачи, возлагавшейся на подразделения в связи с направлением части на прорыв ленинградской блокады.

В начале февраля 1942 года части дивизии прибыли к месту разгрузки. Предстоял тяжелый переход по бездорожью, по глубокому снегу, на порывистом ледяном ветру. Неутомимый Дудченко и на этом марше оставался верен своему стилю. Он все время находился в подразделениях, подбадривал людей. А в последний день марша, зная, что придется с ходу вступить в бой, проводил беседы с командирами и бойцами, объясняя, как вести себя в бою.

...Ранним хмурым утром подразделения двинулись в наступление.

Разведанные о противнике, его оборонительных сооружениях, огневых позициях были весьма скудными. Бои, как потом выяснилось, предстояли с отборными эсэсовскими частями, строившими оборонительную систему на протяжении десяти месяцев. Они цеплялись за каждый клочок земли. Но добровольцы, преодолевая упорное сопротивление врага, прогрызали его оборону и продвигались вперед.

В этих первых боях Дудченко пришлось вынести немалые испытания на прочность. Фашисты захватили тяжелораненого командира полка Кузнецова и комиссара Репина, бросившегося с группой смельчаков на выручку своего командира, и учинили над ними зверскую расправу.

Как ни тяжела потеря, Дудченко был не вправе растрачивать свои моральные силы на переживания. Ему приказали принять командование полком, благо он хорошо знал не только командиров батальонов, но и командиров рот и многих взводов.

Дивизионная газета «Вперед на Запад» в те дни писала: «Бойцы с ходу прорвали оборону противника и за два дня боя освободили несколько населенных пунктов. Наш путь был устлан сотнями трупов немецких солдат и офицеров. В самые трудные и опасные моменты Дудченко был среди бойцов и своим личным примером зажигал их, ведя в атаку».

В летние месяцы 1942 года подразделения Дудченко прорвались далеко вперед и вклинились в оборону противника. Однако враг, опомнившись, нанес ответный удар по флангу полка и начал теснить наших бойцов. Обстановка складывалась неблагоприятная.

Дудченко мобилизовал все свое хладнокровие, мужество, знание военного дела, смекалку. Оказавшись вблизи переднего края противника, в 60—80 метрах, понимая, что с оставшимися людьми ему не справиться с наседавшими превосходящими силами противника, Илларион Иванович прибег к хитрости. Бой был в лесистой местности. Заняв круговую оборону, Дудченко разбил людей на группы, отдал команду, чтобы по его сигналу все закричали «ура!». Сам лег за станковый пулемет. И вот по сигналу раздалось многоголосое «ура!». Противник, панически страшась рукопашной, дрогнул, и тут Илларион Иванович открыл губительный огонь из «максима». Свыше 30 гитлеровцев полегло от огня пулемета. Поднятые Дудченко бойцы врукопашную довершили разгром эсэсовцев.

Рядом с Дудченко находился заместитель секретаря партбюро полка Орлов. Вдохновленный действиями командира и бойцов, Орлов ворвался во вражеский дзот

и дал несколько очередей из автомата. Тяжело раненый в живот, он застрелил немецкого пулеметчика, схватил пулемет, принес его на наблюдательный пункт и свалился замертво.

Илларион Иванович, рассказывая об этом случае, говорил: «Многое видел в жизни. Однажды был свидетелем, как у соседа из рук вырвался петух с отрубленной головой и по инерции пробежал метров десять. Но то, что сделал Орлов, сверх человеческого разумения. Было такое впечатление, что он нес пулемет, будучи уже мертвым».

18 суток шли кровопролитные бои. Подразделения упорно и настойчиво, метр за метром продвигались вперед, очищая нашу землю от гитлеровцев.

К сожалению, потери с нашей стороны были также немалые. Но случались и примеры обратного порядка. У одного бойца в котелке оказалось семь пробоин, а он не получил ни одной царапины. Дудченко рассказывал, что в бою за деревню Сутоки у одного командира взвода вся шинель была изрешечена пулями и осколками. Сам же он остался цел и невредим.

Илларион Иванович любил чай. При нем всегда был термос с кипятком. Как-то после боя он хотел выпить чаю. Но термос был пустым, в нем оказалось несколько пробоин.

В один из дней Дудченко была поставлена задача вести наступление на Великушу. Обозначили на карте наблюдательный пункт командования дивизии.

Ведя сутки бой и узнав, что командование не заняло наблюдательный пункт, Дудченко решил пока воспользоваться им. Приблизившись к месту, предназначенному для НП, Илларион Иванович был приятно удивлен наличием нескольких сохранившихся блиндажей.

Однако, заняв один из них, Дудченко понял: произошло непоправимое. Оказалось, что группа немцев мирно пребывает в соседних блиндажах и даже не собирается их покидать. Вступить в поединок было бессмысленно: явное преимущество на стороне противника. Но вместе с тем и уйти уже не представлялось возможным. Дело решали секунды. Мозг командира работал лихорадочно. У бойцов имелись ручные и противотанковые гранаты, и можно было забросать ими дзот. Но тогда фашисты из соседних дзотов обрушились бы на горстку смельчаков и уничтожили ее. Дудченко подозвал адъютанта и сказал ему одно слово: «Валяй». Тот все понял. Он выбрался из дзота и ползком начал пробираться через лесную чащу к своим за помощью. Ему повезло. На полпути он наткнулся на замаскированный танк разведбата с бойцами. Группа разведчиков, не медля, бросилась на выручку комполка. Удар был настолько неожиданным и мощным, что гитлеровцы с криками «партизанен!» бежали. Но немногим удалось спастись. Десятки трупов остались лежать вокруг блиндажей. Группе Дудченко удалось захватить пленных, среди которых оказались и младшие командиры и офицеры.

Главное же состояло в том, что у противника был отвоеван сильно укрепленный рубеж. Он потерял свыше полутора сот солдат и офицеров, много оружия. Наше подразделение потерь не имело.

За образцовое выполнение приказов командования, проявленные мужество и отвагу Илларион Иванович Дудченко, пришедший в 3-ю Московскую коммунистическую дивизию в октябре 1941 года старшим лейтенантом, к марту 1943 года был повышен в звании до гвардии полковника. На груди его сверкали ордена Красного Знамени и Красной Звезды.

Нелепый до обидного случай прервал боевой путь

**Группа командного состава
одного из батальонов
3-й Московской
коммунистической дивизии.
Второй слева —
Г. Д. Елисаветский**

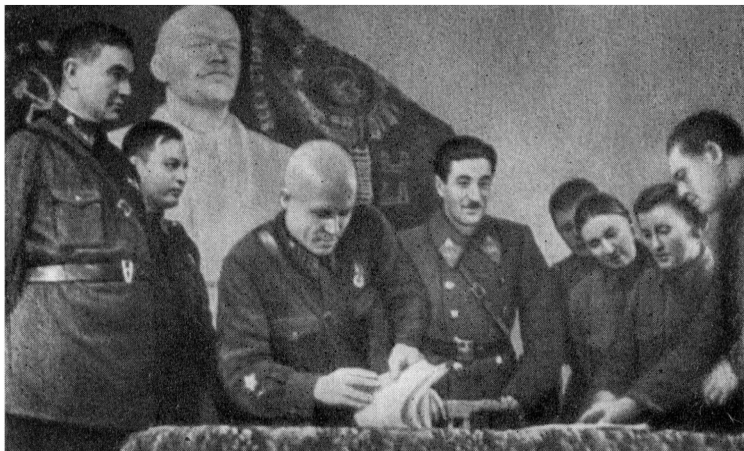
Ф. В. Бахирев

Г. И. Толстошев

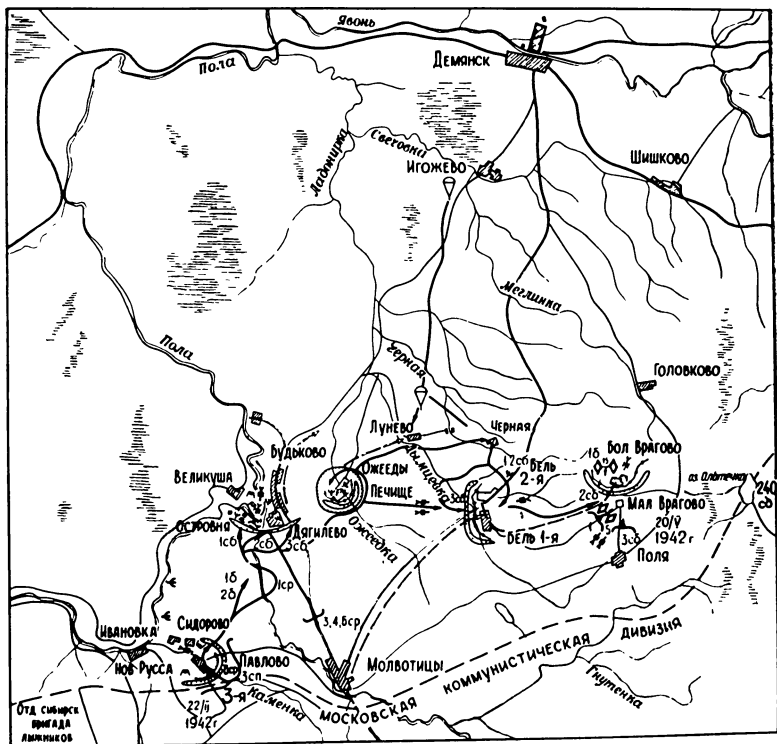

**Наталья Ковшова
и Мария Поливанова
(на первом плане)
среди однополчан. 1942 г.**

Командир 3-й Московской дивизии Н. П. Анисимов (крайний слева), начподив К. А. Бирюков (второй слева) и комиссар А. П. Лазарев (третий слева) при вручении партийных билетов молодым коммунистам соединения

А. Е. Халин

**Схема боевых действий
3-й Московской дивизии
на Северо-Западном фронте**

**Разведчики 3-го полка дивизии,
взявшие первого в части
«языка»**

П. М. Пшеничный

Е. А. Равинский

М. Л. Злотина

З. Ганиева

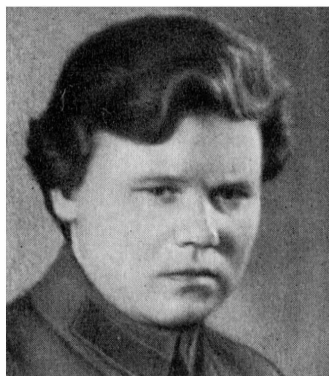
В. С. Ханчин

К. А. Бирюков

И. И. Дудченко

Е. Е. Миронова

**Группа политработников
дивизии. Во втором ряду
крайний справа — А. Полетаев**

М. Л. Иберштейн

Г. Н. Войтинский

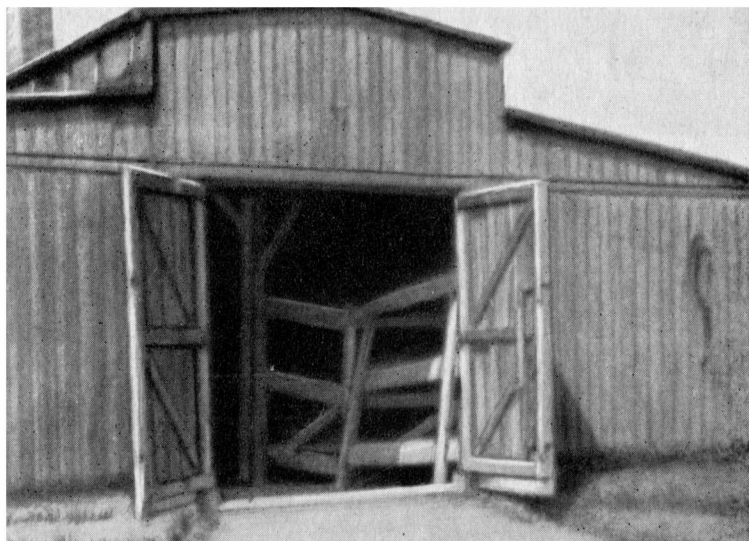
**Группа офицеров части,
освобождавшей Освенцим**

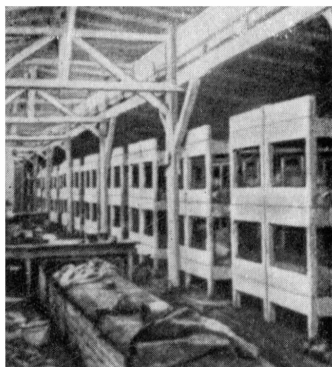
Е. Ф. Бусалов

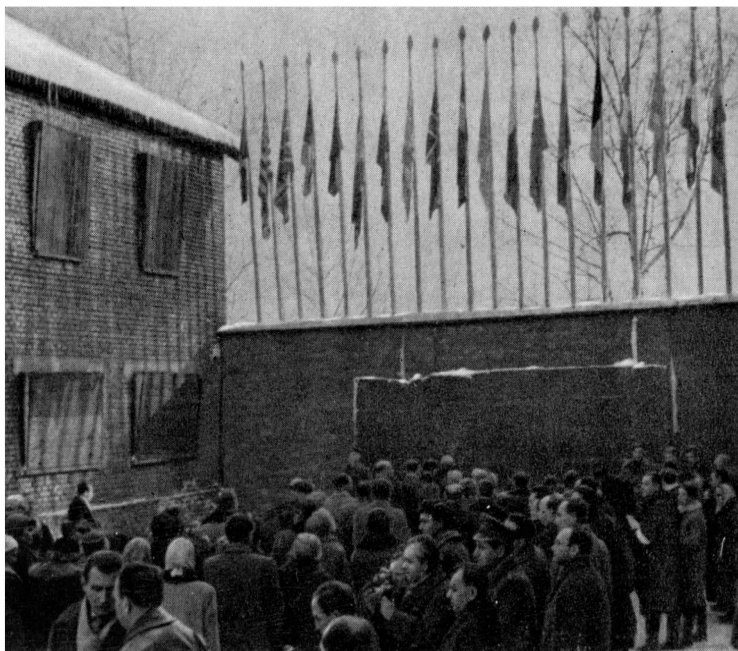
**Надпись на воротах бывшего
концентрационного лагеря
в Освенциме:
«Arbeit macht frei»
(«Работа делает свободным»)**

**Вход в один из барачков
концлагеря**

Внутренний вид барака

**Посетители осматривают
«стену смерти»**

**Мемориальная плита на месте
захоронения погибших
в Освенциме**

**Манифестация на территории
бывшего концлагеря**

Г. Д. Елисаветский

**Ветераны дивизии среди
школьников Молвотицкого
района Новгородской области**

этого мужественного, незаурядных способностей офицера. Во время испытания новой пушки на танке Дудченко был ранен, потерял слух и зрение. В тяжелом состоянии его эвакуировали в тыловой госпиталь.

Во многом благодаря воле и мужеству Иллариону Ивановичу удалось оправиться от контузии, хотя зрение и слух полностью так и не восстановились. Кажется, у него один путь — увольнение из армии по инвалидности.

Но не таков был Дудченко. Борьба за активное место в жизни, нежелание мириться с участью инвалида войны помогли ему вернуться к избранной им раз и навсегда профессии.

Илларион Иванович добился, чтобы его оставили в кадрах армии. Он был направлен на работу в одно из управлений Наркомата обороны. Дудченко сумел убедить руководство в своей перспективности как военспеца. Ему предложили готовиться для поступления в Академию Генштаба, слушателем которой он вскоре и стал.

После окончания учебы Дудченко командовал дивизией, а потом был назначен заместителем начальника курсов «Выстрел» по переподготовке и усовершенствованию знаний офицерского состава.

Совсем недавно Илларион Иванович Дудченко в звании генерал-майора ушел в запас. Но его кипучая, жизнедеятельная натура и теперь не знает покоя. Он избран заместителем председателя совета ветеранов 3-й Московской коммунистической дивизии. Участвует в различных международных встречах ветеранов войны, часто читает лекции, ведет активную общественную работу.

Начподив

Одним из решающих факторов, предопределивших успешные боевые действия и окончательную победу над врагом, было партийно-политическое обеспечение военных операций.

С первых дней Великой Отечественной Центральный Комитет партии перестроил всю идейно-политическую работу применительно к условиям военного времени. Были созданы новые организации массовой информации и пропаганды. 24 июня 1941 года было образовано Советское информационное бюро, постоянно оповещавшее наш народ о действиях частей и соединений армии на фронтах и событиях в тылу. Решением ЦК ВКП(б) 17 октября были созданы политотделы МТС и совхозов. Понадобилась огромная армия агитационно-пропагандистских кадров, для подготовки которых при крайкомах и обкомах партии в конце октября 1941 года были организованы краткосрочные курсы по повышению теоретических знаний этой категории работников.

Проводилась огромная разъяснительная работа о сущности Отечественной войны, ее характерных особенностях.

О масштабах этой работы говорят такие цифры. Только во второй половине 1941 года в Московской области было прочитано на эти темы 31 700 лекций с охватом свыше 1,6 миллиона человек, а в 1942 году — более 100 тысяч лекций. Помимо лекций и бесед проводились массовые антифашистские митинги.

Но главной заботой Центрального Комитета партии являлась армия, подбор партийно-политического аппарата для нее.

В 3-ю Московскую коммунистическую дивизию был направлен комиссаром А. П. Лазарев, опытный пар-

тийный работник, а на должность начальника политотдела дивизии — Константин Александрович Бирюков, замечательный человек, прекрасный организатор, завоевавший всеобщее уважение и любовь. Он умело подобрал аппарат политотдела и сумел с первых минут целенаправленно поставить дело воспитания волевых качеств личного состава.

В политотделе дивизии работали люди, имена которых остались в памяти многих однополчан навсегда. Такие, как, например, инструктор по пропаганде А. Ф. Жидкова, в прошлом преподаватель Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). Она почти не бывала в политотделе. Если нужна была Жидкова, ее можно было разыскать в батальоне, роте, на батарее. Анна не знала личной жизни, отказывала себе в отдыхе. Всем сердцем она привязалась к бойцам и любила их, как родных сыновей. И они платили ей тем же. В дивизии был сформирован учебный лыжный батальон, и комиссаром его назначили Анну Жидкову. Она понимала, что ей предстоят тяжкие испытания. Состав батальона был подобран из молодых, физически выносливых бойцов. Она была намного старше их и все же настояла на назначении ее комиссаром. Жидкова на занятиях всегда находилась среди бойцов. После тренировочных переходов, когда даже бойцы едва держались на ногах от усталости, Анна, не щадя своих сил, проводила читки газет, беседы, подбадривала личный состав. В бою Жидкова появлялась в самых опасных местах, проявляла мужество и отвагу. В разгар одного из боев была ранена наводчица-пулеметчица. Невесть откуда взявшаяся Анна заняла ее место, и пулемет продолжал посылать свои смертоносные огненные очереди. Дважды раненная, она продолжала вести стрельбу по вражеским цепям. Анна Жидкова, комиссар батальона, человек необыкновенной души,

прекратила стрельбу только тогда, когда ее голова, пробитая вражеской пулей, бессильно упала на пулемет, а ладони все еще сжимали рукоятки «максима».

К работе в политотделе дивизии Константин Александрович Бирюков привлек Наума Марковича Анцеловича, в прошлом министра лесной и бумажной промышленности СССР, члена партии с 1905 года. Он был немолод, но еще полон сил и энергии. Анцелович полюбился бойцам, видевшим его всегда на передовых позициях. Один из батальонов вел тяжелые бои, неся большие потери, и создавалась угроза оставления занятых позиций. Узнав об этом, Анцелович обратился к начальнику политотдела дивизии с настоятельной просьбой — направить его в тот батальон. Просьба старого коммуниста была удовлетворена. Анцелович, появившись среди бойцов под ураганным неприятельским огнем, личным примером поднял боевой дух людей, вселил в них веру в успех схватки и добился коренного перелома в обстановке.

Четыре «акависела» — так называли себя студенты Академии коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской Бирюков, Киверин, Ханчин и Грибков. Более десяти лет не виделись они с той поры, когда учились в академии, готовились к занятиям и с душевным трепетом направлялись в экзаменаторам. Судьбе было угодно свести их в 3-й Московской коммунистической дивизии, причем всех в политотделе. Но встретились они не в октябре сорок первого под Москвой, а в апреле сорок второго на Северо-Западном фронте, в районе Молвотиц. К тому времени Ханчин, например,

уже успел побывать пулеметчиком, затем комиссаром батальона, а в подиве был старшим инструктором.

Политико-воспитательная работа, организованная Бирюковым, велась повседневно с неослабевающим энтузиазмом: на марше, при сосредоточении подразделений на исходных позициях, в траншеях в ходе боя. В последние минуты перед решающим боем, когда все уже были готовы к схватке с врагом, вдруг вновь появлялся обеспокоенный парторг подразделения, проходил по траншее, разъясняя обстановку, а комсорг напоминал еще раз комсомольцам об их обязанностях. Тут же политрук Голованов обращался к командирам отделений и агитаторам взводов и еще раз напоминал им об их ведущей роли.

Константин Александрович был противником шаблонных форм политработы. Все, от агитатора отделения до инструктора политотдела дивизии, стремились разнообразить работу по морально-политическому воспитанию воинов, не пренебрегая, кстати сказать, и хорошим солдатским юмором. Веселая шутка, острое словцо, прибаутка, сказанные к месту, иной раз имели несравненно более действенный эффект, чем сухая беседа. А какое огромное значение имели приятные звуки гармошки или баяна, снимавшие всякую усталость после боя или тяжелого перехода!

Константина Александровича Бирюкова отличала еще одна особенность. Он всегда предпочитал узнавать о делах подразделений и частей не через кого-то, а лично сам, все видеть своими глазами. Его часто можно было встретить на наблюдательных и командных пунктах полков. А во время тяжелых боев за Малое и Большое Врагово, когда подразделения несли большие потери, на передовую вдруг приползли (пройти нельзя было) начподив и его помощник по комсомолу Константин Силохин. Увидев их на наблюдательном

пункте батальона и поняв намерение пробраться в одну из рот, я как командир части попытался воспрепятствовать этому. Но Бирюков и слушать не хотел, пополз в боевые порядки и поднял подразделение в атаку. Бойцы и командиры, увидев Бирюкова и Силохина, вдохновленные их примером, выбили противника из траншей первой линии обороны.

Случаев, когда политработники наряду с тем, что проводили агитационно-воспитательные мероприятия, и сами являли образцы храбрости и отваги, было немало.

В боях за Великушу погиб политрук танкового подразделения Митин. Его заменил заместитель комиссара полка А. Сидоров. А когда в разгар боя получил ранение командир роты, Сидоров заменил и его. Вели бой за деревню Дубровку. Из строя вышли командир и политрук роты, командование ротой принял на себя комиссар полка Я. Дымов, оказавшийся в боевых порядках подразделения. В решающий момент он поднял бойцов в атаку, и в рукопашной схватке была одержана победа.

Выше уже было сказано о пристальном внимании к нашей дивизии со стороны партийной организации и общественности столицы. Бирюков, понимая, какое значение имеет для бойцов живое слово старых большевиков, соратников В. И. Ленина, постоянно поддерживал с ними связь, организовывал их общение с личным составом дивизии. В период тяжелых боев в февральские дни 1943 года к воинам соединения обратились с теплым, сердечным словом ветераны партии Е. Д. Стасова, З. Я. Литвин-Седой, И. И. Чернышев, М. С. Соيفер, П. И. Воеводин. Они призывали москвичей-добровольцев быть верными последователями традиций революционеров-ленинцев, громить беспощадно агрессоров.

Большая агитационно-пропагандистская работа осуществлялась по отношению к немецким солдатам. Инструктор политотдела П. Грибков вспоминал:

— Агитация немецких солдат велась по радио. Из репродукторов неслись слова призыва к войскам противника. Солдатам рассказывали о действительном положении на фронтах, на конкретных фактах зверств и бесчинств гестапо и СС раскрывали истинное лицо фашизма, характер агрессии против Советского Союза и других стран. Эти беседы давали немалый эффект.

Гитлеровское командование было крайне встревожено такими выступлениями, разлагавшими их войска и способствовавшими их поражению в боях. Обеспокоенные подобными радиопередачами, немецкие офицеры спешно бросали солдат в бой, лишь бы только отвлечь их от передач.

Приближалась первая годовщина дивизии — 15 октября 1942 года. Начподиву Бирюкову пришла мысль отметить эту дату как-то особо, и он решил установить непосредственно у неприятельских траншей большие агитплакаты на немецком языке.

Но как это осуществить? Для начальника политотдела, знавшего хорошо бойцов, которые обладали нужными для такого дела качествами, это не было неразрешимой проблемой.

Бирюков вызвал к себе бойца Солумбекова, недавно принятого кандидатом в члены партии. У Солумбекова была одна незаурядная способность — он мог тихо и незаметно подбираться к самым траншеям противника. Участвуя в поисковых разведывательных операциях, Солумбеков не раз благодаря этим способностям добивался успеха. Ему Константин Александрович поручил установить агитплакаты. Задание Солумбеков выполнил безукоризненно.

Гитлеровцы всполошились, попытались снять плакаты. Но эти попытки пресекались снайперскими выстрелами наших бойцов. Фашисты открыли огонь по плакатам, но безуспешно. Тогда начали подползать к плакатам отдельные вражеские солдаты. Все они не достигали цели. Зато боевые счета наших снайперов увеличивались.

Хочется рассказать еще об одной задумке начальника политотдела дивизии.

Раненого бойца или командира вытаскивали с поля боя в тяжелом состоянии, оказывали первую медпомощь и эвакуировали. В госпитале, как только раненый приходил в себя, он обнаруживал рядом листок с отпечатанным на нем типографским способом текстом. В нем были слова глубокого сочувствия и приглашение после выздоровления вернуться в родную часть, к своим боевым друзьям, с которыми раненый вместе сражался против фашистских захватчиков. Внизу текста стояла подпись все того же вездесущего и заботливого начподива Бирюкова.

Общение с людьми, обширная переписка с воинами, выбывшими из части по ранению, с трудящимися занимали большое место в работе Константина Александровича. С ним советовались, просили о помощи, рассказывали о наболевшем.

Семья сержанта Филатова нуждалась в помощи. Бирюков принял участие в ее судьбе. И жене воина была предоставлена квартира, выделен земельный участок под огород.

Во время эвакуации в тыл эшелон с женщинами и детьми попал под бомбежку. В числе погибших была и жена разведчика Ясенко. О судьбе двух детей, мальчика и девочки, находившихся с матерью в поезде, никто ничего не знал. Вновь начподив проявил отече-

скую заботу. Детей разыскали и поместили в интернат. Мальчика определили в школу.

Из огромного количества писем, поступавших в адрес Бирюкова, приведу только несколько.

Научный работник А. Сидоров писал: «Уважаемый Константин Александрович! Вчера, 10 февраля, состоялась защита моей диссертации на тему «Экономика России в период войны 1914—1918 годов». Оппоненты оценили работу лучше, чем можно было ожидать. Мой небольшой военный опыт в дивизии помог понять и почувствовать некоторые вопросы глубже и яснее». В другом письме А. Сидоров сообщал: «Дело идет к юбилею дивизии... Сейчас главное — написать книгу об обороне Москвы. Если придется возвращаться — поеду в свою дивизию».

Владимир Иванов, сын профессора Московского пединститута, был добровольцем 3-й коммунистической. В одном из первых боев Владимир погиб смертью храбрых. В ответ на сообщение об этой тяжелой утрате отец его, Сергей Леонидович, написал Бирюкову: «Велико мое горе... Смерть Володи внесла перелом в моей жизни и моем сознании. Я решил связать свою судьбу с судьбой партии Ленина. Я иду на смену Володе, чтобы бить фашистов на том фронте, куда меня направят».

Чувства признательности и глубокого уважения к политотделу и его руководителю наилучшим образом выразил офицер А. Ф. Лободюченко. После лечения в госпитале его направили в другую часть, откуда он прислал Бирюкову письмо: «Прошло полтора месяца, как я живу вне нашей боевой единицы, и до сих пор не отвыкну, да, вероятно, не отвыкну никогда от нее... Такой замечательный подбор людей, такой высокий уровень политсостава и так хорошо поставленная по-

литработа выгодно отличают Вас от остальных. Особенно чувствую я это сейчас».

Стихла канонада войны, люди вернулись к мирному труду. Константин Александрович Бирюков тоже сменил меч на орало. Но он не мог жить без боевых соратников, не мыслил жизни без заботы о людях, без тесного общения с ними. До последних дней своей жизни Константин Александрович неизменно избирался председателем совета ветеранов дивизии. Забота о нуждах бывших воинов и помощь им были основой деятельности Бирюкова. Сочетал он это с большой и полезной работой по военно-патриотическому воспитанию молодежи и школьников. Он собрал и обработал большой архивный материал о боевом пути дивизии, о славных делах ее воинов.

И теперь, как и в военные годы, благодарные люди нередко выражали свои чувства в письмах к Константину Александровичу. С ним делили и радости и печаль. Вот строки из письма курсанта военного училища, обращенные к Бирюкову: «Получил от Вас поздравление со вступлением в партию. Признаюсь, лучших поздравлений у меня не было. Его я буду помнить всю жизнь. Мой отец защищал Родину: Его уже нет в живых, я его не помню. Мама поздравила меня со вступлением в партию. Ваше же поздравление хочется считать отцовским».

Из обширной корреспонденции приведу еще одно письмо — от Марии Сергеевны Румянцевой, матери двух сыновей-добровольцев, погибших в боях за Павлово Молволицкого района. Уйдя на пенсию, Мария Сергеевна поселилась в этой деревне, решив посвятить остаток своей жизни уходу за могилами воинов, похороненных в здешних местах. Однажды она нашла в лесу могилу воинов, погребенных в 1942 году. В письме к Константину Александровичу Румянцева сооб-

шила о находке и просила дать знать местным органам власти, чтобы помогли поставить ограду на этой могиле. Вмешательство Бирюкова помогло. У Марии Сергеевны прибавилось хлопот по уходу еще за одной могилой.

У многих в памяти еще свежи события Великой Отечественной войны, многие помнят замечательных людей, с которыми бок о бок сражались за отчизну. И все же так уж устроена человеческая память, что из множества имен, с которыми ты был связан в годы тяжелых испытаний, она сохраняет те, которые оставили в ней наиболее глубокий след. Для меня таким именем остается Константин Александрович Бирюков, с молодых лет связавший свою жизнь с Коммунистической партией и прошедший вместе с ней славный путь. С 1934 года Бирюков был на партийной работе: помощник секретаря Ждановского райкома партии Москвы, затем секретарь Бурято-Монгольского обкома партии по пропаганде, депутат Верховного Совета автономной республики. С 1954 года Константин Александрович, здоровье которого было подорвано войной, становится персональным пенсионером союзного значения. В 1964 году в возрасте 59 лет от нас ушел навсегда этот замечательный друг и товарищ, человек большой душевной красоты. И ушел он из жизни внезапно, как бы в награду за все хорошее, сделанное им для людей, без мук и страданий. Он сидел за столом со стаканом чая в руке, когда перестало биться его сердце.

На Преображенском кладбище возвышается памятник Бирюкову с надписью: «От друзей и товарищей». Поставлен он фронтовыми соратниками Бирюкова, ветеранами дивизии, в память о самом близком и дорогом человеке.

Их имена бессмертны

*Стране отдадим не обрывки
сердца,
А всю полноценность жизни
и смерти.*

Микола Бажан

Петр Митрофанович Пшеничный был по возрасту самым старшим из командиров полков. На груди его сверкал орден Красного Знамени, полученный еще в годы гражданской войны.

Жизненный путь Петра Митрофановича не был устан розами. На его долю выпали тяготы первой мировой войны. Прямо из окопов империалистической он ушел на гражданскую. Там он был и рядовым бойцом, и комиссаром, и командиром части. Демобилизовавшись из Красной Армии, Петр Митрофанович занимал различные руководящие хозяйственные должности. Великая Отечественная застала его на должности начальника главка одного из наркоматов СССР.

В октябре 1941 года Пшеничный имел возможность эвакуироваться с наркоматом. Однако, услышав о призыве актива московских большевиков — всем стать на защиту столицы, он решил, что его место там, в боевом строю людей, сражавшихся с фашистами, и вступил добровольно в Коммунистический батальон.

Пшеничный в период гражданской войны занимал в Красной Армии высокие должности. Но это не мешало скромному большевику при формировании 3-й Московской коммунистической дивизии согласиться пойти помощником начальника штаба полка. А когда при укомплектовании подразделений соединения потребовался командир батальона, Пшеничный согласился занять это место.

Принял Петр Митрофанович первый батальон 3-го

полка, стал знакомиться с личным составом. Среди добровольцев выделялся Евгений Иберштейн, инженер одного из столичных заводов, прибывший с большой группой сослуживцев, тоже решивших стать добровольцами. Товарищи звали его Женей. Иберштейн был офицером запаса, имел хорошую военную подготовку, и его назначили командиром взвода. Он сразу взялся за усиленное обучение бойцов, которые раньше не держали в руках винтовки. Но не этим одним выделялся Женя. Главным качеством этого коммуниста была его неуспокоенность, постоянный поиск нового в деле подготовки бойцов.

Бойцы Иберштейна успешно овладели оружием и техникой стрельбы из него. Но командир был озабочен не только этим. Его мозг лихорадочно работал над изобретением чего-то такого, что сделало бы винтовку более грозным оружием. Он изобрел гранату, приводимую в действие выстрелом из винтовки. На стволе винтовки устанавливалась специальная насадка, в которую помещалась граната. Выстрелом пуля разбивала капсулу гранаты и придавала ей движение по траектории. Командиры, присутствовавшие на испытании изобретения, были довольны и одобрили новое оружие. Однако автора не удовлетворили результаты попадания в цель, и он начал совершенствовать свое «детиче». Иберштейн лишился покоя. Он создал своеобразную походную лабораторию, в которой испытывал насадку, придумывая все новые и новые варианты.

Между тем обстановка на позициях все больше усложнялась, времени для работы над изобретением не было, и Иберштейн скрепя сердце вынужден был свернуть «лабораторию».

Все это совпало с приходом в батальон Петра Митрофановича Пшеничного. Иберштейн сразу понравился новому комбату, который заинтересовался его

делами. Прошло некоторое время, и Петр Митрофанович взял Женю на должность начальника штаба батальона. Иберштейн проявил себя способным штабистом. И между этими двумя командирами установились исключительно теплые, товарищеские отношения: они нашли не только общий деловой язык, но и подружились, хотя по возрасту Иберштейн годился Пшеничному в сыновья.

Петр Митрофанович, по натуре немногословный, на первый взгляд казался даже суровым. В действительности же это был хотя строгий и требовательный, но большой души человек.

Был такой случай. Повар опоздал с приготовлением завтрака, и Пшеничный в наказание направил его в стрелковое подразделение, чтобы тот испытал, каково находиться в окопе на пустой желудок. Наряду с этим Петр Митрофанович проявлял сердечную, почти отеческую заботу и беспокойство о писаре штаба Лидии Божевской. Лида все время рвалась на передовую. Она не могла смириться с мыслью, что ее подруги воюют, а она сидит в «тылу», то бишь в штабе, писарем. Не раз Петр Митрофанович по-отцовски разъяснял ей, что каждый боец, что бы он ни делал, участвует в войне. Но Божевская не успокаивалась. Попасть на передовую стало ее заветной мечтой.

Будучи вообще дисциплинированной и исполнительницей, Божевская однажды, в нарушение указаний командира, появилась в разгар боя в самом опасном месте и стала оказывать помощь раненым. Надо было видеть Петра Митрофановича в тот момент, когда он узнал, что Лида «пошла воевать».

— Немедленно доставить ее на НП,— приказал Пшеничный.

Пока «доставляли» Божевскую, командир несколько успокоился. Увидев Лиду, он строго начал ей вы-

говаривать. Но вид ее, этой хрупкой девчушки, стоявшей навтыжку перед командиром, с наивной непосредственностью и искренностью спрашивавшей: «А что я такого плохого сделала?» — обезоружил его. А когда Лида сказала: «Сандружинниц мало, а я все-таки оказала помощь нескольким бойцам», Пшеничный как-то совсем не по-военному, с отцовской сердечностью произнес:

— Ты же еще ребенок, у тебя никакого опыта нет. Лезешь в самое пекло, куда девушкам запрещено. Так ведь можно и погибнуть без надобности. А вообще-то ты молодчина, Лидуха!

Божевская сквозь слезы произнесла:

— Спасибо вам, дорогой Петр Митрофанович.— И, спохватившись, что обратилась не по уставу, добавила: — Извините, товарищ командир.— И выбежала из землянки.

— Какая золотая молодежь у нас! — сказал Пшеничный, улыбнувшись.

Такую же отеческую заботу и внимание проявлял Петр Митрофанович и в отношении Жени Иберштейна. Тот привязался к Пшеничному, как к родному отцу. Когда Пшеничного в январе 1942 года назначили командиром полка, он взял себе адъютантом Иберштейна. Адъютант оберегал своего командира, заботился о нем больше, чем о себе.

Дивизия находилась на Северо-Западном фронте. Шли бои с демянской группировкой противника. В ходе этих боев полк Пшеничного наступал на один из населенных пунктов. 16 марта 1942 года он был отбит, гитлеровцы огрызались за околицей деревни.

Командир полка, находившийся всегда в гуще боя, и на этот раз решил вынести свой наблюдательный пункт на высотку, расположенную как раз за околицей освобожденной деревни. Пшеничный с группой

штабных офицеров и автоматчиков шел по деревне в направлении наблюдательного пункта. Неожиданно из-за укрытия появились несколько эсэсовцев и открыли огонь из автоматов. Прежде чем наши успели осознать происшедшее, Иберштейн, мгновенно совершив невероятный прыжок, оказался впереди командира полка, загородив его своим телом. Автоматчики и командиры бросились на эсэсовцев и уничтожили их. А Иберштейн, прошив автоматной очередью, упал замертво. Спасая жизнь любимого командира, он, не задумываясь, отдал свою.

Подвиг Иберштейна был естественным результатом его воспитания, его мировоззрения, проявлением подлинного патриотизма.

Родился Иберштейн в 1912 году на Украине в бедной многодетной семье. Трудовую жизнь начал рано; надо было помогать своим. Женя окончил семь классов, потом машиностроительный техникум, был командирован на новосибирский завод «Сибсельмаш». Там работал мастером, потом начальником цеха. Одновременно продолжал учебу. Получив диплом инженера, Женя был направлен на один из московских заводов конструктором, где вел также большую комсомольскую работу.

Вся жизнь Иберштейна проходила в постоянном поиске. Он мечтал об авиации. Ему страстно хотелось научиться летать, и он поступил в аэроклуб. Со свойственной ему увлеченностью Женя взялся за овладение летным мастерством. Глубоко и серьезно изучил материальную часть самолета, теорию пилотирования и практику полета. Настал счастливый день, когда Иберштейн сел за штурвал. Пусть сзади сидит инструктор и зорко следит за действиями курсанта, но все же молодой летчик испытывает истинное счастье, он парит над подмосковными полями и лесами.

Начавшаяся война помешала Иберштейну закончить курс в аэроклубе и стать профессиональным летчиком. В грозные октябрьские дни 1941 года он ушел добровольно в армию.

Женя безгранично любил свою мать. Она была для него дороже жизни. Мать тоже любила своего сына и всячески старалась уберечь его от излишних переживаний.

Случилось так, что Иберштейну выпало пережить личную драму. Находясь на передовой, он узнал, что жена его оставила и сошлась с другим человеком. Родные Евгения, в особенности мать, были очень обеспокоены случившимся. Они знали, что он сильно любил свою жену, и в письмах к нему осторожно подготавливали к неприятному известию, чтобы удар не был неожиданным и не ошеломил его. Однако оказалось, что Иберштейн уже в курсе случившегося. Он в свою очередь начал успокаивать родных. Его письма к ним пронизаны подлинным патриотизмом, чувством высокого долга верного сына любимой Родины, для которого благополучие ее превышает личных переживаний. Вот строки из фронтового письма Иберштейна: «Дорогие, не думайте, что я продолжаю переживать. У меня сейчас более серьезные заботы. Я посвятил себя более важным делам — защите Родины. У меня сейчас любимые бойцы, а я их любимый командир. Последним я очень горжусь».

Таким Иберштейн остался в памяти тех, кто его знал.

Петр Митрофанович очень переживал гибель своего любимого адъютанта, спасшего ему жизнь. Эта смерть сразу состарила Пшеничного на несколько лет. В течение долгого времени он, обращаясь к своему новому адъютанту, называл его Женей и, как бы спохватившись, отводил взор, полный горечи и печали.

Пшеничный был из тех командиров, которые всегда и везде находились на переднем крае, в гуще бойцов. Организуют поисковую разведгруппу по захвату «языка» — Пшеничный среди разведчиков, беседует с каждым из них, лично проверяет план операции, вносит коррективы, вместе с разведчиками в течение нескольких дней изучает местность, подступы к окопам противника и т. п. Идет тяжелый бой, людей не оторвать от земли — как вдруг появляется Пшеничный и поднимает бойцов в атаку. О смелости, отчаянных поступках Петра Митрофановича складывали легенды. Говорили, что он заколдован от вражеской пули. Шутники острили: «Костлявая боится приблизиться к Пшеничному на пушечный выстрел. А кроме нее кто осмелится его тронуть?»

Многие месяцы после гибели Иберштейна Пшеничный, командуя полком, водил людей в бой, поднимал в атаки и только однажды был ранен в руку. Какой источник сил был у этого, уже тогда пожилого человека, когда он, например, смог поднять вверх раненую, окровавленную руку и повести за собой вперед бойцов. Тот, кто это видел, помнит до сих пор. Орденом Ленина был отмечен его ратный подвиг.

Жарким летним днем оборвалась жизнь замечательного товарища, настоящего большевика-ленинца. И произошло это при немыслимых обстоятельствах. Отгремел успешно закончившийся для нас бой. Из землянки вышла группа офицеров подышать свежим воздухом. Петр Митрофанович сел на какой-то пенек, вокруг расположились командиры, курили и слушали рассказ Пшеничного о чем-то из периода гражданской войны. Все увлеклись, временами рассказ прерывали хохотом, и вдруг... Как-то на полуслове Пшеничный замолк. Вначале даже не поняли, в чем дело. Все взоры были обращены на него. А он неподвижно сидел

с остановившимся взглядом. Только через несколько секунд товарищи увидели тоненькую струйку крови, стекавшую по его лицу из-под пилотки. Крохотный осколок мины, неведь откуда прилетевший, оборвал жизнь отважного командира.

Служил в полку Пшеничного лейтенант Борис Гороховский. Он не был добровольцем Коммунистического батальона. В 21 год он уже считался обстрелянным воином. Прибыл Гороховский в батальон в ноябре 1941 года на должность начальника штаба из госпиталя после ранения. С первых дней стал своим человеком. Общительность и непосредственность сразу сблизили его со всем личным составом. Он был строг и требователен к себе и людям. Вместе с тем его строгая требовательность выражалась в таких мягких тонах, что Гороховский вскоре стал любимцем бойцов батальона. Он обладал чувством юмора. Вспоминается такой случай.

Некоторое время мы ощущали недостаток в фураже. Рацион для лошадей был уменьшен. О недостатке фуража знали все, и в том числе командование полка и дивизии. Гороховский очень любил лошадей и сильно переживал за них. Он не раз кормил лошадей своей дневной порцией хлеба. Да что там своя пайка? Для него не составляло труда собирать кусочки хлеба, оставшиеся после бойцов, и относить лошадям.

Однажды в конюшню пришел комиссар полка и застал там начальника штаба батальона. Комиссар в повышенном тоне начал выговаривать Гороховскому, «страдавшему» возле лошадей, почему, мол, лошади стоят, понуриив головы, почему нет корма.

Лейтенант невозмутимо ответил:

— Почему кони не кормлены, товарищ комиссар,

вы должны знать. А вот почему они понуро смотрят, так в этом моя вина. С утра читаю им газеты, провожу разъяснительную работу о причине отсутствия фуража, а они смотрят на меня так, словно говорят: «Чем заниматься болтовней, лучше бы дал хоть кллок сена или, на худой конец, соломы, а уж без овса как-нибудь обойдемся».

Комиссар оценил юмор. Не сказав ни слова, он удалился.

Была у Бориса и более серьезная привязанность: станковый пулемет. Гороховский не любил сидеть в штабе. Он всегда был на рубеже, среди людей. Особая дружба связывала Бориса с пулеметчиками. Не раз просил он перевести его туда, хотя бы командиром взвода. Надо сказать, что стрелял из станкового пулемета Борис превосходно.

В один из дней батальон вел тяжелый бой. Противник оказывал отчаянное сопротивление. Его огонь был настолько интенсивен, что о продвижении не могло быть и речи.

Стрелковой роте, с приданным ей станко-пулеметным взводом, был отдан приказ обойти противника и ударить во фланг. Задача представлялась очень трудной. Люди ползли по глубокому снегу, тащили на себе тяжелые пулеметы и боеприпасы. Несмотря на трескучий мороз, все были мокрые от пота. И все же, приложив огромные усилия, бойцы роты достигли цели.

Как это нередко случалось на фронте, фланг противника не был защищен, и неожиданное появление там наших бойцов вызвало в его рядах замешательство, которым мы тут же воспользовались. Но когда под перекрестным пулеметным огнем враг дрогнул и начал было пятиться, один из пулеметов вдруг замолк. Вражеские минометы накрыли огневые позиции пулеметчиков и вывели из строя расчеты. Вслед за

первым перестал стрелять и второй пулемет. Создалось крайне тяжелое положение. Наше наступление стало захлебываться.

И тут в самый критический момент, когда казалось, что вот-вот фашисты начнут теснить наших бойцов, оба пулемета снова заговорили. Причем создалось впечатление, что стрельба ведется не из двух пулеметов, а по меньшей мере из четырех. Это оказалось неожиданностью для неприятеля. Он был убежден, что к нам подошло подкрепление.

Враг начал зарываться в землю. Наши бойцы с криком «ура!» атаковали его. Бой был выигран. Мы овладели сильно укрепленным рубежом.

Потом узнали, что в решающий момент боя пулемет «оживил» неизвестно как оказавшийся там начальник штаба батальона Борис Гороховский. Он маневрировал, перетаскивая пулемет с места на место, стреляя из него, чем создавал видимость множества огневых позиций.

Радость победы омрачило известие о том, что у пулемета нашли Гороховского с тяжелым ранением в живот. Были приняты все меры к его спасению. Начальника штаба немедленно доставили в полевой госпиталь. Когда я туда приехал, Гороховский был в полном сознании, даже пытался шутить. Врачи же сказали мне, что он безнадежен и оперировать его невозможно. Свою обреченность понимал и Борис. Я всячески подбадривал его, говорил, что мы еще вместе повоюем и что я буду посаженным отцом на его свадьбе. А он с грустью отвечал:

— Нет, товарищ комбат, это был мой последний бой.

Через несколько минут он скончался.

О Гороховском и Иберштейне можно сказать словами поэта Майорова: «Вы в книгах прочитаете, как

миф, о людях, что ушли, не долюбив, не докурив последней папиросы».

Они ушли из жизни еще комсомольцами, но и сегодня живет в наших сердцах светлый образ этих патриотов, отдавших отчизне свою жизнь.

Первый «язык»

Евгений Бусалов был человеком сугубо мирной профессии — инженером управления Наркомата авиационной промышленности. Он никогда не предполагал, что все в корне изменится и что придется делать что-то совсем иное, необычное. Война ошеломила Бусалова, как и многих его сверстников. Первым, естественным его порывом было встать на защиту родной земли.

В военкомате пыл Евгения остудили; он был «забронирован», и ему сказали, чтобы продолжал свою работу. Тогда он обратился в райком партии, но заведующий отделом сказал то же самое, пообещав при первой надобности вспомнить о нем.

А пока что Бусалову поручили организовать местную противовоздушную оборону. И он взялся за дело активно.

...В один из октябрьских дней 1941 года раздался телефонный звонок. Бусалова вызывали к секретарю райкома партии. В кабинете сидели еще два человека: заведующий отделом и незнакомый средних лет мужчина в кожаной куртке. Секретарь райкома в нескольких словах объяснил обстановку, сказал о том, что формируется рабочий Коммунистический батальон для защиты Москвы, что командиром его назначается Кисин (он указал на незнакомца), а ему, Бусалову, предлагают быть помощником командира. Евгений, не за-

думываясь, дал согласие и стал добровольцем Коммунистического батальона Октябрьского района Москвы. Вместе с Бусаловым в подразделении оказались профессор А. Л. Сидоров, работник райкома партии, коммунист с дореволюционным стажем Алексеев, заместитель председателя Комитета по радиовещанию Г. И. Стуков и многие другие.

Недолго Бусалов пребывал в той должности. После формирования полков начальник штаба части, в которую вошел батальон Октябрьского района, майор Кориченков обратил внимание на Бусалова, сделавшего необычное. Вооружения в подразделениях не хватало. В те дни к Москве двигались разрозненные группы наших солдат, вышедших из окружения, с материальной частью. Евгений задержал четыре артиллерийских расчета с пушками и снарядами и доложил начальнику штаба полка, что задержанных им артиллеристов можно зачислить в полк. Кориченкову понравилась инициатива Евгения, он спросил: «А вы-то кто?» — и, получив ответ, предложил Бусалову пойти на должность помощника начальника штаба полка по тылу. Евгений дал согласие и перешел на новую работу.

Дел было непочатый край. Следовало позаботиться об обеспечении полка вооружением, обмундированием, снаряжением. А опыта-то никакого. Бусалов, как и все в те дни, на ходу познавал и осваивал свои новые обязанности. К счастью, майор Кориченков был образованным офицером, прекрасно знал штабную работу, и Бусалову было у кого учиться.

Несколько месяцев Бусалов трудился, не зная ни сна, ни покоя.

...Подразделения вели бои уже на Северо-Западном фронте. Были первые неудачные атаки 1-го полка, трагическая гибель его командира и комиссара. Овладение деревней Павлово было поручено 3-му полку.

В бой вступило два батальона. После интенсивной огневой обработки переднего края противника, которая оказалась для него неожиданной, бойцы одного из подразделений ворвались в Павлово и начали теснить немцев. Одновременно второй батальон атаквал на стыке деревень Павлово и Сидорово, с тем чтобы отрезать путь отступления гитлеровцам. Опомившись, враг открыл ураганный огонь по второй роте, наступавшей на правом фланге. Бойцы залегли. По приказу командира полка майора Пшеничного артдивизион Бастакова начал обстрел огневых точек немцев. Однако сразу не удалось их подавить. Рота несла большие потери. Командир батальона, пытавшийся поднять ее в атаку, был ранен. И тогда Пшеничный сам направился в роту и повел людей вперед. Евгений Бусалов потом рассказывал об этом бое: «Невозможно забыть, как высокого роста человек в длинной шинели, с наганом в поднятой вверх руке, а рядом с ним грузноватый помощник начальника штаба повели за собой людей. Я все время наблюдал за ними в сорока — пятидесяти метрах. Бойцы поднялись и с дружным криком «ура!» бросились врукопашную. Но вот рука Пшеничного, простреленная, опустилась как плеть. Ряды бойцов редели под пулями врага. Однако оставшиеся в строю продолжали идти вперед и ворвались в боевые порядки немцев. Вражеские солдаты не выдержали и отступили по направлению к деревне Сидорово, оставив на поле боя множество трупов».

Два батальона во взаимодействии с приданными огневыми средствами, несмотря на яростное сопротивление фашистов, выбили их из деревень Павлово и Сидорово и заставили отступить в район Дягилева.

Развивая наступление, наши подразделения с ходу заняли деревню Бутылкино. Удар был настолько стремительным и неожиданным, что противник побро-

сал все и бежал. В Бутылкине был разгромлен штаб полка, захвачено много трофеев. В складах помимо продовольствия и предметов вещевого снабжения оказалось много ранцев немецких солдат. Они были забиты вещами, награбленными фашистами у мирных советских жителей.

Нелегко было Бусалову в Бутылкине. Подразделения продолжали преследовать противника, а ему следовало организовать оборону. В его распоряжении не было боевых подразделений, и пришлось организовать оборону силами тыловиков. Враг предпринимал яростные попытки вернуть себе деревню. Но москвичи, хотя и тыловики, держались стойко. Противник, неся большие потери, непрерывно атаковал, но безуспешно. Деревня осталась в наших руках. В этом бою погиб Стуков, прекрасный политработник и верный товарищ.

Весной 1942 года наша дивизия оказалась в районе деревень Малое и Большое Врагово. Обстановка новая, незнакомая. О противнике было известно только по разведориентировке штаба армии. По существу, никаких подробностей. С такими данными нельзя было предпринимать никаких действий. Круглосуточным наблюдением установили, что противник производит какие-то передвижения и перегруппировки войск. Но с какой целью это делается, что он готовит, не было известно. Не сомневались, что враг что-то замышляет. Но что? Командованию удалось выяснить причины встревоженности немцев: те узнали, что против них стоят добровольцы-москвичи. Мы строили всяческие предположения, но и с ними нельзя было идти в бой. Нужны точные данные. А они добываются, как правило, при помощи «языка».

Несмотря на то что Бусалов проявлял способности к штабной работе, все же он тяготился своей долж-

ностью ПНШ-3. Ему казалось, что он должен делать гораздо больше. Мечтой Евгения была разведка. Но его не отпускали из штаба. Евгений часто делился своими сокровенными мечтами с помощником начштаба по оперативной части, ПНШ-1,— Камышевым.

Шло совещание у командира полка, на котором обсуждали вопрос об усилении разведвзвода, об организации поиска и захвата «языка». Но на кого возложить это ответственное поручение? Слова попросил старший лейтенант Камышев. Выказав глубокое понимание серьезности и ответственности задачи, он сказал, что подходящей кандидатурой для руководства поиском считает Евгения Бусалова.

Вначале командир полка отнесся к этому резко отрицательно:

— У Бусалова своих забот хватает, это не его дело.— Но потом, выслушав мнение других, обратился к Бусалову: — А ты сам как думаешь?

Что мог ответить Евгений, мечтавший об этой счастливой минуте? Конечно, он был рад пойти в разведку.

На том и порешили.

Бусалов начал готовиться к поиску. С помощью работников штаба составили план операции: следовало подобрать надежных людей, необходимое вооружение, изучить наиболее вероятные подходы, поведение противника, время для проведения поиска и т. д.

Бусалов отправился в разведвзвод с намерением сформировать группу по принципу добровольности. Командир взвода Петров поддержал эту идею. Сам же Евгений, как он потом признался, побаивался: а пойдут ли за ним добровольно? Не возникнет ли сомнение у людей в его способностях? Он все же ПНШ по тылу. Сомнения его были рассеяны, как только перед строем объявили о добровольном наборе в поиск. Весь взвод пожелал пойти за «языком». У Бусалова возникло но-

вое затруднение: кого отобрать, чтобы не ранить самолюбие бойцов? Особенно сложно было решить в отношении разведчицы Сони Кулешовой, этой боевой, смелой девушки. Не зная о качествах Кулешовой, на вид слабой девчушки, Бусалов сомневался в ее способностях участвовать в таком деле и осторожно сказал ей об этом. Реакция возмущения ее была столь бурной, что Бусалов поначалу даже растерялся. Руководитель разведгруппы не знал тогда, что Соня Кулешова до прихода в Коммунистический батальон была комсомольским вожаком на Московском химическом заводе, где работала лаборанткой. Соня и здесь, среди разведчиков, выделялась активностью, смелостью, находчивостью. Кулешову зачислили в поисковую группу. А Бусалов ушел от разведчиков с твердой уверенностью в успехе дела.

Приступили к наблюдению за передним краем: выискивали наиболее вероятные подходы, изучали повадки вражеских солдат, устанавливали время смены боевого охранения. Бусалов понимал, что ему предстоит иметь дело с опытным врагом, которого надо будет перехитрить. Противник занимал господствующие высоты, на которых установил пулеметы, минометы и артиллерию, соорудил сеть дзотов и дотов. Все подходы простреливались вдоль и поперек.

На третий день наблюдений засекали точное время смены постов на переднем крае — 2 часа ночи. К этому моменту был окончательно определен объект захвата — дзот, расположенный западнее деревни Малое Врагово. В самом населенном пункте целыми остались один амбар и около десятка ветхих домов.

План поиска, предложенный Бусаловым, был отвергнут командиром полка на том основании, что раньше дважды избирали этот дзот объектом захвата и оба раза план проваливался. Однако после под-

робного изучения предложения Бусалова и сопоставления с другими вариантами командир полка все же принял его.

Был построен макет такого же дзота с учетом местности, и началась тренировка разведчиков. Отрабатывалась каждая деталь операции. Особо тщательно отрабатывали действия групп захвата и боевого обеспечения. В ходе тренировки выявилась надобность еще в одном связисте с телефонным аппаратом, которого и включили в одну из групп боевого обеспечения. Группу же захвата увеличили на одного сапера с миноискателем. Артиллеристам была поставлена задача открыть огонь одновременно с началом поиска и преградить путь подкреплению противника к избранному разведчиками дзоту.

Наконец все готово. Накануне дали отдохнуть бойцам. Им надо было как следует выспаться. Лег и Бусалов. Он-то больше всех выбился из сил. Но сон не шел. Мозг лихорадочно работал: а все ли учтено, не допущен ли просчет? Больше всего Бусалов был обеспокоен необычностью операции. Удар наметили нанести в момент смены боевого охранения, когда солдаты противника займутся приемом и сдачей огневых точек и будут не столь бдительны. Инстинкт самосохранения, вызванный внезапным артиллерийским шквалом, заставит их укрыться. Все это в сочетании с неожиданностью нападения на объект в принципе должно было обеспечить успех дела. Но что окажется на практике? Вопрос не давал покоя Бусалову, и он не мог уснуть.

Евгений вышел из землянки. Июньская ночь была тихая, спокойная. Только изредка над лесом появлялись сполохи немецких осветительных ракет и слышались одиночные выстрелы на переднем крае обороны. В этой почти пугающей тишине раздался голос часо-

вого, охранявшего штаб полка: «Стой! Кто идет?» Он на время отвлек мысли Бусалова. Только теперь Евгений обратил внимание, что за бессонными раздумьями время пролетело незаметно и операция вот-вот должна начаться.

Разведчиков построили. Командир полка Петр Митрофанович Пшеничный пришел их проводить. Он обнял Бусалова, коротко напутствовал: «Желаю успеха». И группа отправилась в сложный и опасный путь.

До переднего края было километр-полтора. Шли молча. Как будто все было высказано, все сделано, и теперь осталось самое главное: успешно провести поиск, вернуться без потерь, но с «языком».

На исходной позиции уже ждали артиллеристы, связист с катушкой за спиной и телефонным аппаратом, сапер с миноискателем.

Бусалов собрал командиров групп, проверил, все ли у них готово. Он напомнил еще раз разведчикам об ответственности и высоком долге каждого бойца, о помощи друг другу.

...Впереди группы захвата сапер с миноискателем. Он прокладывал путь. Далее небольшим уступом шли две группы боевого обеспечения — одна справа, вторая слева. Они должны были выдвинуться и занять намеченные позиции.

Путь к объекту операции — дзоту пролегал через заболоченную низину, которая затем разветвлялась на два коротких рукава. Сам дзот был расположен у разветвления, на господствующей над местностью высоте. Он имел три амбразуры, в каждой из них торчало дуло пулемета.

Идти было неимоверно трудно, ноги вязли в болотной жиже. Шли гуськом. И вдруг неприятность. Сапер шепотом доложил: «Отказал миноискатель».

У руководителя появилась недобрая мысль: отка-

зал миноискатель или сапер? Раздумывать не было времени, и сапера вернули обратно.

Теперь уже в качестве «миноискателя» действовал сам Бусалов. Он пошел впереди, рядом с ним Соня Кулешова, а за ними старший сержант Казаков и остальные.

Враг молчал. Перед самым дзотом разведчики выбрались на сухое место и пошли в обход его. Перебрались через траншею, идущую вправо от дзота, и оказались в тылу противника. Повернули налево и снова наткнулись на траншею, она тянулась из дзота в глубь обороны немцев. Траншея была глубиной по плечо и в два следа шириной. Бусалов и Кулешова пошли по ней в направлении к дзоту, а разведчики группы захвата двинулись за ними поверху.

Внезапно Бусалов услышал звуки губной гармошки и громкий смех, раздававшиеся из дзота. У входа в него, прикрытого одеялом, по бокам лежали ящики с патронами, ручной пулемет, видимо запасной, и автоматы без кассет.

Бусалов подал команду на немецком языке: «Сдавайтесь Красной Армии!» В дзоте воцарилась тишина. Бусалов повторил команду. Вновь молчание. В этот момент сверху появилась рука с пистолетом, но фашист тут же был прошит автоматной очередью нашего разведчика. Рука повисла над входом в дзот, а пистолет упал на землю.

Дзот оказался двухэтажным. Наверху были установлены пулеметы, а внизу отдыхали расчеты.

Немцы продолжали безмолвствовать. Тогда Бусалов бросил гранату. Грохот взрыва слился со стонами гитлеровцев. Появился на четвереньках немецкий солдат с белым окровавленным платком. Вид его был жалкий.

Захватив пленного, разведчики в нарушение указа-

ния возвращаться тем же путем, каким двигались на поиск, пошли по верхней дороге и наткнулись на минное поле. Взрывом мины был ранен Казаков. Пленный бросился бежать к своим, но выстрелом Казакова был убит.

Между тем у дзота остались Бусалов и Кулешова. Вскоре появился второй фашист, а за ним еще двое; один был ранен в ногу. Двое попытались убежать по траншее. Очередью из автомата Бусалов одного убил, а второго взял в плен. Потом при допросе пленных выяснилось, что в дзоте было семь гитлеровцев. Пятерых разведчики уничтожили, а двух пленили. Соня с гранатой в руке повела одного из них, огромного роста детину, а Бусалов должен был вести раненого. Но так как тот не мог идти, Евгений взвалил его на себя и понес. Перед уходом Бусалов на всякий случай метнул в дзот противотанковую гранату.

Кулешова шла впереди, а Бусалов сзади. До него только долетали звуки голоса Сони, подгонявшей фашиста: «Шнель... Рехтс... Линкс...» Бусалов стал отставать, и вскоре уже не слышал голоса Кулешовой.

Шли по той же заболоченной дороге. Ноги вязли в жиже почти по колени. Бусалов оказался в тяжелом положении. Он чувствовал, что с каждой минутой устает все больше и больше. Похоже было, что и немец обратил на это внимание. Улучив момент, когда Бусалов замешкался, гитлеровец сделал попытку сорвать автомат, висевший на груди у Евгения. Собрав последние силы, разведчик сбросил с себя пленного, вырвал у него из рук свой автомат и прикладом нанес ему удар. Тот потерял сознание. Бусалов встревожился, не убил ли он фашиста. Было бы обидно с таким риском добыть «языка» и вдруг у самой цели потерять его. И тогда он решил: хоть мертвого, но дотащить гитлеровца до своих. Взвалив его на себя, Бусалов вновь

двинулся по болоту. В это время фашисты, узнав о случившемся, открыли огонь из минометов и пулеметов. Мины рвались со всех сторон. К счастью, стрельба велась не прицельно, и все обошлось благополучно.

В один из моментов Бусалов почувствовал, что пленный ожил. У него отлегло от сердца: все же несет живого «языка».

Долгое отсутствие руководителя операции встревожило командира разведвзвода Петрова, и он послал трех бойцов на поиск Бусалова. Они пришли вовремя. Услыхав приближение людей, Евгений окликнул их. К этому моменту он совершенно обессилел. Как только разведчики подошли, последние силы покинули Бусалова, и он упал, потеряв сознание.

Бусалова и пленного на носилках принесли в часть. «Языки», доставленные разведчиками, на допросе быстро заговорили и дали ценные показания.

Соня была первой в соединении девушкой, приведшей «языка», и она первая удостоилась ордена Красного Знамени. Такую же награду получил и Бусалов.

Ныне Евгений Федорович Бусалов полон сил и энергии, продолжает трудиться. Он доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой института.

И стар и млад

Личный состав Коммунистического батальона Фрунзенского района Москвы состоял из людей разных профессий, различного образовательного ценза, характера работы и пр. И внешне они тоже были разные. Но всех их без исключения объединяла одна цель — громить захватчиков. Поэтому никто не гнушался никакой работы. Любое назначение принималось безропотно и выполнялось безупречно.

Аркадий Полетаев, в прошлом редактор газеты «Комсомольская правда», был назначен политруком первой роты Коммунистического батальона Фрунзенского района. Рота заняла рубеж обороны в районе Нахабина и являлась передовым отрядом дивизии. Политруку приходилось денно и ночью находиться в боевых порядках. Это требовало неимоверного напряжения нервов и сил, которых, надо сказать, у Полетаева было не в избытке. Вскоре после назначения Аркадия выяснилось, что воинское звание его, в котором он состоял в запасе, было несравненно выше политрука роты и его нельзя было оставлять на этой должности. Когда Полетаеву об этом сказали, он решительно заявил, что никуда из роты не уйдет. Он не поддавался никаким уговорам и требованиям. Расстался Полетаев со своей ротой только после разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, когда дивизию перебросили на Северо-Западный фронт. Его отозвали в политотдел соединения, где он был назначен ответственным редактором дивизионной газеты.

В этой должности он закончил войну и вернулся к своей мирной профессии. Кроме того, вел большую воспитательную работу среди молодежи. Несколько лет назад мы похоронили этого скромного, всеми уважаемого патриота, коммуниста-воина.

Однажды, вернувшись с комиссаром батальона Бахиревым с оборонительного рубежа, уставшие и промерзшие, мы зашли в избу, где был размещен штаб батальона. Дневальный мыл пол и недостаточно четко доложил по уставу. Я сделал ему замечание. Он смутился и стал извиняться уже совсем не по-военному. Федор Васильевич, знавший мою требовательность, понял, что я готов наказать бойца. Он мягко и незамет-

но тронул меня за рукав и увел в штаб, где с лукавой усмешкой спросил:

— А знаете ли вы, товарищ комбат, кто сегодня дневальный?

— Неважно кто. В любом случае дневальный — это солдат, — ответил я в сердцах, — а значит, и службу должен нести по-солдатски.

А комиссар как ни в чем не бывало продолжал:

— Между прочим, дневалит сегодня солдат, но только солдат этот — профессор, доктор наук Войтинский. Кстати, ваш тезка — Григорий.

Я удивленно посмотрел на Бахирева, не шутит ли он. Никак не ожидал, что в батальоне в качестве простого бойца может служить профессор.

Через некоторое время я пригласил дневального и завел с ним разговор о том, что ему как ученому следует взяться за другое, более нужное дело, что он может принести несравненно большую пользу на своей работе и т. д.

Но Войтинский был неумолим. Он тактично, однако довольно решительно заявил:

— Пока Москва находится в опасности, я никуда из роты не уйду. У меня военной специальности нет, но обязанности рядового бойца освою и защищать Москву буду не хуже других. А что касается моего нерадивого поступка, то накажите меня, но не лишайте самого святого для меня в данное время.

В конце ноября и начале декабря 1941 года были такие морозы, от которых, как тогда шутили, «все внутренности промерзают». По ночам, когда мы с комиссаром или начальником штаба проверяли боевое охранение, то с большим удовлетворением отмечали стойкость и выносливость бойцов. Эти же качества проявлял и Войтинский, в то время уже немолодой и не слишком крепкий физически человек. Он был такой,

как и все, словно родился и вырос в этой дружной фронтовой семье.

Несколько позже стали известны некоторые подробности из прошлого бойца Г. Н. Войтинского. Член Коммунистической партии с 1918 года, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой, Войтинский был известным ученым, автором монографии по истории Коммунистической партии Китая. Он прошел славный путь крупного партийного работника. Был представителем Коминтерна в Коммунистических партиях Китая и Японии.

Немало труда было затрачено, чтобы убедить Войтинского хотя бы переселиться из землянки в дом.

— Где все бойцы, там буду и я,— неизменно отвечал он.

Только после разгрома гитлеровцев под Москвой с трудом удалось уговорить Войтинского, как и ему подобных, вернуться к их прежним занятиям.

Был среди нас совсем молодой боец комсомолец Николай Фельдман. Весной 1941 года он перешел в 10-й класс. Ему еще не исполнилось семнадцати лет. Каникулы Коля проводил в пионерском лагере, где был вожатым. Там его и застало сообщение о войне. Николай поторопился вернуться домой. Отец Коли, старый большевик, участник гражданской войны, с первого дня нападения агрессоров начал добиваться зачисления его в армию и отправки на фронт. Ни выполняемая им работа, ни состояние здоровья не позволяли ему этого. Пытался уйти на фронт и Коля, но препятствием был возраст.

В октябре 1941 года, когда фашисты рвались к Москве, Фельдман-старший с сыном пришли в Коммунистический батальон.

При формировании подразделений Николай попросил, чтобы его взяли в разведчики. На вопрос, как он смотрит на намерения сына, Фельдман-старший ответил:

— Николай — взрослый парень. Он счел своим долгом пойти защищать Родину, не спрашивая моего мнения. Я его не только не порицаю за это, но еще больше уважаю. В какой роли он будет бороться против гитлеровцев, не имеет значения. Если он чувствует себя способным быть разведчиком, ну что же, так тому и быть. Думаю, что он станет служить, как положено комсомольцу.

Николая зачислили разведчиком. Экипировался он не совсем обычно: на ремне у него появилась финка, шапку носил чуть-чуть набекрень, не нарушая, однако, устава. Стал серьезным, малоразговорчивым — паренек преобразился, напуская на себя взрослость.

Когда получили задание произвести разведку боем, Николай первым попросил, чтобы его включили в группу смельчаков.

Разведгруппа направилась на выполнение задания, Коля был рядом с командиром. Он оказался участником операции, давшей совершенно неожиданные результаты. Разведчики наткнулись на подразделение противника и с помощью подошедшего подкрепления разгромили его. Свыше 50 гитлеровцев было уничтожено, разведчики захватили большие трофеи.

Коля все время рвался в самые опасные места. Командир же сдерживал пыл юноши. В какой-то момент, в разгар боя, он упустил Колю из виду. Воспользовавшись этим, тот подался за «языком», ему очень хотелось захватить вражеского офицера. Но горячность подвела его. Коля с криком «хенде хох!» поднялся в полный рост, держа над головой гранату, и в этот момент его сразила очередь из автомата.

А разведчики уже охотились за тем офицером, на которого бросился Коля, они обложили его и с минуты на минуту должны были схватить. Автоматная очередь фашистского солдата, выпущенная по юноше, была последней в его жизни. Разведчики истребили всю вражескую группу и захватили-таки «языка».

Коля Фельдман пал как смелый воин, так и не дожив до совершеннолетия.

Среди добровольцев была старая коммунистка С. Захарина. На передовой она не могла бы находиться ни по возрасту, ни по состоянию здоровья. Ей предложили уйти из батальона, но она ни за что не соглашалась, и по ее просьбе была зачислена поваром. Захарина, как родная мать, заботилась о бойцах батальона. Не было случая, чтобы она не накормила их горячей пищей. Везде, даже в самой опасной обстановке, видели пожилую, несколько грузноватую женщину на походной кухне, рядом с ездovým.

Вернувшись с фронта домой, Захарина до последних дней своей жизни вела большую военно-патриотическую работу.

Ее дочь Тамара, пришедшая в батальон вместе с ней, была сандружинницей, оказывала помощь раненым на поле боя. После войны Тамара окончила институт и ныне работает в Москве врачом.

В одной из нотариальных контор столицы трудится Екатерина Евдокимовна Миронова, женщина средних лет, привлекающая внимание своей приветливостью, тактом по отношению к посетителям. Она сидит за окошком и часто вместо того, чтобы послать посетителя, обратившегося не по адресу, к другому нотариусу,

поднимается и идет сама. И тогда только люди видят, что у женщины нет поги. Но никто не знает обстоятельств, при которых Екатерина Евдокимовна стала инвалидом.

А случилось это в одном из боев, в котором тогда еще совсем юная комсомолка Катя Миронова проявила мужество и бесстрашие. Она стреляла из автомата, оказывала медицинскую помощь раненым, вытаскивала их с поля боя. И многие из нас тогда удивлялись, как она успевала делать так много в труднейших боевых условиях.

Катя Миронова, доброволец нашего Коммунистического батальона, после ранения, уже как инвалид войны, получила юридическое образование и стала в строй бойцов мирного фронта.

Семья добровольцев

В дни, когда формировался наш батальон Фрунзенского района Москвы, никто, конечно, не запомнил момента прихода в подразделение скромной, невысокого роста женщины, которая разговаривала так тихо, что это казалось шепотом. То была Мария Мстиславская, коммунистка с 1932 года, мать двух девушек-комсомолок — 17-летней Людмилы и 19-летней Зинаиды. Мать и дочери решили стать добровольцами.

На второй или третий день формирования батальона, когда я пришел в санвзвод, мне рассказали о Марии Мстиславской и ее дочерях как об очень исполнительных, добросовестных сандружинницах. Вначале даже не верилось, что Марии перевалило за сорок и что у нее две взрослые дочери. На вид ей можно было дать лет тридцать. При обращении к ней лицо ее от

застенчивости покрывалось румянцем, и она опускала глаза.

Мне казалось, что такое ее поведение вызвано робостью перед комбатом. В батальоне с первого дня пошла молва, что комбат очень строг, до придирчивости требователен к подчиненным. Помню такой случай. По улице шли девушки санвзвода. Увидев меня с комиссаром, они бросились в сторону, намереваясь спрятаться за дом. Одна из них поскользнулась и упала. Комиссар поспешил помочь ей встать, но она попросила:

— Не надо меня поднимать, пока командир не пройдет. У меня нехорошо заправлена шинель.

Припоминаю, что комиссар, смеясь, говорил:

— Ну и нагнали вы на них страху.

Так вот, поведение Мстиславской я тогда тоже отнес за счет ее робости передо мной.

Много раз встречались мы с Мстиславской на фронте и после войны в Москве. И надо признать, что тогда в батальоне я ошибался. Не моя строгость скрывала Мстиславскую, а черты ее характера — скромность и застенчивость были всему причиной.

Девушки были под стать матери: тихие, скромные, трудолюбивые.

При ближайшем знакомстве выяснилось, что у Марии Мстиславской всего четверо детей. В октябрьские дни 1941 года, когда начали формировать коммунистические батальоны, Мстиславская отправила со своей сестрой в тыл двух сыновей — тринадцатилетнего Феликса и четырехлетнего Алика, а с дочерью пошла защищать родной город.

Зинаида пришла в батальон с третьего курса училища имени Баумана. Она была почти инженером. В батальоне пробыла недолго. Зинаиду по ее просьбе

направили в артполк, где она проходила службу до последних дней своей жизни.

В августе 1943 года шли тяжелые бои за один из населенных пунктов. Артиллеристы со своими боевыми расчетами сопровождали пехоту. Вместе с ними шла Зинаида Мстиславская, готовя расчетные данные для наводчиков.

В разгар боя, когда ряды воинов начали заметно редеть и каждый старался заменить погибшего или раненого, Зинаида, не отставая от артиллеристов, подносила снаряды, была наводчиком, командиром расчета и даже оказывала раненым помощь. Получив сама ранение, она не покинула поля боя. Прямое попадание снаряда в артрасчет оборвало жизнь этой отважной комсомолки.

Людмила Мстиславская, закончив в 1940 году десять классов, поступила на биологический факультет МГУ. Студенткой первого курса она пришла в Коммунистический батальон. Вначале была сандружинницей, а потом стала санинструктором. На фронте во время боя трудно было провести грань между обязанностями сандружинницы и санинструктора, в особенности если эти обязанности выполняла Людмила. Ее всегда видели на передовой позиции, в самых опасных местах и именно там, где оказывались тяжелораненые.

Труд сандружинниц, как известно, очень тяжел. Они перевязывали раненых на поле боя, вытаскивали их в укрытия. Бывало, удивляешься: как это может хрупкая, маломощная девчушка вытащить на себе из-под пуль и снарядов раненого бойца, который вдвое тяжелее ее! Много раз приходилось спрашивать этих незаметных героинь, сколько они вытащили раненых с поля боя сегодня. И всегда следовал неизменный ответ: «Да кто их считал?»

В июле 1942 года наш полк вел ожесточенную схватку с врагом. Почти сутки Людмила Мстиславская не покидала поле боя. Она перевязывала раненых, многих из них вынесла из-под огня противника. Трудно было поверить, что такое под силу 18-летней девушке. По-разному рассказывали об этом бое: кто говорил, что Людмила вынесла с поля боя 20 человек, а кто — больше. Любопытно, что сама Людмила не верила рассказам очевидцев, считая, что она не могла бы этого сделать. Из этого боя она вынесла сандружинницу Марию Злотину, о которой уже было рассказано.

Из одного такого боя в марте 1944 года саму Людмилу вынесли тяжелораненую.

Многое испытала на фронте Мария Мстиславская — мать отважных Зинаиды и Людмилы. До войны она была председателем районного комитета Общества Красного Креста и Красного Полумесяца. Имея среднее медицинское образование, Мстиславская стала санинструктором полковой медчасти. Всегда находилась на переднем крае, оказывала первую помощь раненым. Не счесть бойцов и командиров, которым она спасла жизнь.

В августе 1942 года наша дивизия вела бои с частями 16-й армии противника. В ходе этих боев положение противоборствующих сторон менялось, как в калейдоскопе. Мы окружали отдельные группы гитлеровцев, на некоторых участках им удавалось прорываться и создавать угрозу окружения одному из наших подразделений. Обстановка осложнялась тем, что бои велись в лесистой местности и часто в ночное время.

В этих боях Мария Мстиславская с группой бойцов попала в окружение. Завязался ожесточенный неравный бой. Очевидцы этого боя рассказывали, что робкая, застенчивая Мстиславская преобразилась; она

одинаково ловко действовала, стреляя из автомата и бросая в гитлеровцев гранаты. Не удалось тогда Мстиславской вернуться в свою часть. Прорвав кольцо окружения, она с группой бойцов и командиров пробралась к партизанам. До конца войны Мстиславская сражалась в одном из партизанских соединений. В ее фронтовой жизни за этот отрезок времени было многое: и вылазки, и диверсии, и тяжелые бои. И всегда она с честью выполняла все задания.

А в это время далеко в тылу назревали другие события. Сын Мстиславской Феликс вначале узнал о том, что мать не вернулась с поля боя (тогда еще никто не знал, что Мария попала к партизанам), а позже, в 1943 году, о гибели старшей сестры, Зинаиды. И вот 16-летний комсомолец стал обивать пороги военкомата, с тем чтобы отправиться на фронт. Каждый раз, получив отказ, Феликс еще с большим упорством продолжал настаивать на своем. И наконец в 1944 году ему все же удалось добиться своего. Его взяли в армию, и доброволец Феликс Мстиславский сражался до конца войны, потом до 1950 года служил в Советской Армии.

В настоящее время он работает инженером-конструктором на одном из предприятий.

Мать и дочь Мстиславские вернулись домой после войны. Обе включились в активную мирную жизнь. Они закончили юридическую школу и были приняты в Московскую городскую коллегия адвокатов. На этом благородном поприще они трудились много лет. Людмила впоследствии окончила юридический институт, вышла замуж за добровольца Коммунистического батальона, ныне инженера-метростроителя. У нее уже есть внучка. Так что наша некогда маленькая Мила стала бабушкой. А прабабушка Мария Мстиславская, которую недавно чествовали в связи с ее семидесяти-

пятилетием, находится, как принято говорить, на заслуженном отдыхе. Но это только так говорится — на отдыхе, а на самом деле эта женщина, так много пережившая, все никак не может смириться с положением пенсионерки. Она и теперь занята активной работой. По ее инициативе и при ее участии создана комната здоровья бытового здравпункта Тимирязевского района, приносящая большую пользу местным жителям.

ВСТРЕЧА В ПУТИ

В этом году мы с женой, как обычно, проводили отпуск в путешествии на автомобиле. Выезжая из Москвы, мы не планировали заезд в Минск. Но, увидев на повороте на Вильнюс, что до Минска 26 километров, изменили маршрут.

Въезжаем в Минск. Город отстроен прекрасно. Бывал я в нем до войны — никакого сравнения. Прямые проспекты, застроенные великолепными домами, один красивее другого. Заночевали. С рассветом двинулись в путь. Несмотря на рань, жара уже начинала давать себя чувствовать.

Мы на Вильнюсском шоссе. Едем с приличной скоростью.

Для автомобилиста, пожалуй, самое «ужасное», когда его обгоняют. Есть и за мной такой грешок. Меня обогнала «Волга». Ну и что мне до этого? Ан нет, заело. Меня, «маститого» водителя, обогнала девчонка. И пошло. Я нажал на педаль акселератора. Но как только обогнал соперницу, она начала прибавлять в скорости.

Силы были неравные. На ее стороне более мощный мотор, у меня опыт вождения. Это немаловажно. Минут 10—15 длился поединок, приведший к неприятным последствиям. Зловещий металлический лязг в моторе

заставил меня свернуть на обочину и заглушить двигатель. Рассыпался поршень. Планы срывались: без буксира теперь не обойтись... Я стал голосовать, пытаясь остановить попутную грузовую машину. Долгое время никто не останавливался. И вдруг резкое торможение. Из автомобиля выскочил молодой человек, поздоровался и спросил, в какой помощи нуждается «земляк». Смотрю: машина с московским номерным знаком. Водитель прослушал мотор «Победы» и, согласившись с моим диагнозом, подогнал грузовик и начал прилаживать буксир. Минут через 15—20 мы уже были в Молодечно на машинно-ремонтной станции. Дальше все шло как по мановению волшебной палочки. Пришел начальник станции и отдал распоряжение поставить машину на эстакаду, разобрать мотор. Сам он затем поехал на склад за поршнями. Надо было спешить: рабочий день кончался.

Не успел я оглянуться, как мой «благодетель», доставивший меня в Молодечно, его напарник и слесарь станции распотрошили двигатель. Я хотел было тоже принять участие в работе, но меня даже не допустили к машине. Смотрел на происходящее, недоумевая: почему такая забота? Не скрою, мне даже пришла в голову недобрая мысль: «Ну и сдерут же с меня за этот сервис».

А дальше было еще необычнее. Нас отвезли на квартиру начальника МРС Федора Исаевича. Его жена оказалась гостеприимной хозяйкой. Она усадила нас за стол, резонно полагая, что мы в нашем скитании были достаточно голодны.

Переночевав, мы утром направились было на ремонтную станцию за автомобилем. Однако хозяин дома повел нас в противоположную сторону. Метрах в двадцати от дома стоял грузовик, а впереди мой автомобиль. Он сверкал, а уже заведенный мотор работал

как часовой механизм. «Да,— подумал я,— вот это сервис. Но кому и чем я обязан всем этим?»

Расплатившись с слесарем ремонтной станции, я подошел к Юрию (имя моего спасителя) и тихо спросил, сколько я должен за услугу, и тут получил неожиданный ответ:

— Разве вы взяли бы у отца деньги за оказанную ему помощь?

Меня это повергло в недоумение.

— Неужели вы, Григорий Давидович, не узнали меня? — спросил Юрий. При этом он вытянулся во весь свой высокий рост и лукаво подмигнул стоявшему тут же Федору Исаевичу.— А дело бандгруппы Клочкова и Трушина, которое разбиралось в Московском областном суде, и мальчика, которого вы зашищали, помните? Так это был я.

— Не может быть! — вырвалось у меня.

— Может, все может быть. Это именно я.

Всмотревшись в этого широкоплечего, кудрявого, с красивым открытым лицом парня, я вспомнил лицо его отца (какое поразительное сходство!) — моего однополчанина, обратившегося ко мне за помощью через многие годы после войны, когда я уже был членом Московской коллегии адвокатов. Мы с ним не виделись с 1946 года. Он вернулся к своей мирной профессии, в которой преуспевал. Оказывается, он знал, что его бывший командир (то бишь я) сменил меч на орало. И когда его постигла беда, пришел ко мне со своим горем. Теперь-то я увидел в этом интересном молодом человеке черты лица того пятнадцатилетнего мальчика, который в силу удивительного стечения обстоятельств оказался на скамье подсудимых вместе с опасными бандитами. И несмотря на то что с тех пор минуло немало лет, в памяти всплыли все детали прошедшего события.

...На приеме граждан в юридической консультации ко мне обратился элегантно одетый мужчина, выше среднего роста, лет около пятидесяти, в больших роговых очках, закрывавших не только глаза, но и всю верхнюю часть его лица. Оглянувшись и убедившись, что его никто не слышит, отец Юрия (назовем его условно Митиным Аркадием Васильевичем) таинственно сообщил:

— У меня большая беда, прошу вас помочь мне.

То, что он мне рассказал о своем сыне, на меня не произвело такого впечатления, какого он, видимо, ожидал. Обычная история: мальчик очень хороший, ему всего пятнадцать лет, попал в плохую компанию. Его надо спасти. По всей вероятности, Митина встревожило показавшееся ему мое равнодушие, и он взволнованно сказал:

— Вы, я вижу, не узнаете меня,— и снял очки.

Теперь, когда он был без очков, я вспомнил этого человека. Вспомнил и невольно улыбнулся. Это, видимо, несколько шокировало его.

— Вы находите что-то смешное в моем горе?

Я поспешил успокоить его, а заодно отвлечь немного от переживаний:

— Смотрю на вас и мысленно сравниваю с тем Митиным, с которым столкнулся в октябре сорок первого в Тимирязевке.

— Да,— сказал он,— у меня и в самом деле был тогда смешной вид.

— Не столько смешной, сколько маскарадный,— поправил я.

И мы вместе как бы совершили небольшой экскурс в далекое, но такое близкое прошлое.

...Митин был одним из добровольцев Коммунистического батальона Киевского района, вошедшего в состав первого батальона 3-го полка. В первые дни фор-

мирования, когда бойцы еще не были одеты в армейскую форму, он заметно выделялся среди остальных людей. Я обратил внимание на его довольно массивную фигуру, походившую на сейф средних размеров, в длинной кавалерийской шинели с разрезом и нашивками на груди. На голове его красовалась кубанка, из-под которой выглядывал вьющийся чуб, за плечом у него был ручной пулемет. Этот боец дефилировал под окном помещения, в котором разместился штаб батальона. Его позвали в штаб. Он вошел в комнату строевым шагом и, щелкнув каблуками сапог, четко доложил, что он доброволец, решил стать пулеметчиком, а сейчас охраняет штаб по своей инициативе. С пулеметом же не расстается, боясь, что кто-нибудь заберет: охотников стать пулеметчиком было много.

Похвалив его за службу, я сказал, чтобы он отправился в свою роту и отдыхал. Митин вновь щелкнул каблуками и, четко повернувшись, чеканным шагом вышел.

Тут же вновь открылась дверь, просунулась голова: — Можно, товарищ командир?

Я не успел ответить, как Митин, не входя, спросил:

— Ну как, здорово у меня получилось? — Он подмигнул и закрыл за собой дверь.

Эту сценку я напомнил Аркадию Васильевичу, сказав, что, мол, гляжу на него, ныне маститого ученого, солидного дядю, и не верю глазам своим: неужели это тот самый парень с озорным прищуром глаз, который спрашивал: ну как, здорово?

— Вот, друг мой, почему я улыбнулся, — сказал я.

— И это все, что вы запомнили обо мне? — спросил Митин.

— А почему же все? — ответил я. — Я многое помню.

Напомнил ему бой за деревни Сидорово и Павлово,

когда командир роты упал, сраженный вражеской пулей, и он, Митин, приняв на себя командование подразделением, отличился в этом бою, а я, заменявший раненого командира полка Пшеничного, представил его потом к награде.

Память перенесла меня на Северо-Западный фронт, где в феврале 1942 года шли упорные схватки. После освобождения деревни Сидорово, в которой не осталось почти ни одного целого строения, временно исполнявший обязанности командира роты Митин начал приводить в порядок подразделение, подсчитывать потери, организовывать отправку раненых и прочее. Он обосновался в каком-то чудом сохранившемся сарайчике. И вдруг услышал голоса, раздававшиеся словно из подземелья. Вначале Митин подумал, что это ему мерещится. Однако звуки продолжали усиливаться, и он ясно услышал доносившийся из-под развалин ближайшего дома зов о помощи.

Митин приказал бойцам немедленно разбросать груды, оставшуюся от взорванного гитлеровцами дома, и сам бросился туда. Женские и детские вопли из-под земли подгоняли бойцов, которые, несмотря на февральский трескучий мороз и резкий, порывистый ветер, посбрасывали с себя шинели и полушубки. Им было жарко от работы.

Вскоре зрелище, открывшееся им, заставило содрогнуться. Они извлекали из подполья женщин и детей, совершенно изможденных, с бледными, без единой кровинки, лицами, запавшими глазами. Вытащили оттуда и несколько детских трупиков. Несчастные женщины и дети были настолько обессилены, что едва держались на ногах. Положение оказалось сложным: дело в том, что люди были полураздеты и следовало срочно их поместить в тепло и накормить.

К счастью, недалеко стояла банька. Бойцы ее на-

топили, перенесли туда спасенных — их оставалось человек 10—12. Как выяснилось, больше недели томились они без пищи и воды. Гитлеровские изверги загнали их в подполье дома под предлогом укрытия от опасности в связи с начавшимися боями. А потом, озлобленные неудачами, решили сорвать зло на беспомощных женщинах и детях и заживо погребли их под развалинами взорванного дома...

Долго просидели мы с Митиным. Увлечшись воспоминаниями, он даже как будто забыл о цели своего прихода.

— Ну что ж,— сказал я,— займусь делом вашего сына, сына моего фронтового побратима.

...Больше двух недель Московский областной суд рассматривал уголовное дело бандгруппы, совершившей ряд дерзких преступлений. На скамье подсудимых одиннадцать человек, в том числе и мой подзащитный. Но не все они, эти молодые ребята в возрасте до двадцати лет, представшие перед судом, были одинаково опасны и в равной степени причастны к злодеяниям организаторов и исполнителей преступлений.

При изучении дела меня все время не покидала мысль: как такой мальчик, как Юра, сын уважаемых родителей, интеллигентных людей, мог оказаться в этой шайке. Отец его, видный специалист в своей области науки, часто представлял наши организации во многих странах. Мать Юры — ответственный работник в области планирования. Опекала и воспитывала Юру бабушка-пенсионерка, в прошлом врач, кандидат медицинских наук.

Было над чем поломать голову. Ну где, когда и при каких обстоятельствах могли сойтись пути этих антиподов — главарей банды и школьника Юры?

Любой юрист, будь он следователь, прокурор, судья или адвокат, коль скоро ему доверено решать людские

судьбы, обязан рассматривать действия человека сквозь призму всей его жизни, трудовой и общественной деятельности, ему одному присущих особенностей. Это особенно важно, когда действие человека противоправно, когда противоправность выходит за рамки общечеловеческих понятий и тем более когда в этом замешан юноша. Без этого нельзя понять, насколько данное действие характерно для него, насколько соответствует его намерениям, его представлениям и способностям оценивать свои действия. Только так можно правильно определить причины совершения им каких-либо поступков, раскрыть их истинную суть и внутреннюю природу.

Соблюдение данного принципа в случае с несовершеннолетним Юрием приобретало особую значимость. Ни у Юриной мамы, ни у его бабушки ничего нельзя было выяснить. Они были настолько ошеломлены случившимся, что с ними даже невозможно было поговорить. Отец же его казался непримиримым. Он был готов вычеркнуть сына из памяти и обратился ко мне якобы только по настоянию жены и матери. Хотя в голосе его подчас слышались нотки убитого горем человека. Да могло ли быть иначе?

Листая тома уголовного дела, я все больше и больше убеждался, что Юра в этой банде — инородное тело. Документ, на который я наткнулся, вначале сильно огорчил меня, но потом оказался ключом к разгадке главного. В деле находился приговор, по которому Юрий был ранее судим. Пренеприятная ситуация. Оказывается, этот мальчик не такой уж херувимчик, как его изобразили мама и бабушка. Однако что за чушь: приговор к лишению свободы за «учинение злостного хулиганства в школе». Тут что-то не так. Стал разбираться. Оказалось следующее. Юра — ученик 7-го класса, отличник, активный ком-

сомалец. Его избрали старостой. Ребята его любили, слушали. Педагоги радовались порядку, наведенному в классе. Все шло хорошо. Класс взял обязательство — добиться, чтобы не было ни одного троечника. И вдруг ЧП. У одного мальчика пропала ручка. Кто-то из школьников высказал мысль, что ручку взял ученик Сейфулин. После занятий Юра взял с собой двух активистов, позвал Сейфулина, «опозорившего класс», и решил его «проучить». Они избили Сейфулина, тот признал свою вину и вернул ручку. Юра, с его понятиями неоформившегося подростка, считал, что он совершил благое дело. Порок наказан, ручка возвращена ее хозяину, и все в порядке.

Однако неожиданно дело приняло другой оборот. О случившемся узнал директор школы. Не вникнув в суть дела, не выяснив даже, что собой представляет Юра, один из отличников учебы и активный комсомолец, директор позвонил в милицию, изобразил все в преувеличенном виде и потребовал, чтобы «случаю было придано широкое общественное звучание».

Юру арестовали, и вскоре состоялся суд, приговоривший его «за злостное хулиганство» к заключению в детскую колонию.

Уже после осуждения Юры спохватились и поняли, какую допустили несправедливость. Московский городской суд исправил ошибку. Юру освободили. Он вернулся домой. Его восстановили в школе. Родители пришли в себя и вновь погрузились в свои дела и заботы. Бабушка, как и прежде, опекала Юру. Внешне все выглядело благополучно. А вот в психологическое состояние мальчика никто не вник. Никто ему не объяснил, что произошла ошибка, последствия которой он должен преодолеть, что в школе к нему отношения не изменили. Никто с травмированным мальчиком даже не поговорил. А он все переживал по-своему и, к со-

жалению, далеко не верно. Его преследовало ложное понятие стыда перед одноклассниками и педагогами. Юра школу не посещал, он уходил из дому и слонялся на улице, чаще всего возле кинотеатра. Тут-то его заметили участники шайки. Некоторое время они приглядывались к парню, изучали его, а потом заговорили с ним и незаметно для Юры вовлекли его в грязную историю. Недалеко от кинотеатра на скамейке полужелал пьяный мужчина. «Дружки» Юры разыграли из себя благодетелей, сказав, что надо помочь выпившему человеку. Юра по наивности поверил. Он помогал поднимать пьяного, а потом его поставили перед фактом: будто бы он вместе с ними участвовал в ограблении гражданина. Так, с применением шап-тажа и угроз Юру сделали участником шайки.

Но надо сказать, что Юра все же не участвовал потом ни в одном разбойном нападении. Более того, когда он оказался в милиции совсем по другому поводу, то сам рассказал о своей причастности к нечистоплотным делам и фактически оказал большую помощь в раскрытии и ликвидации шайки.

Достоинство вел себя Юра и на суде. Несмотря на то что главари изменили первоначальные показания и отрицали свою вину, что некоторые подсудимые пошли по тому же пути, Юра был тверд и непоколебим. Он говорил одну правду.

Суд с исключительной тщательностью провел водораздел между участниками процесса, определил роль каждого из подсудимых, строго дифференцировал наказание. Согласившись с доводами защиты, он приговорил Юру к лишению свободы условно.

Юру освободили. Он закончил школу, а потом и институт. Теперь Юрий Аркадьевич — инженер-испытатель автомобилей. Он уже имеет свою семью. Родители его здравствуют. Вот только бабушки уже нет.

Самый тяжкий период в жизни Юры прошел через мою память, как в калейдоскопе.

— Юра, почему вы ни разу не дали о себе знать? — спросил я.

— Как так не давал о себе знать? — ответил он.— Я каждый раз под Новый год и в день вашего рождения поздравлял по телефону. Я только не называл себя, как-то стеснялся.

— Ну и напрасно. А я скажу: горжусь тем, что не ошибся в вас, что помог вам. И очень рад, что вы стали полезным человеком, достойным вашего отца.

ЭТОГО НЕ ЗАБЫТЬ!

События, о которых пойдет речь, относятся к началу 1945 года. Но пожалуй, рассказ следует начать с тех обстоятельств, которые повлекли за собой изменения в моей военной жизни и, следовательно, стали причиной совершенно новых для меня дел.

Декабрь 1944 года застал меня в госпитале на излечении после очередного ранения. Госпиталь был размещен в здании санатория на берегу Черного моря.

Мы окунулись в необычную мирную жизнь, от которой давно отвыкли. Кругом тишина. Даже разговаривают как будто полусшепотом. Территория госпиталя прекрасно ухожена: кругом клумбы с цветами, дорожки посыпаны желтым песком. Позади грядки возвышаются вечнозеленые, аккуратно подстриженные кустарники.

Мы в курортном городе, где небо отражает в море свою голубизну, где лучи яркого солнца прогревают израненные тела воинов, где пышные кроны магнолий ласкают взор. Неужели это декабрь, тот самый месяц,

который на нашей же советской земле за пару тысяч километров отсюда заставляет все живое искать тепло! И как мы ни восторгались городскими пейзажами, территория госпиталя с ее многообразием растений, с воздухом, который напоен ароматами, вливавшими в больных бодрость и хорошее настроение, нам представлялась прекраснее.

Единственное место, казавшееся раненым еще лучше, было море. В безмолвном раздумье часами просиживали на его берегу выздоравливающие, глядя на тихо шуршавшие по гальке волны. Не хотелось даже разговаривать, а было только желание слушать и слушать этот размеренный шум моря.

По дороге в госпиталь я познакомился в вагоне с подполковником Павлом Тезиковым. Как это часто бывает, разговорились о том о сем: кто где воевал, когда и при каких обстоятельствах был «поцарапан». Выяснилось, что мы земляки, служили в одной армии и воевали все время почти рядом. Он командовал подразделением танков КВ. О его действиях как командира танкового подразделения мне, кстати говоря, было кое-что известно. А три ордена Красного Знамени на груди Тезикова подкрепляли эту его известность.

По приказу командующего армией меня сопровождал в госпиталь ординарец, прекрасно игравший на баяне. В госпитале заканчивал лечение танкист майор Александр Червин. Он был из числа отвоевавшихся — с ампутированными левой рукой, двумя пальцами на правой руке и многими ранениями на теле. Несмотря на тяжесть своего положения, Червин отличался оптимизмом, был весельчаком и затейником. Он умудрялся тремя неподвижными пальцами правой руки и левой культией играть на пианино. И получалось у него вполне прилично. Не видя, кто играет, можно было

подумать, что из инструмента извлекает звуки «слушач-самоучка». На музыкальном поприще и познакомились Червин и Миша Варивода, мой ординарец. Они затеяли подготовку концерта самодеятельности. Так с помощью Миши присоединился к нашему содружеству Саша Червин.

Часами мы с Тезиковым беседовали на различные темы. И, как ни странно, очень мало говорили о войне. По всей вероятности, фронтовики были настолько пресыщены ею, что у них выработалась защитная реакция против этой темы.

В одном только случае мы касались ее: когда в сводках Совинформбюро упоминались знакомые фронтовые места. Как бы там ни было, чем бы нас ни отвлекали, а за продвижением нашей 60-й армии мы следили постоянно. Последние дни мы все больше и больше тяготились пребыванием в госпитале, и разговор велся о необходимости возвращения к себе в часть.

Меня особенно тянуло туда. Командующий армией высоко оценил затраченные силы для приведения части в боевую готовность. Он пообещал до выздоровления не назначать вместо меня другого человека и сохранить за мной должность командира части. Поэтому мысленно я часто находился у себя в полку, думал о том, что там делается, и меня тянуло к своим воинам.

Мы с Тезиковым много раз просили врачей отпустить нас. Ходили к замполиту и начальнику госпиталя, но всегда получали один и тот же ответ: «Придет время — выпишут. Никто не заинтересован задерживать вас дольше положенного. А пока не спешите, еще успеете навоеваться».

Итак, в ожидании «лучших дней» мы коротали время. И часто я мысленно возвращался к тому, как при случайных обстоятельствах получил контузию.

А случилось это так.

После освобождения города Львова войска нашей армии продолжали идти вперед и через несколько дней были в Перемышле. Потом освободили города Пшевурск и Жешув.

В ходе занятия Пшевурска и очищения его от остатков гитлеровских войск произошло ЧП, убедившее всех, что беспечность и самонадеянность приводят к тяжким последствиям, что враг коварен и, пока он не уничтожен, опасен.

В очищенном от неприятеля Пшевурске при неизвестных обстоятельствах, но, безусловно, в результате подрывных действий диверсантов, оставленных врагом, произошел огромной силы взрыв на спиртоводочном заводе, вызвавший серьезные разрушения. Событие взбудоражило всех: сохранить город от разрушения во время боя, и вдруг такое! Командующий армией прибег к особым мерам. Он вызвал меня, прочертил на карте линию, проходящую через города, расположенные на пути продвижения наших войск, и сказал, что назначает меня начальником гарнизона этих населенных пунктов и что я отвечаю головой за порядок в них и их сохранность. Для осуществления приказа командующего было создано специальное подразделение.

Заняв Жешув, мы сразу приступили к налаживанию жизни в нем. Опыта в этом деле, конечно, не было: Жешув — один из первых польских городов, которые были освобождены советскими войсками.

Мы не успели обжиться, как получили новый приказ командующего. Дело в том, что после освобождения Львовской и Дрогобычской областей там остались неотмобилизованными призывные контингенты. Этим незамедлительно воспользовались националистические элементы — бандеровцы, которые развернули

кампанию запугивания и терроризирования населения. Они рассылали письма жителям областей, распространяли листовки с угрозами, что если кто-либо пойдет служить в Советскую Армию или посмеет в чем-то содействовать ей, то все члены семьи такого «пособника москалям» будут истреблены, а хозяйство уничтожено.

В ряде случаев эти угрозы приводились в исполнение. И вот в местные органы власти начали поступать от украинских патриотов письма, в которых они просили приезжать ночью, забирать их и таким образом создавать видимость, что их насильно заставляют служить в Советской Армии. Понимая свой долг по защите Родины, жители хотели обеспечить безопасность своих семей.

Мне надлежало выделить хорошо оснащенное подразделение, на которое возлагалось обеспечение мобилизации людей призывного возраста в Львовской и Дрогобычской областях.

Работа осуществлялась в чрезвычайно сложных условиях. Врачам и командирам приходилось быть и медиками, и дипломатами, и политработниками, и разведчиками. На призывные пункты бандиты засылали лазутчиков, которые оказывали давление на призывников. Некоторые из них, опасаясь репрессий со стороны бандеровцев, проявляли элементы симуляции. Но это еще не все. Бандеровцы переодевались в нашу армейскую форму, совершали вооруженные нападения на отдельные группы бойцов, убивали офицеров. Обстановка требовала решительных мер. Мне приходилось часто выезжать во Львов, следить за отбором призывников и направлять их по родам войск под охраной автоматчиков, так как бандеровцы нападали на колонны и стреляли по ним.

Однажды, когда мы подъезжали к Перемышлю, не-

весть откуда налетели фашистские самолеты. Гитлеровцы намеревались бомбить мост. Но в цель попасть не могли. Бомбы рвались вблизи переправы. В тот момент, когда машина, в которой кроме меня были адъютант, военврач, ординарец и автоматчики, выехала на мост, неподалеку разорвалась бомба, и взрывной волной автомобиль сбросило с большой высоты в воду.

К счастью, все остались живы. Однако нас основательно покалечило. Больше всех пострадал врач и ординарец. Меня контузило.

Недалеко от моста находилась воинская часть. Увидев случившееся, военнослужащие бросились к нам на помощь. Река оказалась неглубокой, и бойцам удалось поставить автомобиль на колеса. Откуда-то пригнали студебеккер и лебедкой вытащили нашу машину. Всех пострадавших доставили в санчасть, где нам была оказана первая помощь. Меня хотели госпитализировать. Однако сложившиеся обстоятельства не позволяли мне оставлять часть, поэтому пришлось вступить в «борьбу» с медициной, к которой, кстати сказать, я всегда относился и отношусь с глубоким уважением. Потеряв надежду справиться со мной, медики доложили командующему, и мне пришлось подчиниться приказу.

Вот при каких обстоятельствах я оказался в госпитале.

В один из декабрьских дней 1944 года мы услышали сводку Совинформбюро о начавшемся сражении на Сандомирском плацдарме. В сводке среди других упоминалась и 60-я армия. Слушали мы сообщение вдвоем с Тезиковым, и наши сердца наполнялись тоской по боевым друзьям-товарищам, дравшимся с врагом уже на территории Польши.

Мы вновь попытались выписаться и уехать. Но

когда и на этот раз попытка не увенчалась успехом, решили бежать. В ночь с 30 на 31 декабря без документов, без продаттестатов, с одним рублем на троих (с нами был мой ординарец) был совершен побег. Всеми правдами и неправдами сели в вагон без билетов. До станции Воронеж добрались 31 декабря, голодные, злые. Пошли к военному коменданту, все рассказали как на духу. Капитан оказался славным и душевным человеком. Он сочувственно отнесся к нашей «эпопее» («Сам бы так поступил», — сказал он.), но ничем помочь не смог. Денег у него не было. Единственное, что он сделал, — дал буханку черного хлеба и одну селедку. И мы были на седьмом небе.

Новый год встретили в поезде, следовавшем в Москву. Случайно оказались в шумной компании закавказцев. Товарищи из Грузии были более предусмотрительны, и нам вместе с ними удалось вполне прилично отметить новогодний праздник.

До Москвы добрались на следующий день. Сразу же связались с ответственными товарищами из Наркомата авиапромышленности, которые в свое время приезжали в Жешув и знали меня как начальника гарнизона. Нам дали самолет, и мы отправились догонять свою часть. Прибыли в нее накануне наступления на краковскую группировку противника. Доложив командующему о прибытии, я вступил в командование частью.

Бои за Краков были ожесточенными. Противник сопротивлялся с необычайным упорством, причины которого стали известны нам позднее.

Январь 1945 года, по всей вероятности, ничем особым не отличался от того же месяца любого года. Те же морозы, те же слежавшиеся уже сугробы, заметенные снегом дороги, по которым трудно было ездить даже на танках. Подчас было ветрено, и в такую по-

году особенно тяжело приходилось пехоте. В общем, налицо имелись все «прелести» этого времени года. Правда, здесь, в окрестностях Кракова, январские морозы и ветры не казались такими свирепыми, как в декабрьские дни 1941 года в Подмоскowie, когда в окопах была такая стужа, что руки примерзали к оружию. А может быть, морозы сорок пятого казались не такими свирепыми потому, что согревало ощущение приближающегося победного для нас конца войны. Во всяком случае, настроение бойцов более соответствовало весне, нежели зиме.

Итак, наши войска вели бои за освобождение Кракова. Рубеж обороны противника был сильно укреплен. Фашисты рассчитывали город удержать во что бы то ни стало, долго и упорно защищать его. Жителей загнали в подвалы домов, заминировали их. В соответствии с замыслом командования вермахта гитлеровские солдаты должны были стоять насмерть, держаться до последнего. А когда станет невозможно, надлежало привести в действие взрывную систему и превратить город в руины, под обломками которых должно было погибнуть все население.

Однако осуществить этот изуверский план фашистам не удалось. Войска 59-й армии генерал-полковника И. Т. Коровникова и 60-й генерал-полковника П. А. Курочкина во взаимодействии с войсками 4-го Украинского фронта сумели обходным маневром прорвать сильно укрепленную оборону противника и штурмом овладели важным военно-промышленным и политическим центром Польши.

Это была одна из блестящих операций. Город-красавец Краков оказался без каких-либо серьезных разрушений. Жителей, обреченных на поголовное уничтожение, спасли и освободили из подвалов заминированных домов. Они с ликованием встретили своих

освободителей. Всюду вывешивались советские и польские флаги, возникали стихийные демонстрации, митинги. Поляки испытывали чувство большой радости и патриотического подъема. Каждый стремился выразить благодарность воинам Советской Армии за то, что они спасли польскому народу сокровища древнего города.

После освобождения Кракова 59-я и 60-я армии, наступая во взаимодействии с 38-й армией 4-го Украинского фронта, обошли силезскую группировку противника с юга и 22 января вышли к городу Рыбник, почти замкнув кольцо вокруг гитлеровских войск.

Сделав бросок вперед, наши войска ранее запланированного срока подошли к Освенциму, и он оказался в районе действий войск 60-й армии. Части и соединения охватили с флангов позицию неприятеля, выбили его из Освенцима и полностью овладели этой «неприступной» крепостью. Освобождая Освенцим, мы тогда даже отдаленно не могли предположить, что гитлеровцы создали здесь поистине комбинат массового истребления человечества.

Освенцим! При одном упоминании о нем даже теперь, по прошествии десятилетий, стынет кровь. На всю жизнь врезалась в память циничная надпись над воротами концентрационного лагеря: «Арбайт махт фрай» («Работа делает свободным»), которую я впервые прочитал в субботу 27 января 1945 года, когда в качестве начальника гарнизона города Освенцима вступил на территорию этого комбината смерти.

Мы шли по земле, орошенной кровью и слезами, по земле, в которой погребен прах многих миллионов замученных здесь мужчин, женщин, детей, стариков, представителей всех рас и национальностей, состояний и профессий, великих творцов, имена которых знал весь мир, и никому не известных людей. Привозимые

сюда со всей Европы, они шли прямо из железнодорожных вагонов на смерть. На этой земле их расстреливали, травили газом, душили, жгли в печах крематориев. Нам чудился проникающий всюду невыносимый запах сжигаемых ежедневно человеческих тел. Казалось, что небо затянуто завесой тяжелого зловония смерти — дыма из крематориев Бжезинки.

Сторожевые вышки опустели, не грозят с них пулеметами. Не слышно окриков часовых и топота кованых сапог по лагерной территории. Уже не блуждают тысячи теней в полосатой одежде. По колючей проволоке ограды не проходит ток высокого напряжения, мгновенно поражающий всякого, кто прикасался к ней. Сохранились лишь березы у входа в лагерь. Здесь дежурный проверял прибывавших в лагерь людей. Здесь в последний раз слышал человек свою фамилию. Потом ее заменял номер. Около этих берез люди в последний раз стояли в своей одежде.

...Мне приходилось бывать в Освенциме и после войны. Несколько лет назад я был там в составе советской делегации. По пути туда я снова восстанавливал в памяти то, что увидел в Освенциме в 1945 году. Раскрыл конверт с едва различимым штемпелем полевой почты. Вынул из него тронутые временем пожелтевшие листки бумаги. Это письмо я написал и отправил через несколько дней после того, как был осмотрен лагерь. Написать о всех ужасах раньше было сверх человеческих сил. Не мог я сделать этого раньше.

Моя жена, военный врач, рассказывала мне потом, что когда она читала своим коллегам письмо, то люди буквально рыдали.

Строки письма восстанавливали в памяти все то, очевидцем чего я был тогда, за 104 дня до победы над фашизмом...

Освенцим! Здесь действовал огромный комбинат смерти. Я был до этого в лагере Дембице, знал о Майданеке, Трешлинке. Мы слышали об автомобилях-душегубках, видели огромные рвы, заваленные трупами убитых людей. Но то, что предстало перед нашими глазами в Освенциме, невозможно было сравнить даже с адом. Территория лагеря была усеяна трупами мужчин, женщин, детей и стариков. Брошенная в глаза лежащая на запыленной снегом асфальтовой дорожке мертвая женщина с прижатым к груди бездыханным ребенком...

Противник был вынужден бежать из Освенцима. Поспешно отступая и не желая оставить живых свидетелей своих зверств, гитлеровцы угоняли обреченных узников. Люди были настолько истощены, что едва передвигали ноги и отставали от колонны. Отставших расстреливали в упор. По всей вероятности, и эту несчастную женщину с ребенком настигла очередь из автомата.

На территории лагеря наши солдаты подобрали 79 трупов. У стен лагерных бараков высились большие штабеля обтянутых кожей скелетов мертвецов. Этим скелетов было такое огромное количество, что их так и не успели сжечь бежавшие от возмездия палачи.

Вхожу в барак, со мной адъютант и группа автоматчиков. На трехъярусных нарах лежат полуживые люди-скелеты, сестя не позволяет высота. Увидев нас, узники испуганно забираются в свои ячейки. Как в тумане слышу слова моих солдат: «Вы уже свободны, товарищи!» Я настолько взволнован, что даже не узнаю своего голоса: «Не бойтесь нас, не бойтесь, мы пришли вас освободить!» Чувствую, что меня не понимают, и начинаю говорить на смешанном русско-польско-немецко-украинском наречии, расстегиваю ко-

жанку, показываю ордена. Не помню, какие именно говорил слова и что выкрикивал, стараясь, чтобы меня поняли эти несчастные и перестали бояться.

Обращаюсь к ним на еврейском языке. Реакция неожиданная: видно, решив, что это провокация, узники начинают еще глубже забиваться в свои ячейки. И только тогда, когда я сказал: «Не бойтесь, я полковник Советской Армии, еврей по национальности, мы пришли, чтобы вас освободить», из ячейки-норы выполз огромного роста человек с большой седой бородой. Он подошел к нам, потрогал мою кожанку, ордена и, как бы поверив нам, обратился к узникам, стал что-то выкрикивать.

Барак наполнился шумом, изо всех щелей стали выходить в проход люди, вначале робко, а потом все смелее. Наконец словно рухнула преграда, сдерживавшая до сих пор этих несчастных. Поняв, что пришло их спасение, они бросились к нам с воплями, падали на колени, целовали полы шинелей, обнимали наши ноги. А мы, будучи не в силах сделать шага, стояли неподвижно, и по нашим щекам текли непрощенные слезы.

Освенцимские лагеря, начавшие, по существу, функционировать 14 июня 1940 года и прекратившие свое существование 27 января 1945 года, занимали огромную территорию, равную 40 квадратным километрам. Из множества фашистских концлагерей, существовавших в период второй мировой войны на территории Германии и оккупированных ею стран, Освенцим был не только самым большим по размерам и числу заключенных, но также и наиболее страшным по масштабам и методам совершенных преступлений (здесь было уничтожено 4 миллиона человек). Этот лагерь, соединявший элементы непосредственного истребления, биологического уничтожения и

самого тяжелого труда, был, по сути дела, синтезом гитлеровской системы концентрационных лагерей.

Здесь были построены камеры смерти и печи четырех крематориев. Сюда поступали по железнодорожной ветке составы с будущими жертвами. Их выводили из вагонов, группировали по командам. Наиболее крепких физически отбирали для работы на химкомбинате концерна «Фарбениндустри». Всех остальных строили и вели якобы для санобработки. Узники в «предбаннике» раздевались догола, и их направляли в «душевую», на дверях которой висела табличка с надписью по-немецки: «Взяли ли вы мыло?» До последнего момента люди думали, что они идут мыться, не догадываясь о худшем. И лишь тогда, когда их втискивали в камеру в огромном количестве за смену, так, что нельзя было повернуться, жертвы начинали понимать истинное намерение гитлеровцев. Однако, когда люди пытались что-то предпринять, было уже поздно. Двери в душевую захлопывались, и газ Циклон Б (на лагерных складах было обнаружено огромное количество банок из-под этого газа), пущенный через брызговик, довершал трагедию. Через несколько минут камера очищалась, умерщвленных подавали в печи крематория, а очередную партию жертв начинали готовить для «санобработки».

Как правило, очищать газовые камеры и сжигать трупы заставляли специальные бригады, состоявшие из близких самих жертв, которых затем также уничтожали. Такая же участь была уготована и зондеркомандам — непосредственным исполнителям акций по отравлению людей газом: их уничтожали после того, как они «отрабатывали» определенное время. В связи с тем что производительность печей не позволяла сжигать все трупы, вырывались огромные котло-

ваны, куда сваливали тысячи умерщвленных, обливали их горючей смесью и сжигали.

Вот что писал в своих воспоминаниях бывший комендант лагеря Р. Гесс: «В конце лета 1942 года мы начали сжигать трупы сначала на кострах, где помещалось 2000 трупов, а потом в ямах вместе с похороненными там раньше. Вначале обливали трупы нефтяными отходами, а позднее стали использовать для этих целей метил. День и ночь в ямах сжигали трупы. В конце ноября 1942 года были опустошены все массовые могилы. В них было приблизительно 107 000 трупов».

Имена Рудольфа Гесса, Иоганна Кремера и Пери Броода, палачей Освенцима, прокляты человечеством. Это представители трех поколений периода гитлеровского правления. В концлагере они осуществляли свои черные дела, когда Брооду было 20, Гессу — 40, Кремеру — 58 лет.

В конце 1943 года Гесс, работая в Берлине в инспекторате лагерей, специально приехал в Освенцим для проведения так называемой «акции Гесса», то есть массового уничтожения венгерских евреев в газовых камерах Бжезинки. После войны Гесс скрывался под фамилией боцмана Франца Ланга, работал на ферме. Там его арестовали 11 февраля 1945 года. На Нюрнбергском процессе, на котором судили главных военных преступников гитлеровской Германии, Гесс давал показания в качестве свидетеля защиты. После окончания процесса он был передан на суд польского народа. 2 апреля 1947 года Верховный народный трибунал Польши приговорил Гесса к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение на территории бывшего концентрационного лагеря в Освенциме.

Кремера также приговорили к смертной казни, но

в связи с возрастом осужденного заменили ее тюремным заключением. Возмездие постигло и Броода.

Кстати, большинство лиц администрации концлагеря не ушло от карающей руки правосудия.

Трупов в концлагере было так много, что и котлованов не хватало. Их складывали в штабеля около бараков. После освобождения Освенцима они были преданы земле в большой братской могиле советскими воинами при участии командования армии, представителей польской общественности, журналистов многих стран Европы.

Гитлеровцы успели взорвать печи крематориев, но нам удалось захватить несколько человек из администрации лагеря, среди которых был заместитель коменданта (как известно, впоследствии от возмездия не ушел и комендант лагеря). У нас оказались и чертежи печей. По ним наши саперы под руководством специалистов и под наблюдением Чрезвычайной советской комиссии по расследованию гитлеровских преступлений, установили точное количество жертв, уничтоженных в печах Освенцима.

Километрах в трех от Бжезинки стоят 28 двухэтажных кирпичных зданий. В них был размещен «образцово-показательный» лагерь. Сюда возили журналистов из разных стран и показывали, в каких-де «идеальных» условиях содержатся узники. Не показывали им, конечно, первую экспериментальную печь, в которой сжигали трупы умерщвленных.

Здесь же возвышалась так называемая «стена смерти», у которой было расстреляно 20 тысяч человек и которую фашисты тоже скрывали от взоров иностранцев.

В некоторых из корпусов мы организовали госпитали, куда свозили из бараков тяжелейших дистрофиков; в них едва теплилась жизнь. Таких несчаст-

ных было несколько тысяч. За спасение их жизнью боролись наши армейские медики, им помогали другие воины. Трудно описать, какое это было ужасное зрелище. Солдаты бережно укладывали на носилки полутруп, но не всегда доносили его до машины. Чаще он конвульсивно вздрагивал, и наступал конец. Госпитали были переполнены полуживыми скелетами, едва видневшимися из-под постельного белья.

Вспоминается восемнадцатилетний норвежский юноша, который в числе многих тысяч других узников был объектом для «опытов». Им впрыскивали какой-то химический состав, потом подвергали «исследованию». Всех «подопытных» сожгли в крематории. Одному этому юноше удалось спастись. Его прятали на чердаке. Он был сплошь покрыт язвами. Много дней и бессонных ночей врачи и медсестры не отходили от постели больного, они делали все возможное, чтобы облегчить страдания юноши, спасти ему жизнь. К сожалению, все усилия оказались тщетными.

Медперсонал госпиталей, несмотря на огромные трудности, сумел все-таки вернуть к жизни 2819 бывших узников.

У нас поначалу были осложнения при решении проблемы питания узников. Я не оговорился, именно проблемы. Помню, как командующий армией спросил, надо ли помочь с продуктами и читал ли я сегодня газету «Правда». И, видя мое недоумение, добавил: «В «Правде» сообщают, что наши республики в знак дружбы с польским народом оказали населению освобожденной Варшавы материальную помощь, направив туда 60 тысяч тонн хлеба». Надобности у нас в этом хлебе не было. Продуктов мы имели в избытке. Сложность состояла в другом. Обезумевшие от голода узники так жадно набрасывались на походные солдатские кухни и раздатчиков хлеба, что приходилось при-

бегать к особым мерам, чтобы их сдержать. Тщетны были усилия медицинского персонала и политработников, разъяснявших вредность чрезмерного переедания, убеждавших узников, что через несколько дней их будут кормить вдоволь. Да, нелегко было убедить этих несчастных, которых последние годы вместо хлеба кормили каким-то спрессованным суррогатом, походившим больше на опилки. Пришлось снарядить специальную команду, которая по одному узнику пропускала к котлу с пищей и выдавала положенную порцию хлеба. Только на шестой-седьмой день лагерники начали успокаиваться, и все постепенно входило в норму.

Как уже говорилось, гитлеровцы, отступая, старались уничтожить следы своих злодеяний. Однако множество вещественных доказательств их преступлений все же осталось. На территории лагерей Освенцима находилось 29 огромных складов. 20 из них гитлеровцам удалось сжечь. Усилиями наших воинов оставшиеся склады были спасены от огня. То, что мы увидели там, поразило наше воображение.

Увозя жертвы в Освенцим, гитлеровские палачи говорили им, что их переселяют на жительство в другие места, и разрешали брать с собой до 20 килограммов вещей. Естественно, что каждый брал самое ценное и крайне необходимое. Когда же людей доставляли в Освенцим, фашисты отбирали и присваивали все их ценности, а остальные личные вещи хранили в складах. Надо видеть, с какой аккуратностью были уложены на стеллажах одежда и обувь заключенных. На плечиках висели детские платья и мальчишковые костюмы. Женская и мужская одежда хранилась на отдельных стеллажах. На специальных полках были уложены детские горшки и тазы для мытья, протезы конечностей, оправы для очков, россыпью

лежали зубные протезы. Жуткое впечатление производили кипы женских волос, снятых с жертв перед сожжением.

Приведу только некоторые цифры. На уцелевших складах было обнаружено 348 820 мужских костюмов, 836 525 женских одеяний, 5255 пар женской и 38 000 пар мужской обуви, 13 694 ковра. Эти вещи гитлеровцы оставили как не представляющие большой ценности. Все другое и в гораздо большем количестве спешно вывезли, как только стали приближаться советские войска.

Да, поистине можно было лишиться рассудка от увиденного. Прошло дней семь, пока я, придя в себя, написал первое письмо домой, сообщив, правда не все, об освенцимских лагерях.

Командующий 1-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев вспоминает: «Первые сведения о том, что представляет из себя этот лагерь (Освенцим), мне были доложены. Но увидеть лагерь смерти я не то чтобы не захотел, а просто сознательно не разрешил себе. Боевые действия были в самом разгаре, и руководство ими требовало такого напряжения, что я считал себя не вправе отдавать собственным переживаниям душевные силы и время».

И действительно, чтобы только побывать в Освенциме и увидеть все ужасы, требовалось такое напряжение душевных сил, которое могло отразиться на работоспособности даже самого сильного и волевого человека. Неудивительно поэтому, что командующий фронтом, обладавший исключительной волей, не разрешил себе посмотреть, что это такое — Освенцим.

От излишних переживаний нас спасала работа, чрезвычайно напряженная, хлопотливая. Помимо забот по развертыванию госпиталей для спасения узников, налаживанию питания для них, отправке осво-

божденных из лагерей в представительства соответствующих стран надо было организовать захоронение тысяч трупов погибших, обеспечить сохранность всех вещей и предметов, спасенных от сожжения. Кроме того, следовало обеспечить сохранность колоссального по своим размерам химического комбината «Фарбен-индустри». Территория его была настолько велика, что на окарауливание приходилось выделять стрелковую роту.

Среди документов, оставленных гитлеровцами после спешного отступления на запад, было немало таких, которые так или иначе раскрывали картину их преступных злодеяний против человечества. Со временем нам удалось узнать о судьбе советских людей, попавших за колючую проволоку концентрационного лагеря.

7 октября 1941 года в Освенцим прибыл первый эшелон с советскими военнопленными, их было 13 775 человек. 7 января 1945 года, на последней проверке перед освобождением Освенцима, их осталось только 92. А еще до прибытия первого эшелона в лагерь доставили группу советских воинов, на которых был произведен опыт массового умерщвления газом. Фамилии обреченных остались неизвестными. Их было 600 человек, вместе с ними погибли 250 узников из лагерного госпиталя.

Уничтожение велось со всей старательностью и точностью, свойственной «нации господ». Освенцим не создала горстка дегенератов, заключающая в себе отребье общества. Освенцим был логическим следствием фашистской системы власти, которую полностью поддерживали немецкая буржуазия и крупные землевладельцы. За Освенцим стояли и некоторые «ученые» мужи.

Профессор медицины Вестфальского университета,

доктор Ганс Кремер — должностное лицо лагерной комендатуры — записывал в дневнике (в 1942 году) свои «интеллектуальные» переживания:

«2 сентября. Впервые я был при специальной кампании в три часа ночи. По сравнению с этим «Ад» Данте кажется пустяком. Недаром Освенцим называется лагерем уничтожения...

5 сентября. После обеда я присутствовал при проведении специальной кампании в женском лагере. Ужасы, превосходящие воображение...

6 сентября. Сегодня воскресенье, прекрасный обед: помидорный суп, полкурицы, к тому картофель и красная капуста, сладости и прекрасное ванильное мороженое... Вечером в 8 часов — опять специальная кампания...»

Преступная жизнь «ученого» палача была прервана приговором польского суда.

В разные лагерные документы гитлеровцы вписывали национальность и гражданство заключенных. Из этих документов видно, что Освенцим был лагерем, предназначенным для осуществления программы полного уничтожения евреев.

Тот же Рудольф Гесс в своих воспоминаниях приводит разговор, состоявшийся между ним и Гиммлером летом 1941 года. Гиммлер тогда сказал: «Фюрер приказал окончательно разрешить еврейский вопрос. Мы, эсэсовцы, должны выполнить этот приказ. Центры уничтожения, находящиеся на востоке, не в силах справиться с задачами, которые ставятся в планах на будущее. Я выбрал Освенцим для осуществления наших планов. Он хорошо расположен с точки зрения сообщения, а кроме того, его территорию можно легко изолировать и замаскировать».

В лагере были введены отличительные знаки (треугольники разного цвета) для каждого из заключен-

ных в зависимости от того, к какой категории узников он относился. Знаки, носимые евреями, указывали не только принадлежность к данной категории, но и национальность. Уже одно это обстоятельство свидетельствовало об исключительности положения евреев в Освенциме, по существу направляемых сюда лишь для уничтожения.

Безусловно, особым издевательствам подвергались советские военнопленные. Вот что писал о них Гесс. Первый их эшелон прибыл в Освенцим в октябре 1941 года. Военнопленных привезли из Нейхаммера и Ламбиновиц (Ламсдорф), где были специальные для них лагеря. Прежде чем войти за проволочную ограду лагеря, пленные должны были, несмотря на холод, раздеться донага и поодиночке окунуться в кадке с дезинфицирующей жидкостью. Затем группами по сто человек их погнали голыми в неотапленные корпуса. Там лишь спустя несколько дней выдали им тиковую одежду и деревянные башмаки.

В первый день обхода территории лагеря в одном из бараков к нам навстречу бросились дети четырех-пяти лет с протянутыми ручонками, на которых были выжжены шестизначные цифры. Со свойственной им непосредственностью и доверчивостью они отвечали на наши объятия, принимали все те угощения, которые им давали,— конфетки, кусочки сахара, хлеба. Тогда мы из рассказов смотрительниц узнали о страшной судьбе детей, попавших в лагерь. Нам поведали о дикой расправе над ними, учиненной лагерными палачами. Детей подводили к огромного роста эсэсовцам, те хватали их, ударом о колено ломали им позвоночники и бросали в огонь. Когда подходило обеденное время, эсэсовцы делали перерыв. Иногда тут же садились есть. Фашист мог даже дать очередной жертве кусочек шоколада. Но как только кончал-

ся перерыв, рука палача, в которой только что была шоколадка, не дрогнув, хватала того же ребенка и бросала его в пламя.

Наши солдаты, насмотревшиеся за войну разных ужасов, видевшие дотла сожженные города и села, трупы истерзанных людей и сумевшие все это перетерпеть, пережить, тут не выдержали, на глазах появились слезы. Послышался чей-то надрывный голос: «Детей-то за что, изверги?»

До сих пор помню трогательную историю, происшедшую через несколько дней после освобождения Освенцима. Ко мне обратился один из командиров подразделения, майор Колодченко Петр Иванович, с просьбой, которая привела меня в замешательство.

Он посетил детский барак и нашел там мальчика лет пяти родом из Белоруссии. Каким чудом удалось ему это установить, знал лишь он один.

Петр Иванович до войны был директором средней школы в Бобруйске. Семья его (жена и двое детей) погибла. Два брата воевали. Ему было известно, что родители и две младшие сестренки успели эвакуироваться и проживали где-то в Башкирии.

И вот Колодченко, высокий, статный, с огромной копной вьющихся волос, с открытыми, почти детскими глазами, говорил с таким волнением, что в нем нельзя было узнать смелого до отчаяния, решительного боевого офицера. Он просил, нет, то была не просьба, он умолял разрешить ему взять этого мальчика и усыновить. Колодченко рассказал, что, как только он вошел в барак, ребенок бросился к нему, обнял его, а когда майор взял мальчика на руки, тот его поцеловал.

Просьба была настолько необычной и неожиданной, что я вначале даже не уловил ее смысла. Колодченко, всегда сдержанный, неразговорчивый, на этот

раз говорил без умолку, не давая мне возможности произнести ни слова.

— Подумали ли вы, какую заботу берете на себя в боевой обстановке? — проговорил наконец я.

У Петра Ивановича на все был готовый ответ. Он сказал, что его секретарь, очень милая и серьезная женщина, любит детей, истосковалась по своим племянникам, которых она воспитывала, живя до войны у сестры. Эта женщина, узнав о его, Колодченко, намерении, загорелась этой идеей и не давала ему покоя, настаивая на том, чтобы он пошел ко мне и подал рапорт. Она заменит ребенку мать. Сама судьба послала ей такое счастье и т. д. и т. п.

Не скрою, меня тронуло решение Колодченко. Вообще, я любил и уважал этого волевого, вдумчивого командира. Не один раз, находясь в тяжелой обстановке, он благодаря прекрасным командирским качествам выходил из, казалось бы, безвыходного положения.

В беседе мы обсудили всякие варианты и пришли к решению, которое было наиболее приемлемым: Колодченко возьмет пожилого бойца из тыла и отправит с ним мальчика к своим родителям.

Он действительно нашел бойца лет пятидесяти, который перенес ранения и был признан годным к нестроевой службе. Я обо всем доложил командующему армией П. Н. Курочкину, с его разрешения демобилизовал солдата, снабдил его документами, и он увез мальчика к родителям Колодченко.

Так Петр Иванович обрел себе сына, а обездоленный ребенок из Освенцима с шестизначной цифрой, выжженной на левой руке, нашел достойного, любящего отца.

Мой собеседник был настолько взволнован, что я не мог его отпустить. Долго мы просидели с Петром

Ивановичем. Мое участие в его переживаниях, намерение помочь ему, видимо, расположили Колодченко, и он рассказал ужасную историю, которая проникла в самое мое сердце.

Родители Колодченко жили по соседству с Заславскими и были с ними очень дружны. Петр и сын соседей Шура считали себя братьями: ходили вместе в один класс, сидели за одной партой, были неразлучны и вне школы. Потом поступили в институт. Там познакомились с девушками, тоже близкими подругами. По окончании института поженились. До войны две молодые семьи жили в большой дружбе. У Петра было два сына, а у Шуры — две дочери. Они мечтали породниться.

Война разлучила друзей. Колодченко ушел в армию, а Александр остался для выполнения задания.

...Шло заседание бюро горкома партии, на котором решался вопрос об эвакуации людей и оборудования заводов, когда неожиданно в городе появились гитлеровские десантники. Весь состав партийного актива был зверски истреблен.

Город фашисты захватили и начали устанавливать «новый порядок». Первым делом принялись очищать город от неарийцев. Собрали все еврейское население и куда-то угнали. Жена Заславского Елена была по национальности гречанка. Поэтому она не явилась, когда собирали евреев.

Потом объявили новую акцию: стали собирать детей от смешанных браков. Елена была вынуждена отвести своих детей — девятилетнюю Олю и шестилетнюю Нину. Детей забрали. Обезумевшая мать заметалась по городу в поисках спасения девочек. Вскоре Елена от кого-то услышала о том, что можно спасти детей, если представить данные, что они арийского происхождения.

Елена лишилась покоя, придумывая разные варианты выхода из создавшегося положения. Наконец она нашла человека, который согласился подтвердить, что Елена якобы с ним сожительствовала и от него родила. Встал вопрос, какую девочку спасти. Сказать, что обе рождены от грека,— не поверят. Сказать, что одна,— это более правдоподобно, но тогда какая? Наконец решили, что наиболее правдоподобно будет выглядеть версия, что Елена сожительствовала с греком до замужества. Следовательно, спасти можно только старшую девочку — Оленьку.

— Вы представляете состояние матери,— рассказывал Петр Иванович,— которой надо было решать, какую из дочерей отдать палачам на убиение?.. Я любил этих девочек не меньше моих сыновей. Узнав о случившемся, не находил себе места. Пусть это покажется странным, но когда я вошел в детский барак и ко мне бросился мальчик, когда взял его на руки и он ко мне прижался, то ощутил на себе ручонки маленькой Оленьки...

— Что же с ними было потом? — спросил я.

— Елена с девочкой даже не зашла домой. В чем была, в том и сбежала из города. Вообще, трудно представить, как у нее не разорвалось сердце. Ей вывели Оленьку. И в этот момент из подвала раздался крик Ниночки: «Мама, забери меня, мне здесь холодно!» Так Елена в последний раз услышала голос шестилетней дочурки, которую вместе с сотнями других детей уничтожили гитлеровские изверги... Многие месяцы Елена скиталась по деревням, живя подаяниями. Потом добралась до Башкирии, где нашла своих родителей, и они ее приютили...

Слушая Колодченко, я подумал: как много человеческих судеб покалечила война, какие жертвы она принесла и сколько потребуется времени, чтобы зале-

чить раны людей физические, а еще больше, видимо, душевные...

Хочу повторить, что, освобождая Освенцим от гитлеровцев, мы даже не предполагали обнаружить здесь огромнейший комбинат смерти. Однако об ужасах концентрационных лагерей, зверствах в них фашистов нам было известно задолго до прихода в Освенцим. Впервые мы встретились с группой бывших узников концлагеря летом 1944 года.

Войска нашей 60-й армии освобождали Тернопольщину. Впереди был небольшой городок Збараж, находившийся в 30 километрах от областного центра. Обычный южный городок с пыльными улочками, утопающий в зелени тополей и акаций.

Тогда я командовал специальной частью и находился в непосредственном подчинении командующего армией. Мы двигались во втором эшелоне и прямого участия в боях за освобождение Збаража не принимали. Да и, по правде сказать, противника еще до Збаража настолько обескровили, что он на этом участке уже был бессилён оказывать серьезное сопротивление.

В общем, Збараж миновала участь многих других городов. Он почти полностью сохранился. Видимых разрушений не было.

Мне приказали дислоцироваться в районе города и оказать помощь местным органам власти в восстановлении нормальной жизни.

По опыту прошлого мы знали о коварстве фашистов при отступлении. Они устанавливали замаскированные мины в совершенно неожиданных местах, отравляли воду, продукты. Нередко оставляли они своих агентов, которые совершали различные диверсионные акты. Поэтому одновременно с расквартированием подразделений нам пришлось заняться прочесыванием

города. Группы бойцов с минерами проверяли дома, надворные строения, приусадебные участки и прочее.

Штаб части расположился на окраине города, в здании, окруженном умело и любовно ухоженным фруктовым садом и цветниками. Дорога к дому была обсажена с обеих сторон стройными тополями, пышно разросшимися и образовавшими зеленый тоннель. При въезде в тоннель рука невольно тянулась к щитку, так и хотелось включить в автомобиле освещение.

Устраивались мы основательно, знали, что войска будут готовиться к наступлению, связанному с освобождением Львова, для чего требовалось немало времени.

На второй день пребывания в Збараже мне доложили, что одним из подразделений на окраине города, в каких-то развалинах, обнаружена группа женщин в рваных и грязных лохмотьях. Их человек шесть. Две из них говорят по-русски. Я попросил начальника штаба Косого поехать на место, выяснить, в чем там дело, и при необходимости оказать помощь.

Косой вернулся только поздно вечером, и по его виду нетрудно было догадаться, что он столкнулся с обстоятельством из ряда вон выходящим.

Из поверхностного опроса ему удалось установить, что шесть женщин и с ними девочка лет трех, жительницы Кракова и прилегающих к нему мест, до прихода гитлеровцев проживали со своими семьями, друг друга не знали. Все они оказались согнанными за проволочное ограждение, а оттуда их отправили в концентрационный лагерь Дембиц. Потом их перегоняли с одного места на другое. Они даже толком не могли объяснить, как оказались в Збараже. Куда-то переправляли большую группу обреченных, где-то они остались без конвоя, разбрелись небольшими группами кто куда. Здесь, в Збараже, прятались в полуразрушенных

сарайчиках, боясь себя обнаружить. Последние несколько дней совсем не ели, страшно истощены. Одежда их превратилась в сплошные лохмотья.

Впервые я видел своего начальника штаба, боевого и смелого офицера, в таком состоянии, когда говорят, что лица на нем нет. Но это, конечно, было вполне понятно. Ведь мы только из печати знали о лагерях и прочих кошмарах.

Забегая вперед, скажу: я впервые увидел этих несчастных женщин спустя пять-шесть дней в довольно благоприятной обстановке, и то их внешний вид вызвал душевный трепет.

Мой адъютант связался с местными властями, и по их распоряжению женщинам отвели отдельный дом. Там было все необходимое, чтобы они могли привести себя в порядок, отдохнуть.

Встречался я с этими людьми потом несколько раз. Первые встречи оставляли тяжелый осадок. Женщины пережили слишком много горя. Они прошли через годы нечеловеческих мучений и страданий, скитаний и обреченности. Они бродили по комнатам как замороженные, не веря, что это явь. Одна из этих женщин сказала: «Даже в самом фантастическом сне такое не увидишь».

Как выяснилось, они были вполне образованными, культурными людьми. В свое время изучали русский язык, интересовались жизнью нашей страны, читали советскую литературу. Но ничего не знали и не могли знать о войнах Советской Армии, которых увидели впервые в жизни. Эти измученные женщины не могли знать, что не очерствели сердца советских людей и они не способны в пылу ярости, не разобравшись, допустить несправедливость по отношению к ним. Не понимая сути моральных устоев наших бойцов и командиров, женщины все время находились в страхе. Эlemen-

тарную человеческую заботу они воспринимали как нечто противоестественное. В каждом их движении, жесте усматривалось что-то похожее на преклонение. Вначале они держали себя очень связанно. Стеснялись даже садиться в нашем присутствии, вздрагивали при обращении к ним. Сколько мы ни старались разъяснить им, что они ставят этим нас в неловкое положение, даже оскорбляют, ничего не помогало. Тогда пришлось пригрозить, что если они будут так себя вести, то больше никогда и никто к ним не придет. Только после этого они несколько изменили свое поведение и начали робко рассказывать о себе.

Мы узнали, что 27-летняя Вероника жила в Кракове со своим мужем-врачом, который был старше ее на пять лет. Она увлекалась литературой, изучила в совершенстве русский язык, хорошо знала наших классиков и мечтала передавать свои знания в этой области школьникам и студентам. Она начала работать, и счастью ее не было конца. Но вдруг этот кошмар, и все пошло в тартарары.

С приходом гитлеровцев их собрали и изолировали. Ее муж, энергичный молодой человек, занимался лечением. Его специальность оказалась весьма нужной в условиях заточения. Сам он был, как рассказывала Вероника, человеком богатырского сложения и здоровья. Но в один злосчастный день заболел. Немецкий врач заподозрил у него дизентерию. И вот на глазах Вероники фашист сделал ему укол. Муж положил голову на ее колени и через несколько минут, не произнеся ни звука, конвульсивно вздрогнул и скончался. От горя она обезумела и была близка к самоубийству. Но добрые люди пришли на помощь, окружили заботами, не дали почувствовать одиночества.

Постепенно она начала выходить из депрессивного состояния и вернулась к жизни. Она привязалась к

молодой паре: 24-летней Ядвиге и ее мужу — 32-летнему Йозефу. С ними она скиталась по разным деревням и городам и наконец оказалась в Збараже. Когда наши бойцы нашли женщин, то Йозефа среди них не было и никто не знал, куда он делся.

Вероника рассказала историю одной из находившихся здесь женщин примерно ее возраста — матери маленькой девочки. Сколько горя она вынесла, не поддается описанию. Ее мужа заподозрили в чем-то «крамольном», забрали и уничтожили. Она осталась с годовалым ребенком, о котором надо было позаботиться, не только кормить, но и главным образом уберечь от фашистских ищеек, охотившихся за детьми. Куда только она не умудрялась прятать девочку! Когда их выгоняли на работы, мать заворачивала ребенка в лохмотья и запихивала его то в корзинку, то в рюкзак или мешок и проносила мимо охраны. Сердце замирало и ноги подкашивались при мысли, что вдруг ребенок заплачет. Тогда гибель для обеих была бы неминуема.

Время шло. Женщины оттаивали, становились смелее. Как-то при одной из встреч Ядвига, очень застенчивая, неразговорчивая (я даже не слышал ее голоса), вдруг набралась решимости и спросила, не могли бы мы помочь ей в розыске ее мужа.

Просьба Ядвиги меня поначалу удивила, но еще больше озадачила. Обращение ко мне можно было объяснить. В ее понятии я был всемогущим. Но сам я не представляю, что можно сделать. На всякий случай записал данные о ее муже. Как-то в очередной из встреч с начальником контрразведки части я так, между прочим, рассказал ему о затруднительности моего положения. Он мне ничего не ответил. Но прошло какое-то время, и он сообщил, что, кажется, напал на след мужа Ядвиги. След этот оказался верным. Спустя некоторое время, если память мне не изменяет, не то в

Жешуве, не то в Кракове стало известно, что супруги соединились.

Вот так житейские хитросплетения подчас делают тебя причастным к судьбе людей малознакомых, а то и вовсе далеких. Конечно же нас объединяла одна, общая беда, одна ненависть к врагу, ввергшему народы мира в пучину тяжелейших страданий. Тогда я еще не знал, что в моем роду гитлеровцы истребили больше 40 человек. Но и то, что я сам видел и слышал, настолько потрясло меня, что я дал себе слово сделать все, чтобы помочь спасенным нами женщинам. Мой адъютант старший лейтенант Борноволоков был в курсе этих дел. Ему одному я сказал, чтобы при всех обстоятельствах, как только мы остановимся хотя бы на несколько дней где-нибудь, он брал грузовую машину и перевозил женщин вперед, пока не довезет их до Кракова.

Когда после контузии меня направили в госпиталь, адъютант сказал:

— Будьте спокойны, ваш приказ выполню. Подопечные будут доставлены в Краков.

— Не приказ это, Лева,— проговорил я,— а моя просьба.

— Тем более,— ответил Борноволоков.

Впоследствии, как я узнал, адъютанту удалось выполнить мою просьбу. Женщины были перевезены в Краков. Правда, поселились они не в своих квартирах, поскольку дома оказались разрушенными, а в других местах. Это, разумеется, не огорчало их. Главное — они были теперь на родной земле, в родном городе.

Более двух месяцев наша часть простояла в Освенциме. И все это время я выполнял обязанности начальника гарнизона.

Человеческая память обладает способностью периодически освобождать извилины мозга от пережито-

го и размещать в них новую, свежую информацию. Но у каждого из нас бывают обстоятельства и события, которые сохраняются в памяти навечно. К этим обстоятельствам и событиям я отношу все то, что увидел и услышал в Освенциме. За два месяца передо мной прошли десятки, сотни людей, и едва ли не каждый из них оставлял во мне частицу того, что невозможно забыть.

До сих пор помнится, как неподалеку от детского барака ко мне подошла красивая, лет восемнадцати девушка-француженка. Скороговоркой она стала просить у меня прощения за то, что не успела переодеться на бал.

— Месье, вы позволите мне пойти с вами на бал? Мы будем с вами танцевать, месье, потом вы дадите мне ружье. О, я буду вместе с вами воевать, стрелять в наци.

Я понял, что ужасы пережитого здесь лишили ее рассудка. И вспомнил надпись на воротах лагеря: «Работа делает свободным». Да, эту юную красавицу тоже сделали «свободной», ее освободили от рассудка.

В один из январских дней сорок пятого произошла другая, короткая, но памятная встреча. Невысокого роста, коренастый, на вид лет сорока человек представился:

— Я врач из Белостока. Меня со всей семьей привезли в Освенцим в 1942 году. Моих родных — отца, мать, жену и двух детей сожгли в печи. Меня оставили работать врачом. За это время я сохранил списки фамилий нескольких сотен тысяч человек, сожженных в печах крематория.

На вопрос, как же он решился на такой риск, поляк ответил:

— Вера в то, что рано или поздно придет конец этим вандалам, придавала мне сил и смелости. Я вы-

держал все и дождался того, ради чего так долго страдал и рисковал.

Встретился мне бывший капитан французской армии, попавший в плен и привезенный сюда, в Освенцим.

— Раньше я наивно думал,— сказал он,— будто то, что пишут о нацистах,— пропаганда против них. Но, побывав в этом страшном месте, понял, что даже самые талантливые журналисты неспособны описать все, что я тут видел, чтобы это проникло в человеческие души...

С каждым годом мы все дальше и дальше удаляемся от событий военных лет. Однако по мере удаления эти события не теряют остроты, и при воспоминании о них ощущаешь боль, подобную той, которая бывает от старых ран при ненастной погоде. Душа ноет и не дает покоя: все ли сделано для того, чтобы не допустить повторения ужасов военных лет?

В Освенциме ныне создан международный музей. Размещен он в 28 каменных блоках, тех самых, в которых еще до концлагеря были военные казармы. В музее представлены вещественные доказательства зверств фашистов. Ежегодно здесь бывают многие сотни тысяч туристов. По свидетельству сотрудников музея, есть тенденция роста числа посетителей.

В послевоенные годы, как я уже говорил, мне неоднократно довелось бывать здесь. И каждое посещение вызывало в памяти картины зимних месяцев сорок пятого года. Конечно, в музее многое изменилось по сравнению с тем, что я видел сразу после освобождения Освенцима от фашистов. К примеру, то, что раньше было свалено в складах, теперь нашло место в специальных витринах.

Надо сказать, что освенцимский музей производит сильное впечатление на всех без исключения. Посети-

тели выходят из зданий ошеломленные. Лишь по истечении какого-то времени они обретают дар речи. Причем чаще всего произносят одну и ту же фразу: «Невероятно! Неужели это могли делать люди?» В одно из моих посещений туристы, узнав, что я был первым начальником гарнизона освобожденного Освенцима, окружили меня тесным кольцом. Завязалась беседа. Молодой румынский журналист все добивался ответа: «Неужели все это имело место и вы сами это видели?» Все просили рассказать об этом подробнее. Я рассказывал, и без конца подходили все новые и новые слушатели.

В первые послевоенные годы, затем в период «холодной войны» на Западе раздавались (да и теперь раздаются) голоса о том, что Освенцим — это якобы коммунистическая пропаганда, а документы о нем — фальсификация. Эти утверждения не что иное, как попытка реабилитировать фашизм, стремление доказать, что если и были жертвы, то это — закономерные «издержки» идеологии «завоевания мира». Однако теперь уже ничто не может вытравить из сознания миллионов людей на земле, что Освенцим — это реальность, это доказательство вопиющего преступления нацизма против человечества.

Еще в сорок четвертом году гитлеровские преступники, чувствуя приближение неотвратимого разгрома фашизма, пытались уничтожить доказательства своих злодеяний. Трупы сжигали, а пепел старались развеять или утопить в реке. Чтобы сохранить в тайне истинную причину смерти, составлялись фиктивные истории болезни, подложные удостоверения о гибели умерщвленных узников. Стремясь избавиться от свидетелей преступлений, фашисты время от времени уничтожали тех заключенных, которые работали в крематориях. Так же они поступали с теми узниками,

которых принуждали работать с ними во время производства «медицинских» опытов. Однако некоторые из свидетелей этих ужасов остались в живых и смогли рассказать обо всем человечеству.

В январе 1945 года освобожденные узники концлагеря поведали нам о последних преступлениях освенцимских палачей. Понимая, что приближается час расплаты, гитлеровцы стали, что называется, на многое закрывать глаза. Были рождественские праздники. Заключенные отмечали их пением песен. Но 30 декабря эсэсовцы вдруг снова озверели. На вечерней переключке этого дня они повесили руководителей лагерной организации движения Сопротивления Эрнста Бургера, Рудольфа Фримля, Людвига Веселы, Петра Пешты и Барнарда Свечина. Сделано это было на глазах их соратников по движению Сопротивления, которые стояли тут же, в шеренгах, с обнаженными головами и в бессильной ярости смотрели на мученическую смерть товарищей.

Оставшиеся в живых и теперь помнят тот кошмарный вечер. Они и сейчас призывают: «Помните все! Пусть помнят ваши дети и внуки! Знайте, что забвение может привести к повторению трагедии Освенцима!»

Помня все эти ужасы, можем ли мы быть равнодушными к требованиям полной реабилитации СС и осуждению движения в защиту мира? Кошунством прозвучали требования господ из концерна «Фарбендустри» оправдать военных преступников, которые сообща мучили и убивали своих невольников.

Люди моего поколения были свидетелями зарождения и развития гитлеризма и хорошо знают, как это начинается и чем кончается: от свастики на стенах домов до газовых камер концлагеря. Путь этот ведет через снисхождение к преступникам, через воспитание

национальной и расовой ненависти, через национализм, шовинизм и милитаризм.

Ужасающие цифры человеческих жертв и материальных потерь, беспримерное уничтожение памятников культуры, выселение из домов и ограбление мирных жителей, варварская эксплуатация в местах принудительных рабских работ — это далеко не полный, самый поверхностный перечень результатов гитлеровского владычества в оккупированных странах.

На Западе нередко раздаются голоса упрека в адрес советских писателей, журналистов, кинематографистов, сценаристов по поводу того, что они якобы слишком часто обращаются к военной тематике. С их точки зрения, пора покончить с подобным явлением, нельзя, мол, без конца напоминать о войне. Конечно же в этих голосах следует прежде всего усматривать попытку вытравить из памяти людей кошмары военных лет. Но земля долго хранит прах павших, чтобы увековечить их память, память тех, чья смерть была преждевременной. Цифры жертв и потерь — это только сухая статистика. Надо проследить этапы мучений народов, чтобы осознать подлинные масштабы гитлеровских злодеяний.

Говорят, что время — лучший исцелитель. Видимо, так оно и есть. С годами оседает где-то в глубине души горечь даже самых тяжелых утрат, затягиваются, заживают и глубокие раны. Но это в том случае, когда не бередят душу, не растравляют старые раны.

В сентябре 1977 года писатель Лев Гинзбург был участником семинара переводчиков в западногерманском городе Геттингене. О своих впечатлениях он рассказал на страницах журнала «Иностранная литература», в частности о том, что в ФРГ не стихла, а усилилась «гитлеровская волна», неожиданный болезненный интерес к Гитлеру. Выходили дневники Геб-

бельса, мемуары Шпейделя, брошюра «Три завещания Адольфа Гитлера» и тому подобная литература. На экранах маленького городка Геттингена, при переполненном зале, на протяжении многих недель шел кинофильм Иоахима Феста «Гитлер. История карьеры». В газетах и журналах то и дело появлялись фотографии Гитлера, Геринга, Гиммлера, Бормана и других. Вышел словарь В. Казака «Русская литература после 1917 года» с пристрастными оценками творчества советских писателей. Немцев ожесточали, подстрекали к настороженности, к расправе.

Опасно для благополучия человечества и появление «Черного интернационала». Активный его деятель Марио Тути, обвиненный в убийстве полицейского, представил документы о деятельности так называемой «Наднациональной фашистской организации». В одном из документов указывалось: «Нас хотят уничтожить, но это им не удастся. Нас пытаются назвать по именам, но не могут». Далее следует прямой призыв к открытым террористическим актам: «Надо стрелять и незаметно уходить в подполье. Таков наш последний приказ». «Черный интернационал», по свидетельству документов, полученных агентами Интерпола (Международная криминальная полиция) и опубликованных итальянским еженедельником «Темпо», — это организация, объединяющая, инструктирующая и направляющая деятельность основных фашистских организаций в Европе и их южноамериканских и южноафриканских коллег.

Основателем «Черного интернационала» считают французского нациста Мориса Бардеша, который в 1950 году созвал в Риме первый тайный съезд европейских национальных течений. Там присутствовали делегаты от «Немецкого социального союза» (ФРГ), «Новошведского движения», «Итальянского социаль-

ного движения» и французской организации «Новый порядок». С тех пор они собираются довольно часто. В 1960 году состоялось заседание европейского фашистского «учредительного собрания». Ряды опасных деятелей пополнились членами греческого «движения четвертого марта», португальской фашистской организации «Авангардия», испанскими ультраправыми, объединенными вокруг журнала «Фуэrsa нуэва». Встречи этих организаций происходили в Баварии не далее как в 1972 и 1973 годах.

Под знаменем «Черного интернационала» объединяются фашисты и неофашисты, правые экстремисты и террористы всех цветов и оттенков, ненавидящие лютой ненавистью все прогрессивное на земле.

В Западной Германии, конечно, есть силы, которые противостоят экстремистам, ведут неустанную борьбу с последышами мракобесия. Недавно там вышла книга «Неонацисты», написанная Ю. Поморином и Р. Юнге. Из нее можно узнать, что в ФРГ на сегодняшний день существует примерно полторы сотни неонацистских организаций, о деятельности которых приводятся разительные факты. Позволю себе дать выдержку из рассказа очевидца Юргена Поморина о проделках членов этих организаций.

«Дверь распахнулась. Трое молодых людей с шумом ввалились в пивную. Одеты во все черное, перетянуты портупеями, какие носили в войсковых частях СС. «Хайль Гитлер!» — вскидывают вверх руки вошедшие. Пивная дружно откликается: «Хайль Гитлер! Принесли мертвого коммуниста?» Место действия — Гамбург. Год 1978-й. Это члены неофашистской банды «Фронт действий национал-социалистов» (САНС). Выходки их в последние месяцы привлекли к себе тревожное внимание общественности. Ведомство по охране конституции и министерство внутренних дел давно

знают об этой банде и ее провокациях. Но никаких мер не принимается...»

Далее автор книги сообщает, что у руководителя САНС 22-летнего Кюнена были найдены фашистские и антисемитские плакаты. Члены банды подбрасывают в дома антифашистов письма с угрозами, оскверняют могильные надгробия, печатают нацистские памфлеты. Одна из любимых их песен — «Кожу с головы — на абажур».

Ныне в Западной Германии тысячи бывших нацистов воспитывают молодое поколение в духе восхваления гитлеризма и оправдания преступлений фашистов в оккупированных в годы войны странах. Людям вбивают в голову, что при Гитлере было лучше, чем теперь, что, мол, тогда не было безработицы, а теперь в ФРГ безработных насчитывается свыше миллиона человек и т. п.

В журнале «Штерн» была опубликована статья, озаглавленная весьма многозначительно: «ФРГ: молодые нацисты со старыми лозунгами». В статье приведены слова одного из ганноверских неонацистов, который заявил: «У нас сейчас такой приток новых членов, какой никогда раньше не был». Действия неонацистов становятся все более дерзкими и жестокими. «Штерн» отмечал, что среди неонацистов распространено восхищение действиями экстремистов, потому что террор, по словам руководителя неонацистов адвоката Манфреда Редера, должен стать чем-то само собой разумеющимся. Выступая в Регенсбурге перед так называемым «рейхстагом», он с издевкой сказал об убитом генеральном прокуроре ФРГ Бубаке: «Тот, кто хотел нас уничтожить, лежит в земле. Такой позорный конец и справедливое возмездие ждет всех, кто нас преследует». Орган американских фашистов «Кампфуф», распространяемый в ФРГ, в свою оче-

редь писал об убийстве Бубака: «Нас не охватит фальшивое сочувствие при виде этого и последующих трупов».

Таковы факты, которые, как говорится, никуда не денешь. И до тех пор, пока корни старого гитлеризма не выкорчуют и не уничтожат, всегда будет опасность появления новых ростков этого зла.

Освенцимский музей должен стать местом массового посещения. Люди обязаны воочию убедиться в том, что ждет человечество в случае возрождения нацистской идеологии, пропаганда которой ведется в реакционных кругах ряда западных стран. Надо, чтобы каждый, кто побывал в музее, оставил об этом посещении крепкую память, память о его страшных экспонатах — свидетельствах изуверств, чтобы в запечатленных в фотографиях ребенке, склонившемся над застреленной матерью, узнике, погибшем на колючей проволоке, изможденных женщинах, идущих на смерть — в газовую камеру, он видел тернистый путь многострадальных народов, которые выжили, победили и ничто не забыли.

* * *

Закончил повествование и задумался: исполнил ли я свой долг перед однополчанами, вместе с которыми мы сражались против общего врага, перед живыми и теми, кого уже нет с нами? Все ли сказал, что знаю и о чем надо бы сказать? Наверное, нет. Но все же что-то сделано. И я чувствую облегчение, словно освободился от непомерной тяжести, давившей на меня. Пусть меньше будет безымянных героев, пусть имена достойных людей, боровшихся за свободу Родины, станут известны многим. В связи с этим уместно привести слова Юлиуса Фучика. «Придет день,— писал

он,— когда настоящее станет прошлым, когда будут говорить о великом времени и о безымянных героях. Я хотел бы, чтобы все знали, что не было безымянных героев, а были люди, которые имели свое имя, свой облик, свои чаяния, свои надежды и поэтому муки самого незаметного из них были не меньше, чем муки того, чье имя войдет в историю. Пусть же эти люди будут всегда близки нам, как друзья, как родные, как вы сами».

Итак, я рассказал о людях, которых знаю. И теперь, перечитывая написанное, вижу, что передо мной как бы проходят две эпохи. Та, прошедшая, в которую прожили жизнь и перенесли все ее тяготы мои ровесники, и нынешняя, в которую продолжают жить оставшиеся из нас и новое поколение, достойное быть в одном строю с нами.

Прошлое не появилось из ничего. Оно родилось из завоевания народом власти, из становления государства, из созидательного труда, из невероятно тяжелых испытаний в борьбе с врагом, пытавшимся повернуть историю вспять и уничтожить наш строй, из послевоенных больших и малых дел, из всего того, что называется жизнью и в чем мы принимали и принимаем участие.

Все дело только в том, чтобы наши дети и внуки сумели сберечь в себе уважение к прошлому, были бы способны извлечь из него уроки. Без этого нельзя понять настоящего и представить себе будущее.

Елисаветский Г. Д.

Е 51 Мы вместе сражались. М.: Моск. рабочий, 1980.— 256 с., 1 л. ил.

В очерках ветерана Великой Отечественной, одного из командиров 3-й Московской коммунистической дивизии, рассказывается о боевом пути этого добровольческого соединения, о мужестве и героизме его людей, защищавших в 1941 году подступы к Москве, затем сражавшихся на Северо-Западном и других фронтах войны. В книгу вошли также воспоминания об Освенциме, в освобождении которого участвовал автор, будучи в то время командиром одной из частей в составе войск нашей 60-й армии.

Для широкого круга читателей.

Е 10604-048
М172(03)-80 57-80. 0505030202

63.3(2)722
9(С)27

СОДЕРЖАНИЕ

6	ОТ АВТОРА
9	МОСКОВСКАЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ
137	СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ
214	ЭТОГО НЕ ЗАБЫТЬ!

ИБ № 1269

Григорий Давидович Елисаветский

МЫ ВМЕСТЕ СРАЖАЛИСЬ

Заведующая редакцией Е. Чистякова

Редактор А. Бармасов

Художник И. Смирнов

Художественный редактор Э. Розен

Технический редактор М. Шлык

Корректоры М. Калязина, И. Сахарук

Сдано в набор 08.10.79. Подписано к печати 08.02.80. Л76412. Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 11,9. Уч.-изд. л. 11,15. Тираж 50 000 экз. Заказ 4357. Цена 50 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Московский рабочий».
101854, ГСП, Москва, Центр,
Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473,
Краснопролетарская, 16.

50 к.

Г. Елисаветский Мы вместе сражались